

НИКОЛАЙ ПАНИЕВ

НА ГРАНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

НИКОЛАЙ ПАНИЕВ

НА ГРАНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

ПОВЕСТЬ-ХРОНИКА

Москва
«Молодая гвардия»
1981

84Р7
П16

Паниев Н. А.

П16 На грани жизни и смерти. — М.: Мол. гвардия, 1981. — 208 с., ил. — (Стрела).

В пер.: 85 к. 200 000 экз.

Повесть о совместных действиях болгарских патриотов и советских чекистов по разоблачению коварных замыслов изгнанной из Крыма белой армии барона Врангеля.

П $\frac{70302-210}{078(02)-81}$ 248—81. 4702010200

ББК 84Р7
Р2

Светлой памяти моего отца посвящаю

В канун второй мировой войны на небольшой железнодорожной станции у советско-польской границы встретилась мне семья русских эмигрантов, возвращающихся на родину. Они рассказали о долгих скитаниях в чужих краях. Запомнился и рассказ старого польского коммуниста о зарубежных друзьях русской революции, участвовавших в становлении и укреплении молодого Советского государства. Так в годы революции и гражданской войны разные люди оказывались по разные стороны баррикады.

В последующие годы во многих странах, особенно на Балканах, мне приходилось встречаться с русскими эмигрантами, с зарубежными друзьями нашей страны. Их рассказы новыми ракурсами, интересными фактами дополняли давно услышанное.

В начале двадцатых годов в Болгарии осела основная масса бежавших из Крыма врангелевцев. Многие тысячи болгарских коммунистов, членов земледельческого народного союза участвовали в Октябрьской революции и защищали ее завоевания в гражданской войне, боролись с контрреволюцией. Воспоминания старых болгарских коммунистов, встречавшихся с В. И. Лениным и выполнявших его поручения, помогли мне лучше представить многие события труднейшего для Советского государства периода — от начала гражданской войны до ее победного окончания. Эти первые пять лет после Октября примечательны тем, что Советская власть получала большую поддержку зарубежных друзей-интернационалистов. В эти же годы начался важный процесс расслоения белой эмиграции. Происходила переоценка ценностей, многие эмигранты начали серьезно задумываться над своим житьем-бытьем на чужбине, над судьбами родины Протрезвление, наступившее среди определенной части русской эмиграции, поселившейся в Болгарии, особенно было характерно там, где велась усиленная работа по разоблачению коварных планов командования врангелевской армии, по возвращению на родину русских солдат, офицеров и даже генералов.

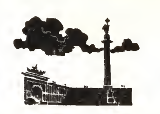
Борьба с внутренней и внешней контрреволюцией требовала огромных жертв. На фронтах гражданской войны и в акциях по обезвреживанию бесчисленных контрреволюционных заговоров сложили головы тысячи коммунистов партии Ленина, воинов Красной

Армии, комсомольцев... Среди них были и зарубежные интернационалисты. Мир не знал примеров столь массовой солидарности. Коммунисты-интернационалисты защищали революцию в России как свою национальную революцию, как свое кровное дело. Одной из замечательных черт Октябрьской революции был пролетарский интернационализм, который кровными узами связал рабочих России с их братьями по классу во всем мире. «Можно с полным основанием сказать, что победа Октября — это и победа международного братства трудящихся, победа пролетарского интернационализма», — говорил на торжественном заседании, посвященном пятидесятилетию Великого Октября, товарищ Л. И. Брежнев. Самоотверженность зарубежных приверженцев Октября заставила значительную часть белой эмиграции, а в ее среде было немало людей ошибающихся или просто обманутых, другими глазами взглянуть на крутой исторический поворот в судьбе России, вдуматься в смысл происходящих перемен в мире.

В повести-хронике сделана попытка рассказать о большом вкладе наших болгарских друзей в ликвидацию опасного для молодого Советского государства врага, каким была дислоцированная на Балканах врангелевская армия. Герои книги существовали в действительности. Некоторые фамилии изменены, однако все, кому хорошо известны история России послереволюционного периода и важные события, развернувшиеся в Болгарии в годы подъема классовых схваток, узнают в этих персонажах известных политических, общественных деятелей...

Повесть обращена в первую очередь к современной молодежи, которая должна знать об интернациональном подвиге коммунистов XX века— совместной защите и укреплению первого в мире пролетарского государства — и никогда не забывать, какой дорогой ценой завоевана наша жизнь, наше будущее.

Автор приносит сердечную благодарность всем советским и болгарским товарищам за помощь в сборе материалов для повести, за советы и критические замечания в процессе работы над рукописью.

ДЕНЬ СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

Первый новый год после великой революции в России начался на берегах Невы шквальными ветрами и метелями. Белая круговерть, словно гигантская юла, разгуливала по площадям, проспектам и улицам.

В метельный январский вечер 1918 года по опустевшей улице медленно двигался человек, напоминавший живой сугроб. Подойдя к зданию с темными окнами, он поднялся на крыльцо и принялся шумно топать ногами, отряхиваться. Старая Лукерья, выглянув в окно, в испуге перекрестилась, потом, узнав одного из своих постояльцев, поспешила отпереть дверь.

Снежные метели бывают и в Болгарии, но разве можно было сравнивать тамошнюю зиму — теплую, мягкую, солнечную — с русской матушкой зимой, известной своими крепкими морозами, пронизывающими насквозь ветрами... Если бы не длинный бараний тулуп — подарок чабанов, кочующих с отарами в болгарских горах, то Христо Балев, пожалуй, окоченел бы в морозном Петрограде. А ведь он не хотел брать в лодку этот огромный тулуп, боясь, что он будет ему помехой в трудном и опасном морском путешествии из Варны к русским берегам. Товарищи, бывавшие в России, посоветовали ему не бросать подарок. Декабрь в Варне напоминал начало весны; на юге России — в Одессе и Севастополе — тоже стояла теплая погода, а вот в Петрограде, куда предстояло добраться Христо Балеву, зима была в разгаре, стужа не щадила тех, кто был легко одет... И, надо сказать, Балеву тулуп здорово пригодился, молодой болгарин не расставался с ним и в доме, плохо отапливаемом сейчас.

Но сегодня, несмотря на спасительный тулуп, Христо Балев изрядно продрог, пока шел от Смольного до своей квартиры. Он мечтал о кружке горячего русского чая возле печки-времянки, где хозяйничала приветливая и сердобольная тетка Лукерья, которую он называл по-болгарски «леля». Еще он думал, что надо будет отстучать на машинке сообщение в Софию о том, как

большевики относятся к Учредительному собранию. Товарищи в Смольном ввели его в курс последних важных событий. А в конце разговора один из них как бы между прочим сказал, что вечером устраивается представление для красногвардейцев, и пригласил Балева в театр. Но Христо отказался, сославшись на то, что дома его ждут друзья-интернационалисты, да и старый-престарый «ундервуд»...

Тетка Лукерья, открывшая ему дверь, всплеснула руками. Она была здесь и за уборщицу, и за истопницу, обстирывала своих постоятельцев, грела им чай...

Отряхивая веником снег с тулупа Балева, не переставая сокрушаться, говорила:

— Гляжу, батюшки мои, не человек движется, а снежная гора. Кто, думаю, этот горемыка, небось продрог до костей. Ан это свой... Ну я тебя, родимый, живо чайком горяченьким напою, вот и отойдешь, согреешься.

— Точно така! — сказал Христо Балев по-болгарски и улыбнулся. Это было его излюбленное выражение, которое всем было понятно без перевода.

Однако долго распивать чай и греться у печки не пришлось. На столе он увидел записку. Иван Пчелинцев писал: «Христо, приходи в театр. Не пожалеешь. Тетя Лукерья объяснит, как добраться». Расспросив у тетки Лукерьи дорогу к театру, Христо Балев облачился в тулуп и вышел.

На улице он бросил взгляд на большой особняк напротив с темными зашторенными окнами. Когда ему сказали о представлении, у него мелькнула мысль об актрисе, которая жила в этом особняке: «Интересно, будет ли она?»

* * *

Небольшой частный театр, где прежде выступала любительская труппа, вскоре после революции распахнул свои двери перед красногвардейцами, матросами, рабочими... Для большинства этих зрителей даже такой театр с маленькой сценой, обветшалым занавесом и простыми стульями был невидалью — они входили в зал, охваченные непривычной робостью. Артисты-любители старались вовсю, и благодарные зрители награждали их бурными аплодисментами. Нынешним же вечером, как понял Христо, будут выступать настоящие артисты, среди которых немало знаменитых.

В театре были две ложи, напоминавшие простые загородки, — они предназначались для почетных гостей. В левой ложе расположилась группа мужчин в гражданской одежде. Большинство из них были иностранцы, активно участвовавшие в русской революции. В другой, справа, сидели мужчины и женщины, многие из которых были хорошо известны сидевшим в зале по встречам в штабе революции — Смольном.

* * *

На сцену вышел мужчина в кожанке и громко, словно он выступал на большом солдатском митинге, обратился к залу:

— Товарищи революционные солдаты и матросы, рабочие красного Питера! Разрешите от имени народного комиссариата просвещения приветствовать вас, дорогие новые хозяева нашего рабоче-крестьянского, солдатско-матросского театра.

Сразу было видно, что человеку в кожанке часто приходилось держать речи. Привыкшие к митингам и собраниям зрители встретили его слова шумными рукоплесканиями. Воодушевленный таким приемом оратор продолжал:

— Дорогие товарищи, перед вами, новыми хозяевами, сейчас выступят артисты театров революционного Петрограда. Разумеется, те, кто понял и принял нашу революцию. Они уполномочили меня передать вам, дорогие товарищи, боевой сердечный привет!

Иван Пчелинцев наклонился к Христо Балеву и, стараясь перекрыть гром аплодисментов, сказал:

— Она будет непременно! А как же без нее?

Мужчина в кожанке торжественно объявил:

— Первым делом будет исполнена сцена из знаменитого балета великого русского композитора това... Чайковского Петра Ильича под названием «Спящая красавица»...

Иван Пчелинцев сильно толкнул Балева в бок:

— Ну что я говорил!

* * *

В креслах оркестра, только наполовину занятых музыкантами, появился худой как жердь дирижер. Не успел он поднять свою палочку, как вдруг на сцену

выбежала балерина. Дирижер с растерянным видом опустил палочку. Конфуз! Такого еще не бывало. По ложам пробежал шумок. Почему балерина очутилась на сцене, не дождавшись музыкального вступления?

Женщина на сцене прижала руки к груди, с заметным волнением начала говорить:

— Я балерина, поэтому у меня свой язык, свой способ общения со зрителями. Это язык танца, язык движений.

Христо Балев, невольно приподнявшись, впился немигающим взглядом в балерину. Она продолжала:

— Но сегодня, когда я увидела вас, моих новых и, надеюсь, постоянных зрителей, мне захотелось поговорить с вами другим, более понятным языком... языком поэзии. Я не драматическая актриса, стихов со сцены не читаю. Но очень люблю стихи. С детства... Стихи и песни. Детство мое прошло в деревне, возле Твери. Здесь, наверное, есть мои земляки, тверские?

— Есть! Имеются! — раздались голоса из зала.

Один матрос, парень неробкого десятка, вскочив с места, весело крикнул:

— Тверяки... они везде! А как же! Давай, землячка, не робей!

Зал одобрительно загудел.

— Мне хочется прочесть одно стихотворение, я думаю, что оно вам понравится. Оно посвящено нашему городу и написано совсем недавно. Вот послушайте...

* * *

Леопольд Гринин стоял у окна, медленно водя пальцем по причудливым узорам, нарисованным морозом на стекле. Улица была пустынна. Вдруг он увидел толпу вооруженных людей, которая двигалась по заснеженной улице. Леопольд быстро отдернул руку, будто стекло вмиг раскалилось и обожгло пальцы. «Не иначе как идут усмирять, а может, кого-нибудь и... к стенке», — подумал он. Вид этой темной массы на фоне белого безмолвия вызвал в душе щемящую тревогу. Мимо особняка часто проходили такие толпы. За эти немыслимо перевернувшие всю его жизнь осенне-зимние месяцы Леопольд перевидал немало вооруженных людей. Но ему хотелось верить, что эта чернь с винтовками, тяжелеными деревянными маузерами и бомбами на кожаных

поясах непременно уберется из города, исчезнет, как дурной сон. Правда, крушение новой власти почему-то затягивалось, и это вселяло тревогу. Большевикам поначалу давали пять-шесть дней существования, потом прибавили месяц, накинули еще один. Но должен же быть конец этому! Леопольд надеялся, что этот конец удастся положить европейским союзникам, которые вначале было ограничились тем, что подняли большой шум в прессе по поводу большевистского переворота, но теперь обещают силу свою показать, мощью оружия восстановить вековой порядок в России. Россия знавала смутные времена, но черни никогда не удавалось надолго взять власть...

Его размышления были прерваны появлением еще одной толпы, которая была больше первой и запрудила всю улицу. Леопольд не на шутку забеспокоился. Что происходит? Солдаты и матросы шли спокойно, не торопясь, и у Леопольда мелькнула мысль, что они идут на какое-то свое сборище. Наверное, опять будут митинговать, орать «Да здравствует!» и «Долой!». Ох, дались им эти два слова! Повсюду только их и слышишь, словно в русском языке нет иных слов! Даже люди его круга нет-нет да и вставят эти словечки в свою речь. Да что говорить о других! Он вчера за обедом выкрикнул «Долой!» по адресу большевиков, временно захвативших власть, на что Анна не без иронии заметила, что он не на митинге. Вспомнив об Анне, Леопольд задумался: почему это она сегодня так поспешно, никому ничего не сказав, куда-то уехала? Интересно, возвратилась ли она? Леопольд быстро накинул на плечи стеганый халат и вышел из комнаты. В гостиной никого не было. Пойти к Дине спросить? Нет, надо выдержать характер: он на нее обижен, в последнее время она держится с ним ужасно. Оставался Кирилл. Но если брат засел на сочинительство стихов, то к нему лучше не соваться. Да и дверь в комнату брата была заперта. Черт побери, в этом доме не найдешь живой души! Леопольд, мысленно продолжая проклинать все на свете, уже было направился к дверям своей комнаты, как вдруг из детской появился Костик, протирая кулачками заспанные глаза.

— Изволили проснуться? — спросил Леопольд племянника, переходя на привычный шутливый тон.

— Мама еще не приехала? — спросил Костик.

— А разве она уехала? Куда?

— Она сказала, что будет танцевать.

Леопольд долго смотрел на мальчика широко раскрытыми от удивления глазами.

— Танцевать? — наконец выдавил он из себя. — Она сказала это тебе? — допытывался Леопольд.

— И тете Дине сказала. Тетя Дина тоже будет в театре.

— В каком театре? — нетерпеливо переспросил Леопольд, тряхнув Костика за плечи.

— В мамином, — испуганно произнес мальчик и, вырвавшись, убежал в детскую.

Леопольд сжал кулаки. Ему вдруг пришло в голову, что между этими движущимися к центру города толпами вооруженных людей и отсутствием Анны существует какая-то связь. Неужели то, что сказал Костик, правда? Он стоял в гостиной в полной растерянности, не зная, что предпринять. Нет, к черту запреты, надо немедленно поговорить с братом. Должен же тот, черт побери, знать, что делает его супруга. Леопольд дернул ручку двери, постучал. Ответа не последовало. Потом заглянул в детскую, но там, кроме старенькой глухой няни, никого не было. Няня никогда не знала, что делается в доме, и спрашивать ее о чем-либо было излишне. Оставалось одно — ехать в театр, вернее, попробовать добраться в эту пакостную погоду до центра города пешком или на случайно подвернувшихся санях.

Выйдя из дома, Леопольд пошел в том же направлении, в котором двигалась толпа вооруженных людей. Он почти был уверен, что, идя по их следам, непременно достигнет цели. Костик сказал «в мамином». Неужели распахнул свои двери Мариинский? А как же гневные, полные протеста письма, летевшие из императорского театра в Смольный на имя народного комиссара, ведающего делами искусства? Неужели пошли на компромисс с большевиками? Господи, что же это будет? Какой позор! Талантливейшие актеры, цвет театральной России! Эти мысли всю дорогу не давали покоя Леопольду. Он и не заметил, что очутился на площади перед театром. Ступени были занесены снегом, видно, что сюда давно не ступала нога человека. Мальчик, должно быть, перепутал. Где же тогда ее искать? У кого спросить? С ним поравнялась новая толпа солдат. Леопольд посторонился, исподлобья разглядывая небольшую группу вооруженных людей. Один из них, видимо, главный,

торопил: «Живей, братва, не то придем к шапочному разбору!»

Держась на расстоянии, чтобы его не приняли за шпиона, Леопольд двинулся за ними. Через несколько минут солдаты вошли в неказистое помещение частного театра, в который Леопольд и его друзья никогда не заглядывали. Правда, однажды они ввалились туда веселой компанией, преследуя смазливую курсистку, ринулись за кулисы, наделали много шума, до смерти перепугали зрителей и персонал театра.

Следом за солдатами он вошел в жалкое фойе. Зал не мог вместить всех желающих, и вооруженные люди толпились в фойе, пытаясь через открытые двери увидеть то, что происходит на сцене. Стоять среди этих людей Леопольду было невмоготу. Что же делать? Он уже хотел было повернуть обратно, как со сцены донесся знакомый женский голос. Боже мой, неужели Анна? Да, голос был ее, но почему она читает стихи? Леопольд прислушался. И вдруг кто-то тронул его за руку. Леопольд, вздрогнув, обернулся. Перед ним стоял худощавый молодой человек в студенческой тужурке и молча, глазами, приглашал следовать за ним. Леопольд оказался за кулисами. Он смотрел на сцену и не верил своим глазам. Его невестка-балерина, жена поэта, стояла на сцене и, глядя в зал, набитый солдатней, громко читала стихи. Нет, не может этого быть! Леопольд зажмурился, снова медленно открыл глаза. Да, это была Анна. Ее лицо горело, глаза сияли. Она продолжала читать стихи. После чтения стихов какое-то мгновение в зале стояла тишина, потом последовал новый взрыв восторга, неистовее прежнего. Все встали, кто-то крикнул «ура!». Зал мощно подхватил. Громкое «ура!» долго гремело под сводами. Балерина еще раз вышла на сцену, просительно подняв руку, сказала:

— Стихи, которые вам так понравились, сочинил один... молодой поэт. Он мой земляк, из Твери. Он здесь, в театре.

Актриса, улыбаясь, смотрела в сторону ложи, где сидели иностранцы. И все сидящие в зале повернули головы к ложе. На лице Христо Балева появилось удивление. Кто же среди них поэт? Похоже, что Иван Пчелинцев тоже был в неведении. В это время их общий друг Павел поспешно выбрался из ложи.

— Вот так Павлуша! — радостно воскликнул Пчелинцев. — Вот тебе и тихоня!

Христо Балев вышел из ложи. Пчелинцев последовал за ним. Павел стоял в полутемном углу коридора и нервно курил. Балев подошел к нему, хлопнул по плечу, крепко пожал руку и похвалил:

— Молодец, Павлуша! Добре! Хорошо! Браво!

Пчелинцев принялся добродушно выговаривать Павлу:

— Ну и конспиратор! Поэт-подпольщик! И от кого скрывал? От своих товарищей!

Из зала послышались звуки музыки. Все трое бросились к дверям и, привстав на носки, через головы стоящих людей стали смотреть, как танцует Анна Гринина.

В это время к зданию театра подошла группа молодежи. То были студенты, курсистки... Они столпились у входных дверей и стали прислушиваться.

Одна из девушек испуганно сказала:

— Странная тишина. Выход Грининой без аплодисментов, без цветов. Кошмар!

— Миледи! Дело не в этом, а в том — перед кем выступает! — запальчиво воскликнул один из студентов, брезгливо скривив рот.

— Что же там происходит? Почему тихо? — В словах девушки в очках был испуг.

И тут из театра вырвался гром рукоплесканий. Аплодисменты перемежались восторженными криками.

* * *

Благодарные зрители неистово рукоплескали. Шквал аплодисментов утих, когда на сцену поднялись два друга — матрос и солдат. Но куда девалась вся смелость Василия Захарова и Тиграна Григоряна? Матрос, заметно смущаясь, произнес:

— Уважаемая землячка! Спасибо вам.. согрели душу... Не обессудьте, мы от всего сердца...

Тигран торжественно протянул актрисе каравай черного хлеба, добавив:

— Хлеб. По-кавказски — ац, пури, чурек. Бери!

Тигран крепко нажал большим пальцем на хлеб, пробуя, очень ли черствый. Улыбаясь во весь рот, сказал:

— Крепкий, как Арарат. Но, душа любезный, с чаем будет хороший, как теплый-теплый кавказский хлеб. От всего сердца, душа любезный! На здоровье!

Растроганная балерина взяла каравай, прикоснулась к нему губами. Потом сделала шаг к матросу и солдату, смущенно топтавшимся на месте, расцеловала их. Кто-то в ложе, где сидели товарищи из Смольного, громко крикнул: «Вот как целуют революцию!»

* * *

В своей уборной балерина почувствовала, что силы покидают ее... Она тяжело опустилась в глубокое кресло, сильно сжала голову руками... Кто-то стучал в дверь. Может быть, даже сразу несколько человек...

— Я никого не могу принять... сейчас, — тихим голосом попросила Анна Орестовна свою верную гримершу Настю.

Настя направилась к двери с ключом, но после еще одного настойчивого стука в комнату вошли двое. Гринина узнала в одном из них веселого француза, который, конечно же, пользуясь знакомством с русской балериной, считал своим долгом выразить ей восхищение. Второго она видела впервые, но в том, что он тоже был иностранцем, не сомневалась. Не успел Блаише закончить просьбу о коротком интервью для него и коллеги из Болгарии, как вошел Леопольд, бросил на мужчин быстрый оценивающий взгляд, поторопил балерину:

— Вас ждет... толпа. Советую с черного хода. Там будут сани...

— Пойдемте, — балерина поднялась. — Я, право, устала, господа, — сказала она гостям.

— Болгарский журналист Христо Балев, — представил Блаише своего друга.

Гринина протянула руку.

— Господин болгарин, — улыбнулась она. — Мы, кажется, с вами соседи? Интервью можно и завтра, не так ли?

— Как вы пожелаете, госпожа Гринина, — сказал Балев. — Для летчика «завтра» надежда, для журналиста существует только «сегодня».

— Закон пишущих, мадам, — не замедлил подтвердить это француз.

Леопольд уже стоял у выхода, нетерпеливо поглядывая на Гринину.

— Надеюсь, что сани не умчатся без нас, — произнесла с улыбкой балерина. — Что ж, господа, я буду

кратка. Сегодня я... на стороне революции. Навсегда. Этого вам достаточно, господа?

— Слова, достойные великой женщины! — воскликнул Бланше. — Русской женщины и балерины!

Настя помогла накинуть на плечи Анны Орестовны тяжелую доху.

— Благодарю вас. Передадим ваши слова в Болгарию! — взволнованно произнес Балев и низко поклонился балерине.

* * *

Театральный подъезд был запружен вооруженными людьми. Анна Гринина с трудом пробиралась к извозчичьим саням. Возле саней балерину окружили студенты и курсистки, протягивая ей крохотные букетики цветов. Леопольд, ни на кого не глядя, с высокомерным видом подошел к Анне, подчеркнуто вежливо помог ей сесть в сани, потом уселся сам и, бросив презрительный взгляд на толпу матросов и солдат, сердито крикнул извозчику:

— Трогай!

Сказать привычное «Пшел!» не решился: не те времена.

Сани медленно тронулись. Чтобы развеселить приунывших друзей, Жорж Бланше сделал вид, что стреляет в надменного мужчину, который увез балерину:

— Пиф-паф!

Пчелинцев, кивнув в сторону удаляющихся саней, заметил:

— Такой еще будет стрелять в революцию.

* * *

По дороге домой Леопольд долго молчал, изредка бросая косые взгляды на Анну, державшую в руках каравай. Всем своим видом Леопольд выказывал свое возмущение и презрение. Уголки губ Анны тронула легкая улыбка. Это привело его в бешенство. И он не выдержал:

— Изволите играть в революцию? Русская балерина перешла на сторону революции? Как эскадрон... Перемахнули на ту сторону. Что ж, лошадок обычно за это кормят. Вот и дали нам хлеба... И мы лобызаемся с мужичьем. Срам и позор! На всю Россию! На весь мир! Муж ваш в опале, ему на горло сапогом наступили...

Анна насмешливо бросила:

— А вам, Лео, и наступить не на что... Вы неуязвимы...

Леопольд зло сверкнул глазами. Сани остановились у подъезда. Соскочив на тротуар, Леопольд уже без напускной галантности, небрежно протянул руку Анне, а другой рукой взял у нее каравай хлеба и бросил бедно одетому мальчугану, неожиданно очутившемуся рядом.

Анна Орестовна посмотрела на мальчугана, который переминался с ноги на ногу, не зная, что делать с хлебом.

— Ешь на здоровье, мальчик! — сказала она и, не взглянув на Леопольда, быстро пошла к подъезду. Леопольд сунул извозчику деньги и торопливо зашагал следом за Анной.

Старик извозчик, покачав головой, сердито сплюнул.

— Ишь скотина! Хлебом бросаться вздумал. — Повернувшись к пареньку, добавил: — Запомни это, Тимка! Пригодится! Ну а теперь садись, господин хороший, подвезу. Чего доброго, околеешь на морозе. Одежонка-то у тебя, вижу, совсем худая.

— Не околею! — сказал Тимка, которого почему-то на этот раз не тянуло прокатиться в санях. Он долго стоял в раздумье. Хлеб ему бросили как собаке — это, конечно, было обидно. Но зато сама Анна Орестовна Гринина улыбнулась ему, сказала доброе слово.

— Ну же, садись да поживее!

Голос старика вывел Тимку из оцепенения. Он сел на краешек сиденья, бережно прижимая к груди хлеб. Сани тронулись. Тимка не спускал глаз с дома, в котором скрылась Анна Орестовна. В светлом квадрате большого окна мелькали тени людей. Мальчику показалось, что тот злой человек, который швырнул ему хлеб, поднимает руку, словно хочет кого-то ударить. Тимка спрыгнул в сугроб, бросился к парадной двери и неистово забарабанил в нее кулаками.

* * *

После возвращения Анны и Леопольда у Грининых разыгралась бурная сцена. Вне себя от ярости, Леопольд кричал:

— Какой стыд! Позор! Балерина Гринина тешит солдатню! На всю Россию, на весь мир позор!

Муж балерины Кирилл Васильевич пытался урезонить младшего брата:

— Леопольд! Ради всего святого, перестань! Господи, до чего мы дожили, что творится. Это не жизнь, а сплошной хаос, ад... Где же выход?

Леопольд сделал рукой движение, словно нажимал спуск пистолета.

— Спасение вот в этом, дорогой брат, певец России! Только не-ко-му! Некому стрелять. Нет силы, способной свернуть шеи этим скотам, спасти Россию от позора. Этот сброд растопчет нас, уничтожит. А я жить хочу! Жить!

Анна Орестовна, до этого молча наблюдавшая за разыгравшейся на ее глазах сценой, презрительно бросила Леопольду:

— Вдобавок ко всему прочему вы еще и... трус!

Лицо Леопольда перекосилось, словно от пощечины. Он угрожающе поднял руку и шагнул к Анне. Она смотрела на него в упор, в уголках губ опять играла улыбка, которая всегда выводила Леопольда из себя. В ней сквозили ирония и торжество. Да, эта женщина, которая после рождения сына подумывала уже покинуть сцену и заняться преподаванием, своим служением революции торжествовала победу и над ним. Ее муж предостерегающе окликнул:

— Анна!

Поэт хорошо знал своего брата и понимал, что назревает большой скандал. Раздался звон разбитого стекла. Ворвавшийся в комнату ветер всколыхнул шелковую гардину. Испуганно выключив свет, Леопольд бросился к окну. В полосе света уличного фонаря мелькнула убегающая фигурка. Он узнал — это был тот самый мальчишка.

Леопольд процедил сквозь зубы:

— Мерзавец! Ему дали хлеба, а он... камень в окно...

Это и впрямь был Тимка. Он бежал, крепко прижимая к груди каравай...

Анна Орестовна повернула выключатель, и в комнате вновь зажегся свет. Леопольд принялся затыкать дыру в окне подушкой.

— Это вам даром не пройдет, мадам, — произнес он угрожающе. — Подождем лучших времен. А времена эти, смею вас заверить, не за горами.

Достав из кармана газету, Леопольд потряс ею в воздухе:

— Да-с, мадам, вы весьма опрометчиво сделали ставку на... новых хозяев России. Вот что пишет «Дейли телеграф»: «Советское правительство может пасть в любой момент, и ни один здравомыслящий человек не станет утверждать, что оно удержится у власти...» То-то. Поигрались, и баста! Цивилизованный мир не даст нас... не даст истинную Россию в обиду. Поиграли в правителей, в комиссаров, пора и честь знать.

— Кто же, по-твоему, о нас печется? — с недоверием спросил Кирилл Васильевич. — Премьер Англии, американский президент?

Ироническая улыбка не сходила с лица Анны.

— И тот и другой, — объяснила она мужу. — Только все они пекутся прежде всего о себе. О своих концессиях, о судьбе своих капиталов в России, которую они обдирали как липку. И уж кому-кому, а интеллигенту, каковым мните себя вы, Леопольд, следовало бы знать это. Все у вас рисовка, поза... Слова... Вы только и умеете, что произносить в великосветских салонах витиеватые, напыщенные речи. «Ах наши славные, героические русские женщины-декабристки! Я бы поставил им мо-ну-ме-нт в центре Петербурга»... Сплошная мишура.

— Уж не возомнили ли вы себя... декабристкой? — язвительно спросил Леопольд.

— Нет, — спокойно ответила Анна. — Моя революция совершилась в октябре.

— Декабристки последовали в Сибирь за своими мужьями, а эти... Вы на что способны? — не унимался Леопольд.

— Декабристки, да будет вам известно, не просто ехали в Сибирь за своими мужьями, они готовы были принять муку за дело своих мужей. За их идеал. За их веру. Их мужья, кстати, были... настоящими мужчинами. Они действовали, а не занимались болтовней. А если мой муж...

— Ну, ну, это интересно! Если ваш муж пожелает покинуть этот ад, который именуется ре-во-лю-цион-ной Россией, то вы...

— Этот вопрос мы с мужем способны решить сами, — со спокойной уверенностью ответила Анна. — А вам не мешало бы знать, что в тяжелую минуту поки-

дают дом, друзей, родину только... подлецы. Спокойной ночи.

Анна направилась в детскую. Поправила одеяло, сползшее со спящего Костика, и, подойдя к окну, вгляделась в пугающую пустоту темной улицы.

— Боже мой, где же Дина? — прошептала она.

Братья долго молчали. Когда Кирилл Васильевич начал говорить, в его голосе звучала укоризна:

— Ну к чему эти душераздирающие сцены, Лео? Не понимаю я, ты-то чего из себя выходишь? Меня, поэта, скажем, лишили голоса... поэтического слова. Я вынужден молчать, и для меня это трагедия! А ты... лишился чужих будуаров, возможности наслаждаться своей велеречивостью в салонах, играть в карты... Извини, Леопольд, но ты ведь никогда не занимался настоящим делом!

— А ты, брат, тоже хорош! Нет, не она, а ты за ней... к черту на рога пойдешь! Что ж, я умываю руки. Вы со своей супругой, уверен, плохо кончите. Англичане, американцы, французы не отдадут Россию в руки черни! Вот об этом тебе стоило бы сочинить стихи, не то найдутся другие, обгонят. Сегодня твоя обожаемая супруга читала солдатне стихи. Знаешь, кто их автор?..

Леопольд вдруг умолк, заметив в окне соседнего дома условный сигнал. Потом повернулся к брату и, кивнув в ту сторону, тоном заговорщика произнес:

— Там собралась совесть России. Ее цвет. Настоящие интеллигенты. Таких не купишь. И очень печально, что в столь тревожный для родины час среди них нет ни тебя, дорогой поэт, ни балерины с ее распрекрасной сестрицей...

Кирилл устало махнул рукой.

* * *

Многие хорошо знавшие Кирилла и Анну не переставали удивляться тому, как они, такие разные во всем, объединили свои судьбы... Кирилл от природы был неразговорчив, не очень-то любил бывать в обществе, где часто чувствовал себя скованно и неуютно. Был он честнейшим человеком не только в личной семейной жизни, но и во всем, что касалось творчества, литературных связей. Ни у кого не возникало ни малейшего сомнения

в том, что он до глубины души предан своей супруге, семье. Анна же была весела, общительна, у нее было много друзей, знакомых, в обществе она держалась непринужденно, легко сходилась с людьми. Она прощала Кириллу его слабости, была верна ему.

В последнее время Кирилл Гринин находился в состоянии творческого кризиса. Революция, новая жизнь требовали новых чувств, новых слов... Правда, некоторые журналы предлагали публиковать ему лирические стихи, но он отказывался сотрудничать с изданиями, которые считались большевистскими. Ему приводили в пример высокочтимого им Блока, который сразу же бесповоротно перешел на сторону революции, но Гринин упорно стоял на своем. Ему никогда и в голову не приходило, что на него может повлиять младший брат, которого он считал бездельником. А получилось, что в отношении к новой власти он стоял на тех же позициях, что и Леопольд. Правда, если разобраться поглубже, то дело тут вовсе не в Леопольде. Большинство знакомых Кириллу людей, имена которых известны не только в России, но и за ее пределами, не желают сотрудничать с большевиками. Так почему же он должен быть в числе тех, кто принял революцию? Вот только Анна и ее сестра осуждают его, он это чувствует. А сегодняшний поступок Анны окончательно выбил его из колеи. Ситуация пренеприятнейшая, что и говорить. Он и Леопольда не осуждает, хотя брат, конечно, вел себя грубо, несдержанно. Леопольду легко: ни жены у него, ни детей, вольный, как ветер. А он... У них с Анной никогда не было недоразумений. Теперь все повисло на волоске. Как поведет себя дальше Анна? Как будут реагировать на ее поступок люди их круга? По городу ходят упорные слухи, что большевики находятся в критическом положении, что их дни сочтены. Не сегодня-завтра в Петроград войдет белая армия или союзники. Что тогда будет с его женой?! Ну зачем ей, балерине, нужно было уподобляться тем, кто, следуя примеру Маяковского, трубит на всех перекрестках славу революции?! Благо бы прочла что-нибудь лирическое для смягчения душ этих мужиков с винтовками. Ан нет, ее угораздило петь дифирамбы «красному Питеру»! Зачем ей все это понадобилось? После такого долгого успеха на сцене Мариинки, в мире балетного искусства ей, матери прелестного сына, надобно уже о спокойной жизни среди юных танцовщиков, своих учеников, подумать!

После ухода Леопольда, заявившего, что он идет к людям, которых считают совестью России, Кирилл Гринин долго сидел в гостиной. Голова разламывалась от тягостных дум. Часы пробили полночь. Устало махнув рукой, он побрел в свою комнату. С Анной встречаться не хотелось, тем более что она, наверное, была не одна, а с Диной.

Дина, младшая сестра Анны, студентка медицинского факультета, возвращалась обычно поздно. На расспросы старшей сестры отвечала, что бывает в редакции петроградской газеты «Известия», где познакомилась с Иваном Пчелинцевым — одним из редакторов, ответственным за международную информацию.

На другой день после скандала в доме Грининых Дина в сопровождении Тимки шагала в институт. Мальчуган, живший на их улице, почему-то решил, что девушка-студентка нуждается в защите, и вот уже несколько дней подряд провожал ее на занятия.

Высокая девушка в нарядной шубке и беличьей шапочке и щупленький, бедно одетый мальчуган лет десяти представляли разительный контраст.

— Ну вот мы и пришли, товарищ Тимка, — с улыбкой сказала Дина.

— А после собрания? — поинтересовался мальчуган, преданно заглядывая ей в лицо.

— После собрания? Ты о чем? — не поняла Дина.

— Смена... караула будет?

— Смена караула? Кто это тебя научил? — Дина весело рассмеялась.

— Тот, кто придет... на смену... провожать, — обиженно пробормотал Тимка и убежал.

Дина вошла во двор, где ее окружили студенты. Шумной ватагой двинулись к зданию института.

* * *

Двери Мариинского театра, как и некоторых театров революционного Петрограда, пока были закрыты. В Смольный и другие советские учреждения посылались письма протеста. Группы творческой интеллигенции отказывались служить новой власти, заявляли, что не принимают революцию, не видят вокруг ничего, кроме хамства и разора. Советская власть терпеливо разъясняла ошибочность таких взглядов, старалась открыть им глаза на происходящее. Великий Блок призывал

«всем телом, всем сердцем, всем сознанием» слушать революцию. Самые непримиримые, замкнувшись в себе, плакались о «святой Руси», жаждали восстановления «старого порядка». Среди таких были и те, кто собрался в подвальной комнате букинистической лавки, которая находилась по соседству с особняком Грининых.

В полутемную комнату, где находилось с полдюжины сумрачных, интеллигентного вида мужчин, неслышно вошел тщедушный старичок. Это был хозяин лавки. Окинув взглядом присутствующих, старый букинист елейным голосом произнес:

— Вечер добрый, господа хорошие! Не спится? Эх, потревожили сон России, и некому пожелать ей спокойной ночи.

Одутловатый мужчина с окладистой бородой нетерпеливо пробасил:

— Ну что там? Какие новости?

— Светопреставление! — всплеснул руками старичок. — В Учредительном, говорят, идет борьба не на жизнь, а на смерть. Большевики разошлись не на шутку. Распустят Учредительное собрание, нам хоть живыми в гроб ложись. А кое-кому и горя мало. Спящую красавицу изображают перед недремлющей солдатней... Так-то, господа хорошие.

Бас с недоверием спросил:

— Это вы про кого?

— Про вашу любимицу. Да-с!

Бас сделал нетерпеливое движение, казалось, он хотел подняться во весь свой богатырский рост, но, видимо, раздумал.

— Быть того не может! — громче прежнего пробасил он.

В комнату вошел Леопольд. Все смотрели на него выжидающе. Леопольд по виду старичка догадался, что тот уже успел сообщить о поступке Анны Грининой.

— Это правда? — без обиняков спросил бас у Леопольда.

Леопольд опустил голову. Бас в гневе швырнул бокал из-под шампанского, разбив его вдребезги. Затем сгреб лежащие на столе листы бумаги и, размахивая ими, закричал:

— Какого же черта мы пишем эти протесты большевикам?

И, увидев входящего в комнату моложавого мужчину с офицерской выправкой, пророкотал сердито:

— Еще один родственничек пожаловал! Вот и ответствуйте, милостивые государи! Извольте объяснить честному обществу, что все это значит? Как вы, например, представитель русского офицерства, оцениваете поступок этой дамы?

Мужчина с офицерской выправкой — капитан царской армии Александр Кузьмич Агапов — спокойно спросил:

— Русское офицерство прежде всего хотело бы знать, о каком поступке речь?

— Как? Разве вы не в курсе? Деверь молчит, повесив голову, а кузен делает невинные глаза, — съязвил бас.

— Речь идет о том, что ваша кузина выступала перед солдатней, большевиками! — выкрикнул прямо в лицо Агапову длинноволосый мужчина, театральный художник.

Агапов бросил вопросительный взгляд на Леопольда.

— Может, ее... заставили? — нерешительно заметил мужчина с репинской бородкой.

В подвале воцарилась гнетущая тишина.

— Нет, ее заставить... Аннушку заставить невозможно! — убежденно произнес Агапов.

— Стало быть, это осознанное предательство? Нечего сказать, обрадовали вы нас, господин капитан! — возмутился бас.

— У вас был уговор бойкотировать, господа? — спросил Агапов.

— Уговор? Простите, господин Агапов, да вы в своем ли уме?! — еще пуще возмутился бас. — Какие еще нужны уговоры, когда Россия гибнет, чернь уничтожает ценности, создаваемые веками, когда искусству русскому грозит... Вам ли, русскому офицеру, не знать всего этого?!

— И вы убеждены, что она заодно... с большевиками? — Агапов не терял самообладания

— К сожалению, Александр, это так, — глухо произнес Леопольд. — Сегодня твоя кузина, а моя невестка, как это у них называется... браталась с солдатней и матросней.

— Позор! — пропищал старичок букинист.

— Вы бы, господин капитан, проучили ее, — посоветовал художник. — Да и сестрицу ее не мешало бы...

Помрачневший Агапов сказал:

— Боюсь, что это не по моей части!

Повернулся и вышел. Леопольд продолжал стоять с опущенной головой.

* * *

В холодной аудитории, окруженная однокурсниками, Дина взволнованно говорила:

— Государство не может обойтись без художников слова и кисти, без певцов и актеров. Почему же народу, взявшему власть в свои руки, не иметь своих певцов, своих поэтов, своих художников?

— Вся беда в том, — выкрикнул нетерпеливо один студент, — что этим самым певцам дела нет до народа! Им нужна публика, зрители. Аплодисменты сытых!

В аудиторию вошли Иван Пчелинцев и Христо Балев. Пчелинцев сказал:

— Революционный привет, товарищи!

Студенты молча смотрели на вошедших, но Пчелинцева это не смутило.

— Стало быть, на повестке дня вопрос об интеллигенции? — спросил он. — Обсуждаете, с кем она, русская интеллигенция? Интерес вполне законный. И товарища Ленина это заботит, и всю нашу партию. Да, пожалуй, и народу небезразлично, как поведут себя люди, которые на народные деньги, именно на народные деньги, обучались музыке, изящной словесности, художеству...

— Простите, с кем имеем честь? — поинтересовался бородатый студент.

Пчелинцев, успев обменяться с Диной взглядами, с улыбкой ответил:

— Представитель большевистской прессы. Газеты «Известия». Надеюсь, слыхали? А этот товарищ — болгарский коммунист. Его фамилия Балев. Христо Балев. Недоучившийся эскулап вроде вас. За социалистическую пропаганду исключен из университета в Софии, а потом за бунтарство в Париже. Мы с товарищем Балевым просим извинить за вторжение, но мы пришли к вам не как представители прессы, у нас миссия, если можно так выразиться, провожатых...

Дина, смутившись, сказала:

— Садитесь, товарищи. Мы сейчас закончим. Так вот. Часть интеллигенции пока еще бойкотирует революцию. Но такие известные поэты России, как Алек-

сандр Блок, Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Валерий Брюсов, с нами...

Пчелинцев добавил:

— И не только поэты. Известные певцы, художники, композиторы с нами, с революцией. Вы знаете балерину Анну Гринину? Она тоже с нами. Эх, видели бы вы, что вчера творилось в театре! Это был подлинный триумф. Верно, товарищ Балев?

— Точно така! — подтвердил болгарин и с улыбкой добавил: — Я гость, и кто знает, придется ли мне еще побывать в вашем прекрасном городе. На память о нашей встрече я хотел бы, с вашего разрешения, если позволите, прочитать вам стихи, которые мне очень пришлись по душе и которые я послал в Болгарию для перевода на болгарский язык. Это отрывок из новой поэмы Александра Блока, поэта, имя которого упоминала только что товарищ Дина.

Балев откашлялся и, сразу посуровев, начал декламировать отрывок из поэмы «Двенадцать».

Полный восхищения взгляд Пчелинцева, казалось, говорил: «Вот так Христо! Ну и молодчина!»

Дина сначала растерялась, но по мере чтения стихов лицо ее светлело. Студенты замерли. Они ожидали, что болгарин произнесет пламенную речь в духе его земляка — тургеневского Инсарова, а он принялся декламировать новую поэму Блока. Наградой гостю были дружные аплодисменты студентов.

* * *

Враги революции ушли в глубокое подполье. Конспиративным квартирам заговорщиков в Петрограде, казалось, не было счета. В них собирались люди, давно оторвавшиеся от народа и видевшие в революции только разрушительную силу. Одна из таких квартир была прибежищем весьма разношерстных противников Советской власти: среди них были правые эсеры, меньшевики, анархисты... Хозяин квартиры анархист Арц — небольшого роста, в очках, с острой бородкой — созвал экстренное совещание своих приверженцев.

— Господа, дело идет к тому, что большевики, видимо, распустят Учредительное собрание и Россия окажется во власти дикарей, — без обиняков начал Арц. — Русская интеллигенция говорит Ленину и его комиссарам «нет». Но этого мало. Тем более что кое-кто сма-

лодушничал, пошел к большевикам на поклон. Вы, видимо, уже наслышаны о концерте мадам Грининой и еще некоторых предателей. Самое опасное, что их примеру могут последовать другие. Поэтому предлагается принять следующие экстренные меры. Всех видных интеллигентов надобно взять под наблюдение и постараться воспрепятствовать их ренегатству, измене России. Все средства хороши, вплоть до... физического уничтожения предателей.

— Первой нужно проучить эту Гринину! — истерично выкрикнула рыжая женщина.

— Нет-нет, трогать ее пока не стоит, — поспешно сказал Арц. — Расправа над ней была бы на руку большевикам. Для начала надо бы попугать господ, которые собираются у известного всем вам букиниста по соседству с Гриниными... Попугать как следует... А потом свалить все на большевиков. Вот, мол, как большевики расправляются с русской интеллигенцией. Господа, действовать надо не мешкая! Сегодня, насколько мне известно, все у букиниста в сборе. Небось до утра будут сидеть и заниматься великим словоблудием. Удобный момент, господа, привести наш план в исполнение... Охотники есть?

— Не понимаю, что нам это даст? — выразил сомнение бородатый. — Охотимся за мелюзгой, в то время как крупная дичь...

— Крупная дичь — особая статья! — отпарировал Арц. — В свое время, господа, по Смольному будет нанесен решающий удар. А перед этим надо покончить с разными там красными французами, поляками, болгарами... С этим интернационалом. Коммунисты-иностранцы собрались в Петрограде и пописывают статейки о популярности Ленина, большевиков в России и посылают их в свои страны. К их голосу многие прислушиваются...

В прихожей задребезжал звонок. Заговорщики испуганно переглянулись. Звонок повторился. По знаку Арца бородатый мужчина подошел к двери, тихо спросил:

— Кто там?

— Агапов. Капитан Агапов, — послышалось в ответ.

Все посмотрели на Арца, который уже поспешно раскладывал на большом столе пасьянс. Арц опять подал знак: можно открыть дверь.

Вошедший огляделся, спросил у бородатого:

— Господин генерал дома?
Бородатый в недоумении пожал плечами:
— Милостивый государь, я всю жизнь мечтал носить генеральские эполеты, однако, увы...
Гость быстро спросил:
— Разве не здесь проживает генерал Покровский?
Подошедший Арц манерно произнес:
— Если не ошибаюсь... капитан Агапов?
В дверь опять позвонили. Один долгий звонок, два коротких. Бородатый поспешил без разрешения открыть дверь. Вошел приземистый мужчина с непомерно большой головой.
Арц съязвил:
— А, сам капитан Яблонский! Как говорится, не было ни гроша, да вдруг... два капитана сразу. Вы знакомы, господа?
Капитан Яблонский осторожно поинтересовался у Агапова:
— Вы тоже к нам?
— Нет, я к генералу...
— Ах да, к вашему любимому генералу! Его превосходительство проживает этажом выше, но, сдается мне, пребывает... в бегах.
Агапов, сдерживая гнев, произнес:
— Как прикажете понимать ваши слова, господин капитан?
В разговор вмешался Арц:
— Проходите, господа. За чашкой чая или... стопкой водки разберетесь. Прошу к столу.
Агапов наотрез отказался:
— Благодарю покорно, господа. Дела. Значит, мой генерал живет этажом выше?
— Да, ваш генерал... выше, — насмешливо произнес Яблонский.
— Надеюсь, он дома, — не обращая внимания на насмешку, сказал Агапов и, отдав честь, удалился.
Арц сказал Яблонскому, кивнув в сторону двери:
— Не красный. И не будет. Предан генералу. «Мой генерал»... За Россию будет драться. Вместе с Покровским.
Яблонский поинтересовался:
— За какую только Россию?
— За генеральскую, — хитро прищурил глаза Арц.— А вот, интересно, за нашу с вами, капитан Яблонский, будет бороться капитан Агапов?

— Будет, если прикажет... генерал. Он же оловянный солдатик!

— На таких вот оловянных и держится армия, — оборвал его Арц. — Такие нам и нужны. До за-ре-зу!

— Втяните генерала, — предложил Яблонский. — За ним пойдут и такие...

— Пути господни неисповедимы. Кто знает, с кем придется драться, с кем брататься, — тоном пророка произнес Арц.

Бородатый предложил:

— А не пропустить ли нам, уважаемые дамы и господа, как в старые добрые времена, по маленькой?

* * *

Внутренняя контрреволюция собирала силы для решительного удара по новой власти в России. Заговорщикам всех мастей — крупным и мелким — оказывали помощь империалистические державы, штабы и разведки союзнических армий.

Одним из тех, кто активно боролся с Советской властью, был опытный контрразведчик генерал Покровский. Вот к нему и направился Александр Кузьмич Агапов.

Войдя в большую мрачную гостиную, капитан Агапов увидел Покровского. Генерал перелистывал массивный альбом.

— Как это называется, господин капитан? — неожиданно спросил генерал после того, как они молча обменялись приветствиями, показывая Агапову старую литографию. На литографии был изображен расстрел парижских коммунаров: группа мужчин и женщин возле полуразрушенной стены; направленные на них дула винтовок...

— Экзекуция, — ответил гость.

— Не совсем точно, господин капитан, — возразил генерал, покачав головой. — Экзекуцией, капитан Агапов, в русской армии называлось наказание. Шпицрутенами, шомполами, розгами. Бывало, конечно, что и до смерти забивали... А это, Александр Кузьмич, уничтожение, стирание с лица земли врагов... Как псов бешеных... С корнем... навсегда.

С каждым произнесенным словом лицо Покровского все больше багровело, глаза налились кровью... Генерал явно был чем-то взбешен. Агапов смотрел на руки гене-

рала, нервно перелистывающие старый альбом с французскими литографиями, стараясь понять, что вывело его из равновесия.

— Да-с, вырывали с корнем! — повторил генерал, сердито уставясь на Агапова.

— Французам тогда... было легче, господин генерал, — заметил Агапов.

— Да-с, господин капитан. Тогда было легче. То был век минувший. В девятнадцатом веке были свои трудности. В двадцатом свои. Тьеру потребовалось не так уж много времени, чтобы подавить революцию. Немногим более двух месяцев держалась эта Парижская коммуна.

— Н-да, — задумчиво произнес Агапов, — наши добрые союзники пророчили, что власть большевиков не продержится и столько...

— Времена пророчеств и гаданий на кофейной гуще давно прошли, Александр Кузьмич, — уже мягче сказал генерал. — Дело надо делать, действовать надо, господин капитан, а не кликушеством заниматься. Английскому премьеру, разным президентам и королям чужестранным не Россию жалко — они бояться изволят, что русская революция, — он взглянул на известную картину Айвазовского, висевшую на стене, — могучим девятым валом прокатится по всей земле.

— Что ж, ваше превосходительство, раз так, стало быть, им есть резон помочь как можно скорее подавить русскую революцию, расправиться с большевиками...

— Да-а! — задумчиво протянул генерал и, глядя на рисунок в альбоме, продолжил: — Если этим головорезам удастся добиться перемирия, а значит, передышки на фронте, то они, пожалуй, смогут сколотить свою армию, которая будет воевать против нас с вами, господин капитан.

— Армию? — удивился Агапов. — Из кого?.. Шайку, банду, сброд — да. Но армию! И кто же этой... армией будет командовать?

В тоне Агапова слышалось глубокое возмущение, и только присутствие генерала мешало ему разразиться потоком бранных слов. Генерал же как-то вдруг сник.

— Будут, как они выражаются, агитировать... вас, капитан, меня... Возможно, найдутся такие, кто согласится...

— Согласится воевать против своих? Против России? Ну это уж слишком!

Покровский тяжело поднялся, с решительным видом принялся вышагивать по комнате. Агапов замолк и невольно вытянулся, готовясь услышать из уст посуровевшего генерала какие-то чрезвычайно важные слова. И он не ошибся. Покровский принялся высказывать этому капитану, к которому относился с симпатией, мучившие его мысли:

— Эти играющие в политику белоручки, эти болтуны в Учредительном собрании не способны дать настоящий бой большевикам. Их разгонят, как свору псов. Из-за несос-тоя-тель-ности своих депутатов Россия потеряла высокую трибуну, откуда должны были звучать сигналы SOS, обращенные к цивилизованному миру, откуда должны были раздаваться мольбы спасти русскую империю, народ русский, нас с вами, капитан Агапов. Мы теряем время, упускаем последние шансы, даем стянуть на своей шее петлю. А завтра у большевиков появится армия. Да, да, армия, капитан Агапов. Моя разведка донесла о планах создания армии. И название уже есть. Рабоче-крестьянская армия. Заслуга принадлежит их главарю Ленину. Вот так-то, мой дорогой капитан. Рабочая и крестьянская. А если иметь в виду, что этих самых рабочих и крестьян в России огромное большинство, то... Понимаете? Ведь это означает, что миллионы фанатиков получат оружие. Миллионы фанатиков с оружием в руках! Представляете?

Капитан Агапов, пожав плечами, спросил:

— Что это за армия без офицеров, без генералов?

Генерал Покровский, понизив голос, доверительно сказал:

— Нас с вами, господин капитан, ждут большие, я бы сказал, исторические дела. Я верю и надеюсь на вас. Только между нами. Слушайте внимательно. Готовится план похода на Петроград. И это в конце концов самое главное.

Генерал ткнул пальцем в рисунок, изображающий расстрел парижских коммунаров.

— Эта... экзекуция покажется скоро детской игрой. Да-с, детской игрой, мой дорогой капитан.

В передней раздался звонок. Генерал и капитан переглянулись. Агапов осторожно подошел к двери, прислушался.

Из-за двери донесся тревожный женский голос:

— Ради бога, откройте!

Агапов и генерал снова переглянулись. Покровский медлил. В дверь забарабанили кулаками, тогда он, вытащив пистолет, кивнул Агапову — открывайте! В переднюю вбежала женщина. Она бросилась к Агапову со словами:

— Ради бога, спасите ее! Вы обязаны!

— Кого? — спросил сбитый с толку Агапов.

— Вашу кузину, Анну Гринину. Ради бога! Скорее!

* * *

Редакция газеты «Известия» приютилась в двух комнатках Смольного. Неподалеку жили коммуной журналисты. Коммуна эта была по тем временам не обычная, а интернациональная. Среди журналистов находилось немало иностранцев, часть из них принимала участие в Октябрьской революции. После победы революции задача состояла в том, чтобы через прогрессивные газеты информировать общественность ряда стран Европы и даже далекой Америки об истинном положении дел в Советской России. Зарубежные журналисты и публицисты — большинство из них были коммунистами — являлись своего рода летописцами великой революции, которая живо интересовала многих людей в разных концах мира.

Сообщения из красного Питера шли и в Болгарию. И одним из тех, кто делал это, был коммунист, боевой пилот Христо Балев.

После большого митинга в начале декабря в Софии в поддержку революции русских рабочих и крестьян Христо Балев неожиданно был вызван к самому Деду. Так называли (по-болгарски — дядо) Димитра Благоева. На предписании, которое было выдано Балеву, стояла его подпись. Создатель и руководитель партии рабочего класса в Болгарии, легендарный дядо поручил храброму летчику Христо Балеву любой ценой пробиться в красный Петроград, сообщить русским товарищам о митинге, о солидарности с Октябрьской революцией и Советской властью. И совсем неожиданным для авиатора, который лучше чувствовал себя в воздухе, чем на земле, было партийное поручение быстро привыкнуть к роли журналиста и сообщать о событиях в революционной России.

Вот так болгарин Христо Балев оказался в питерской коммуне журналистов-интернационалистов.

* * *

Сегодня Христо Балев проснулся раньше всех. Хотя болгарин полночи просидел за пишущей машинкой: нужно было сообщить в Софию о последних важных событиях в Петрограде, утренний свет разбудил его. Балев шагнул к окну, бросил взгляд на еще не проснувшуюся улицу, по которой медленно прохаживался патруль красногвардейцев. Будить остальных было рано. И вдруг, будто вспомнив что-то важное, бросился к календарю, с лихорадочной быстротой сорвал листок. Потом побежал в комнату, где на трех койках безмятежным сном спали его друзья. Балев сел за рояль, занимавший чуть не полкомнаты, изо всех сил ударил по клавишам. Спавшие открыли глаза, с недоумением уставились на пианиста, игравшего «Марсельезу».

Иван Пчелинцев спросил:

— Христо, по какому случаю музыка, которая способна разбудить самого дьявола?

Балев продолжал играть. Поляк Холмский, сделав из газеты рупор, крикнул:

— Другарю, ну что тебе в голову взбрело?

Балев сделал последний аккорд и торжественно произнес:

— Взбрело? Нет, не взбрело. Это факт! Понимаете, товарищи, исторический факт! Точно така!

— Что? Что это такое? — протянул Холмский.

— Нет, братцы, Балев не станет зря... Что-нибудь, верно, случилось, — сказал Пчелинцев.

Балев, поднял над головой сорванный листок календаря с цифрой «4», загадочно спросил:

— Что это такое?

— Ну четыре, четверка, — первым ответил Пчелинцев.

Балев весело мотнул головой:

— Нет, не просто четверка. Семьдесят два это. Понимаете? Да, вчера, четвертого января, было семьдесят два. А сегодня уже семьдесят три. Непонятно? Эх, пойду к Жоржу Бланше, он сразу поймет, что к чему.

И быстро вышел из комнаты. Пчелинцев как ужаленный вскочил с постели:

— Христо! Балев! Постой!

Потом, обращаясь к друзьям, укоризненно произнес:

— Эх вы! Да и я тоже хорош. Человек «Марсельезу» играет, сияет весь, а мы... Айда за ним, не то

Бланше на весь мир раструбит, что он первым разгадал.

Все трое поспешили в комнату, где жил Бланше. Они вошли в тот момент, когда Балев пытался разбудить француза.

— Ура! — крикнул Пчелинцев.

— Ура! — поддержали его двое товарищей.

— Ура! — присоединился к ним Христо Балев.

Француз ошалело смотрел на орущих людей, потом вскочил с постели и подбежал к окну, но, видно, ничего особенного на улице не обнаружил. Четверо заговорщиков, лукаво перемигнувшись, подняли с постели Бланше и с криком «ура!» понесли его по коридору.

— Пой! — сказал Балев французу, опять заиграв «Марсельезу».

Двое русских и поляк подхватили. Глядя на них, Бланше тоже запел. В комнату заглянули несколько иностранцев. Они с удивлением смотрели на поющих. Балев энергично замахал им рукой, приглашая присоединиться. «Марсельеза» мощно звучала на разных языках.

— Товарищи, другари, камарады! — взволнованно обратился к интернационалистам Иван Пчелинцев, когда последние аккорды стихли. — Сегодня большой, знаменательный день. — И, сделав паузу, сказал: — Камарад Жорж Бланше! Парижская коммуна продержалась сколько дней?

На лице француза появилась широкая улыбка. Он радостно воскликнул:

— О! Теперь понял. Теперь мой голова хорошо понял, очень хорошо понял! Семьдесят два дня, камарады.

— А русской революции уже семьдесят три! — воскликнул Пчелинцев. — Нашей революции, Октябрьской революции уже семьдесят три дня, товарищи!

— Ура! — крикнули интернационалисты.

Все радостно обнимались, кричали, смеялись.

Иван Пчелинцев — негласный старшина в коммуне — обвел всех взглядом, проникновенно произнес:

— Большое русское спасибо, дорогие друзья, за сердечные слова, тебе, Христо, за то, что ты обратил наше внимание: Октябрьская революция живет уже семьдесят три дня. Напишите об этом, друзья! Напишите о нашем празднике. Каждый из вас, дорогие друзья, своими глазами видит, как трудно приходится нашей революции. Враги прочили нам считанные часы, дни, неделю существования, потом увеличили срок до месяца. Они были

уверены, что уничтожат нас, сметут, как в свое время парижских коммунаров. Миру, который наши враги залили потоками вражеской лжи и клеветы, нелегко понять, что происходит на самом деле в России. Вот почему мы так ценим вашу работу, ваш голос, голос друзей новой России. Пусть это будет несколько строчек, пусть они публикуются далеко не во всех газетах, но ваши слова ценятся на вес золота. Это слова правды о нашей партии, о нашем вожде, о классе, совершившем великую революцию. Да, товарищи, нашей революции уже семьдесят три дня. Впереди еще много трудностей. Враги готовятся дать нам бой, наступают труднейшие для революции дни. Но мы верим, что наша революция выстоит. Она непобедима! Она вечна, как мир!

Откуда-то появился плакат со словами: «Париж-72, Питер-73...»

И вдруг на улице загремели выстрелы.

Журналисты бросились к окнам. Мимо дома бежали какие-то люди, стреляя из револьверов...

К одному из окон в доме напротив прильнуло лицо мальчика. Это был Костик Гринин. Выстрелы не прекращались. Послышалось дребезжанье разбитого стекла.

Христо Балев первым выбежал в коридор, остальные бросились за ним.

* * *

В то раннее утро люди Арца, предводительствуемые капитаном Яблонским, провели задуманную провокационную операцию: напали на тех, кто собрался у старого букиниста. После выстрела Яблонского Леопольд успел захлопнуть дверь. Все в панике ринулись к потайной лестнице.

Анна Гринина видела из окна, как на улице после выстрела упал лицом в снег человек, в котором она узнала баса из Мариинки. Она кинулась в детскую комнату. В этот момент пуля террористов угодила в окно... Анна Гринина, увидев на лице сына кровь, в ужасе бросилась к нему. А через секунду в комнату вбежал Агапов, сжимая в руке пистолет...

На улице Иван Пчелинцев заметил человека, стреляющего с крыши. Пчелинцев, не раздумывая, навел на него наган, и тот упал, скатился на край крыши...

Балев вбежал в подъезд дома Грининых, чуть не сшиб с ног насмерть перепуганного Леопольда. Оба

остановились как вкопанные и, тяжело дыша, впились друг в друга глазами. Леопольд перевел взгляд на наган Балева и упавшим голосом спросил:

— За что вы... нас? Что вам надо? Кто вы такой?

— Медленно говори, медленно, — попросил Балев.

Сбегающий с лестницы Агапов натолкнулся на Балева и Леопольда. Агапов решил, что он должен спасти Леопольда, и вот-вот должен грянуть выстрел. Вбежал Павел и крикнул:

— Стой! Стой! Не стреляйте!

Агапов, обернувшись к Павлу, презрительно бросил:

— Что вам здесь надо, убийцы?

— Это вы не по адресу, капитан Агапов. Вот они, убийцы. — Павел кивнул на раненого Яблонского, которого вели под руки подоспевшие красногвардейцы. — Мы не имеем с такими ничего общего.

— Кого я вижу! — удивился Агапов. — Капитан Яблонский?

— Он самый. Наемник анархистов, — ответил Павел.

Агапов проводил Яблонского долгим взглядом.

И тут он увидел Пчелинцева, с которым они были давно знакомы. Пчелинцев кивнул Агапову, сказал:

— У вас, Александр Кузьмич, еще есть время понять... многое. И чем скорее это будет, тем лучше.

— Для кого лучше? — глухо произнес Агапов.

— Для вас, разумеется. Да и нашей революционной армии была бы польза...

Агапов вспомнил разговор с Покровским, хмуро перебил:

— С предателями России мне не по пути!

Пчелинцев спокойно возразил:

— С предателями — да. Это вы верно сказали, Александр Кузьмич. А мы вас призываем встать на сторону той России, за которой будущее.

Агапов отвернулся и, взяв под руку Леопольда, быстро поднялся по широкой лестнице в дом.

* * *

Утреннее происшествие горячо обсуждалось в редакции. В перестрелке был тяжело ранен Юлиус Незвал. В больнице, куда молодой чех был быстро привезен, шла борьба за его жизнь. Во время утренней перестрелки Балев видел, как небольшого роста, весь какой-то квадратный, большеголовый мужчина целился

в Незвала. И поэтому он особенно переживал, что не успел первым выстрелить в убийцу, опоздал прикрыть своего товарища... После долгого молчания болгарин, волнуясь, сказал:

— Мы знали только одних русских. Освободителей Болгарии от турок. А выходит, они... разные.

Иван Пчелинцев, набивая табаком трубку, заметил:

— Такие же разные, как и...

— Да, конечно, — быстро согласился Балев. — Есть разные болгары, разные румыны, разные французы... Я это знаю. Но русский человек... Понимаете, товарищи... Для нас, болгар, русский человек — это... это...

— А тебе встретился Леопольд Гринин, — заметил Пчелинцев.

— К сожалению, таких еще много, — сурово сказал Пчелинцев. — А сегодня утром, товарищи, была провокация. Эсеров, анархистов. И прочего охвостья. Врагов нашей революции. Так что, друг мой Балев, знай, что есть и такие русские, которые по ту сторону баррикад. И знай, что враги революции идут на любые подлости. А потом сваливают на большевиков. Не пожалели даже ребенка...

* * *

Маленькому Костику грозила потеря зрения. Осколки стекла попали в глаз. Вызванный врач на вопросы родителей только беспомощно разводил руками.

Когда врач, откланявшись, наконец ушел, Агапов озабоченно сообщил:

— Профессора Невского здесь нет. Он в Одессе. Обратно пока его не ждут. Все же остальные не лучше...

Агапов глазами показал на дверь, намекая на ушедшего врача.

— Боже мой, что же делать? — тревожно прошептал Кирилл Васильевич. — Где искать помощи? Куда подевались врачи?

— Надо продолжать поиски, — решительно произнесла Дина.

— Может, они... выловлены большевиками? — буркнул Леопольд.

— Прекратите ненужные разговоры! — повысил голос Агапов. — Что вы конкретно предлагаете? — повернулся он к Леопольду.

— Одесса! — коротко ответил тот.

— В Одессу? — переспросил Кирилл Васильевич. — Там ведь тоже эти...

— Кто? — спросила Анна Орестовна.

— Как кто? Большевики, — ответил ее муж.

— В нас пока стреляют не они, — заметила она.

— За ними дело не станет, — процедил сквозь зубы Леопольд.

— Какое это имеет значение сейчас? — опять повысил голос Агапов. — Большевики, меньшевики, эсеры, анархисты. Надо спасать мальчика. И надо решать: ехать в Одессу или нет. Родители, слово за вами.

— Я... я на все согласен, — сказал Кирилл Васильевич, беспомощно глядя на жену. Анна, помолчав, кивнула в знак согласия...

Стало быть, Одесса. Решено. Анна Орестовна встала, окинула всех взглядом. Словно прочтя мысли Леопольда, четко, со свойственной ей категоричностью сказала:

— Грешно покидать родину, когда она в беде. Запомнила и всем советую запомнить эти слова генерала Брусилова. Поэтому я вернусь... непременно вернусь сюда, в наш красный Питер. На иное пусть никто не надеется. Мы все вернемся в Питер. Всем сердцем, своей честью клянусь, вернемся с моим исцеленным мальчиком.

* * *

Гроб с телом Юлиуса Незвала стоял в холле особняка — коммуны интернационалистов. Погибший товарищ лежал под знаменем своей страны, которая была далеко от революционной России, но которая знала о первом государстве пролетариата и по газетным сообщениям молодого журналиста-коммуниста. У гроба стояли его друзья по боевому перу. Каждый из них сказал на своем языке о погибшем товарище. Последнее прости произнес Иван Пчелинцев:

— Три недели тому назад товарищ Юлиус пришел к нам, чтобы рассказывать людям своей родины о том, что происходит в революционной России. Его оружием было перо. А он сражался как герой и погиб в вооору-

женной битве, как погибали парижские коммунары. И все же его судьба иная, чем судьба давних коммунаров. Он дождался семьдесят третьего дня. Прощай, дорогой Юлиус! Пролетариат новой России, большевики гвардии Ленина не забудут своего верного друга-интернационалиста!

Там, где висел плакат «Париж-72, Питер-73», Жорж Бланше прикрепил портрет Юлиуса Незвала.

— Так создаются пантеоны солдат и друзей русской революции, — тихо произнес он.

* * *

На следующий день Анна Гринина медленно шла по набережной Невы, долго смотрела на реку, на Зимний... Словно прощалась с Питером. Она стояла перед Зимним, не замечая, что на нее издали смотрят новые знакомые — Василий и Тигран. Они были на часах и окликать кого-либо не имели права. От них не укрылось, как Гринина поднесла к глазам платок.

— Вася-джан, она плачет? — с тревогой прошептал Тигран.

— Эх, убил бы того гада, кто ее обидел! — сердито выпалил матрос.

— Вай, на мелкие куски! — сверкнул глазами темпераментный кавказец.

Анна Орестовна бросила в Неву несколько серебряных монет. Постояв немного, быстро пошла через площадь.

Предстоящий отъезд Грининых был неожиданным для многих. Дина не могла себе представить, что она останется одна в этом большом доме, что ей придется расстаться с Аннушкой и Костиком. От этой мысли девушка не находила себе места. Даже поэта ей было жаль, хотя после революции в их отношениях появился холодок. Отъезд Леопольда ее не трогал, он всегда был для нее чужим.

По ночам, оставшись одна в своей комнате, Дина плакала. Такое с нею раньше случалось крайне редко. Она умела держать себя в руках. А теперь раскисла, ничего не могла поделать с собой... Умом она понимала, что ради спасения зрения Костика надо идти на любые жертвы, но сердце ничего не хотело знать, болезненно ныло. Что делать? Кто даст совет? Иван Пчелинцев сказал, что можно было бы попытаться при-

везти в Петроград профессора Невского, только по нынешним временам это дело нелегкое. Иван постарался раздобыть нужные бумаги, с помошью которых Гринины могли бы благополучно добраться до Одессы. «А в Одессе товарищи помогут непременно... Только нужно предъявить им это письмо», — сказал он Дине, вручая небольшой конверт.

Дожидаясь сестру, которая прощалась с городом, Дина закрылась в своей комнате. Но вскоре в дверь постучались. Дина медлила. Она догадалась, кто это мог быть. Что делать — открывать или нет? Стук повторился. Дина прекрасно понимала, что Леопольд (она была уверена, что это он) так просто не отступится.

— Кто там?

— Я... мне надо поговорить с тобой, Дина.

Немного поколебавшись, Дина повернула ключ в замке. Леопольд шагнул в комнату и сказал, словно Дине это было неизвестно:

— Мы... едем, Дина.

Дина молчала.

— А ты? — спросил Леопольд.

Дина продолжала хранить молчание.

— Ты... остаешься?

Дина всем своим видом давала понять, что говорить им не о чем. Леопольд продолжал:

— С кем? Как ты будешь жить одна... в этом аду?

Это было любимое выражение Леопольда, которое Дину приводило в бешенство. Пожав плечами, она холодно сказала:

— Как и все.

— Кто это «все»? Голоштанные комиссары, беспризорники, всякая шваль? Нечего сказать, хороша компания!

— Каждому свое...

— Ты вычеркнула меня из...

— Давайте лучше прекратим... Вернетесь — поговорим, — уклончиво сказала Дина.

Она знала, что кто-кто, а Леопольд рад отъезду из Петрограда. Одесса все же ближе к загранице, да и обстановка там переменчивая: сегодня большевистская власть, а что будет завтра — неизвестно. Союзники не забывают, наведываются, сейчас находятся недалеко от Одессы. Ответом «вернетесь — поговорим» Дина вовсе не собиралась подавать Леопольду какую-то надежду. Ей хотелось узнать, как он будет реаги-

ровать на эти слова, как смотрит на возможность возвращения домой. Леопольд сразу выдал себя с головой вопросом:

— Ты еще надеешься?

— На что?

— На то, что мы... вернемся?

— Даже у птицы есть свое гнездо.

— А если оно разорено, это гнездо?

Дина смотрела на Леопольда с презрением, не в силах сдержать гнева:

— Значит, бежите, Леопольд Васильевич? Позвольте спросить, куда?

— Ты же знаешь... В Одессу... нам надо.

— Так вот, после Одессы и поговорим. Вы поняли меня, Леопольд Васильевич? После Одессы.

— Ты хочешь, чтоб мы перешли на «вы»? Ну что же... Вы подвергаете испытаниям мои чувства к... тебе?

— Не я. Жизнь. Новая жизнь всех нас подвергает испытаниям. Не завидую тем, кто не выдержит. Родина обойдется без таких. А они нет — не обойдутся. Нет!

* * *

На вокзале была невообразимая толчея. Пассажиры с трудом пробивались к вагонам, втиснуться в которые стоило нечеловеческих усилий. Гринины и их немногочисленные провожающие при виде этого столпотворения вавилонского вконец растерялись. Агапов, одетый в штатское, нес на руках Костика. Глаз у мальчика был перевязан. Анна Орестовна и Кирилл Васильевич одеты по-дорожному. У одного только Леопольда вид был франтоватый, правда, костюм его был несколько скромнее тех, в которых он привык щеголять, вероятно, ему не хотелось привлекать к себе внимание.

Гринины пробирались к своему вагону, вовсе не уверенные в том, что им удастся попасть в него, а тем более занять места, помеченные в билетах. Мытарства, которые — они в этом не сомневались — ожидали их в дороге, начинались уже здесь, на вокзале, напоминающем потревоженный муравейник. С большим трудом протолкавшись к своему вагону, Гринины неожиданно увидели Пчелинцева. Высунувшись по пояс из окна вагона, он махал им руками. За ним маячили физиономии Павла и Христо Балева, которые тоже жестикули-

ровали и что-то кричали. Пчелинцев, перекрыв гул толпы, крикнул, чтобы Гринины подавали вещи в окно, а сами пробирались к дверям. Анна Орестовна поняла, что эти трое заняли для них места и никакая сила не в состоянии заставить их покинуть свой пост. Это тронуло ее до глубины души.

— Большое вам спасибо, господа, то есть... товарищи! — сказала она. — Не стоило так затруднять себя. Нам, право, неловко...

— Плохие мы были бы друзья, товарищ Гринина, если бы не помогли, — ответил Иван Пчелинцев. — Поторопитесь занять места, пока мы удерживаем позиции, не то...

Леопольд и Кирилл Васильевич сделали вид, что все происходящее их не касается и поэтому вовсе не интересует. Прибежала запыхавшаяся Дина в сопровождении помощника народного комиссара, того самого, что выступал тогда в театре. За ними увязался юркий Тимка. Помощник комиссара, протолкавшись к Анне Орестовне, сообщил:

— В Одессе вас встретят, устроят. Туда звонили из Смольного. Одесские товарищи обязательно постараются помочь. Но если... выйдет какая осечка, товарищ Гринина, то вот вам документы на беспрепятственный обратный проезд.

— Благодарю вас, — негромко сказала балерина и улыбнулась. — Я... знаете... серебряную монету... бросила в Неву.

— Ты, Анна, и без серебряной монеты вернешься, — громко, чтобы слышали все, сказала Дина. — Потому что ты у нас... русская. Ты настоящая, Аннушка.

Внимание всех присутствующих привлекло появление группы юношей в студенческих фуражках, с красными повязками на рукавах. Они остановились около вагона. Узнав в Кирилле Гринине известного поэта, один из студентов — самый бойкий на вид — спросил:

— Что, уезжаете, господин Гринин? Неужели покидаете Россию?

Нахлынувшая толпа оттеснила студентов от вагона.

Этот короткий эпизод был воспринят присутствующими по-разному. Кирилл Васильевич еще больше помрачнел, отчего лицо его стало каким-то серым, и поспешил подняться в вагон. Он прокладывал дорогу Анне, следом за ней Агапов нес Костика. Леопольд с высокомерным видом замыкал шествие.

В купе Агапов поспешно стал прощаться. Он задержал руку Анны Орестовны в своей и тихо сказал:

— Ну с богом, Аннушка! Нас с тобой с детства учили любить матушку-Русь. Вылечите Костика и возвращайтесь. Без Питера, без России... нам не жить!.. А я буду здесь... буду защищать Россию до конца!

В наступившем молчании Дина спросила:

— Какую только Россию?

— Ту, что нас с вами, кузина, родила, вырастила, людьми сделала! — сердито ответил Агапов и поспешил выбраться из вагона.

Анна Орестовна, увидев на перроне в толпе провожающих знакомых матроса и солдата, приветливо помахала им рукой. Узнала она и мальчика Тимку. Господи, как все это неожиданно!

Многие родственники не пришли провожать, не говоря уже о коллегах по театру. А эти люди, которых она еще вчера не знала, пришли. То были представители новой России. Сколько добра они сделали Грининым! Анна не представляла себе, как бы им удалось выехать, не будь этих людей... Ну что за славные парни! Анна подумала, что Иван Пчелинцев, этот симпатичный молодой человек, вероятно, пришел из-за сестры. Ей были известны некоторые подробности складывающихся отношений между Диной и этим журналистом из большевистской газеты, которую, кстати, она изредка читала благодаря младшей сестре. Дина познакомила Анну не только с Пчелинцевым, но и с Павлом, которого представила как поэта, добавив, что стихи у него неплохие. Гринина была воспитана на прекрасных образцах поэзии. Раньше, до революции, вернее, до начала второй мировой войны, в доме у них часто собирались известные поэты. Они читали свои новые произведения. Стихи Павла вначале не то чтобы не понравились Анне, просто их стиль, патетика были непривычны. Павел славил революцию, новую жизнь. Анна не решилась показать его стихи Кириллу, зная, что мужу они не понравятся. А вот стихотворение о красном Петрограде ее захватило, голос поэта — окрепший, построжавший — взволновал ее. Больше того, ей казалось, что поэт услышал, разгадал ее собственные мысли и чувства, а потом выразил их в стихах. Это заставило Анну отважиться на поступок, который так удивил всех: она прочитала стихи Павла со сцены революционным солдатам и матросам. Тонкими чертами

бледного лица Павел был похож на студента из небогатой интеллигентной семьи. Полувоенная одежда мешковато висела на нем, словно была с чужого плеча. Кто знает, думала Анна Орестовна, может быть, такие, как Павел, и образуют костяк новой русской интеллигенции.

Рядом с Павлом и Иваном Пчелинцевым стоял болгарин, который не спускал с Анны Грининой больших глаз.

— Ой, сколько народу нас провожает! — воскликнула Анна Орестовна.

Перекрыв шум толпы, донеслись удары вокзального колокола. Иван Пчелинцев сказал:

— Ну что ж, пора прощаться. Как говорится, ни пуха ни пера. Счастливого пути и скорого возвращения.

— Приятно пытуване! — пожелал Балев.

— Это по-болгарски? — спросила Анна Орестовна. — О, как все понятно!

— Сестра брата, брат сестру всегда поймет, — с заметным акцентом произнес Христо.

Паровоз пронзительно загудел, лязгнули буфера. Поезд медленно, словно нехотя, тронулся.

Капитан Агапов поспешил удалиться, но ему не терпелось еще раз взглянуть на дорогие лица кузины, Костика, махнуть на прощание рукой. Он отошел к концу перрона и стал дожидаться отправления поезда, не замечая, что по ту сторону будки стрелочника пристроились Вася и Тигран. Когда вагон, в котором ехали Гринины, поравнялся с ними, они принялись отчаянно махать руками. Вася, приставив ладони рупором ко рту, крикнул:

— Счастливого возвращения, землячка!

И Тигран:

— Душа любезный, приезжай!

Увидев на ступеньках вагона Тимку, матрос приказал:

— Прыгай, прыгай!

Тимка прыгнул и наткнулся на Агапова. Подоспевший матрос невольно встретился взглядом с Агаповым. Тот отвернулся и быстро зашагал по перрону... Вася кивнул в его сторону:

— Тоже земляк. Только этому земляку-тверяку на узкой дорожке не попадайся...

* * *

Дел у Христо Балева и его друзей-интернационалистов было невпроворот. Главное — сообщения в свои газеты. Народы должны были знать, что происходит в революционной России, как живет молодое государство в это чрезвычайно трудное время. Со дня Октябрьской революции прошло уже около трех месяцев. Положение в России, по словам вождя революции Ленина, было тяжелым, временами прямо-таки критическим. Писать обо всем происходящем понятно, доходчиво было нелегко. Приходилось допоздна сидеть над статьями, отстукивать на старых, видавших виды машинках новости из Советской России.

Христо Балев был хорошим конспиратором и боевым пилотом, а тут ему надо было писать, писать, писать... и осваивать пишущую машинку. За этим занятием и застал Балева в редакции Иван Пчелинцев. Христо медленно, двумя пальцами стучал по клавишам... Иван, глядя на муки товарища, улыбнулся и весело спросил:

— Что, трудновато? Сочинять трудно, печатать тоже... Точно така?

— Мне бы аэроплан, Ванюша, а я барабаню по этим чертовым клавишам! Но что поделаешь! Из Болгарии приказывают: давай, Балев, давай! Пока настучал статейку, почему большевики распустили Учредительное собрание, думал, машинка...

— Рассыплется, — подсказал Пчелинцев.

— Да, да. Точно така. А куда, куда рассыплется, Ванюша?

— Ко всем чертям.

— Вот-вот! И даже дальше. Но все же в Софии разобрались, что к чему. Говорят, неплохо бы распустить и наш парламент. Понимаешь, Ванюша, какая получается...

— Петрушка, — опять подсказал Пчелинцев.

— Точно така. Парламент называется народным, а болгарского народа там...

— С гулькин нос.

— Совершенно верно! Точно така!

— Ну, летчик-журналист, сегодня тебя ждет сенсация. Думаю, что от такого известия забьется не только твое сердце старого вояки. Все наши друзья обрадуются, — сказал Пчелинцев и вытащил из кармана

листок бумаги. — Слушай, Христо. У нашей власти, у нашего народа будет своя армия. Первое в мире рабоче-крестьянское войско. Красная Армия. Вот об этом историческом декрете, который подписали Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин), Верховный Главнокомандующий Н. В. Крыленко, народные комиссары по военным и морским делам П. Е. Дыбенко и Н. И. Подвойский, сообщи своим в Болгарию. Эх, Христо, вот возьмем и вступим с тобой в ряды рабоче-крестьянской! Точно така?

— И аэропланы будут?

— Ну а как же? Будут, Христо, обязательно будут.

— Я тогда... эту машинку...

— Ко всем чертям!

— И даже дальше. А сам — туда! — Ткнув пальцем вверх, Балев крикнул по-болгарски: — Небé! Небé!

Христо Балев на радостях схватил Пчелинцева за плечи, приподнял, закружил, продолжая кричать:

— Небé! Небé!

Павел с порога удивленно смотрел на происходящее. Лицо у него было грустное. Балев отпустил Пчелинцева.

— Что случилось? — настороженно спросил Иван.

— Плохие вести из Одессы.

— Напрасно поехали?

— Да. Профессора, на которого надеялись, оказывается, уже там нет.

— Возвращаются? — допытывался Пчелинцев.

— А кто обманул? — сердито спросил Балев. — Этот... Леопольд?

— Леопольд теперь уговаривает ехать за границу, — сообщил Павел.

— И беда ему на руку, — сказал Пчелинцев.

— Аэроплан, Ванюша, мне нужен аэроплан, и они будут здесь! — выпалил Балев.

* * *

В большой комнате в Смольном собралось много военных. Пришел и болгарский летчик-журналист Христо Балев. Человек, который сидел за столом, встал и подошел к большой карте России, испещренной разноцветными стрелками, линиями, кругами, надписями.

— А теперь, товарищ Балев, посмотрим, — сказал он, — где именно на воздушной трассе Петроград — Одесса ваш аэроплан может стать... мишенью для наших общих врагов.

Водя по карте указкой, он говорил негромко, как бы про себя:

— Опасность подстерегает вас здесь. И здесь. Это уже наверняка. Здесь тоже сильный огневой заслон. Не прорваться на аэроплане... Можно, конечно, проскочить в районе Одессы...

— Как это... проскочить? — не понял Балев.

Военные улыбнулись. Бородатый моряк объяснил:

— Значит, удачно пролететь. Допустим, это получится. Ну а дальше?

— А в Одессе сесть можно? — с надеждой в голосе спросил Балев. — Там немало болгар. Они защищают русскую революцию.

— Не только можно, но и нужно! — сказал главный в этой комнате. — Об этом, товарищ Балев, мы и хотели с вами поговорить. Надо как можно скорее попасть в Одессу, а оттуда пробраться в Севастополь, куда, по нашим сведениям, возможен приход военных кораблей из Болгарии. Под предлогом ремонта... А крейсер «Надежда» уже в Севастополе.

— Зачем? — удивился Балев.

— Чтобы подавить революцию. Таков тайный замысел вашего царя.

— Никогда! Нет! Няма! — взволнованно, путая русские и болгарские слова, произнес Балев. — В 1905 году, когда революционный «Потемкин» ушел из Одессы, ему навстречу был выслан крейсер «Надежда»... Ни одного выстрела не прозвучало с «Надежды». Ни одного, товарищи! Понимаете? И сейчас не прозвучит!

Человек у карты, пристально глядя на Балева, сказал:

— Верим! И надеемся! А для верности, товарищ Балев, по настоянию болгарских товарищей мы хотим переправить вас в оккупированный Севастополь. Дел в Севастополе более чем достаточно. У вас будут помощники. Два-три проверенных товарища. До Одессы долетите на самолете. А из Одессы в Севастополь придется добираться морем. Ну вам не привыкать, правда?

— Точно така! — ответил Балев.

* * *

В комнате, где стоял рояль, не было никого, кроме Павла. Он спал крепким, безмятежным сном — ему нисколько не мешал пробивающийся в окна солнечный свет. Он не проснулся даже тогда, когда в комнату шумной гурьбой ввалились Пчелинцев, Балев, Бланше, американц Вильямс, румын Бужор, серб Влахов и венгр Мюнних.

— Как вам нравится? — пошутил Иван Пчелинцев. — Все на ногах, все заняты делом, а наш друг знай себе похрапывает и, должно быть, видит распрекрасные сны. Нет, так дело не пойдет. Давайте-ка разбудим этого соню!

Все горячо поддержали его. Жорж Бланше сел за рояль и, ударив по клавишам, принялся барабанить вальс. Павел заворочался, это было верным признаком, что музыка до него «доходит». Пчелинцев, набросив на себя простыню, принялся изображать балерину. Остальные, заразившись веселостью, последовали его примеру. Никто не заметил, как вошел Дзержинский. Некоторое время он с недоумением смотрел на этот странный балет. Недоумение сменила улыбка. В глазах Феликса Эдмундовича запрыгали веселые искорки. Первым заметил Дзержинского Пчелинцев.

— Здравствуйте, Феликс Эдмундович. Извините за...

— Революционный привет интернационалистам. Так, кажется, вас называют? — произнес Дзержинский.

Пчелинцев растолкал Павла. Все еще пребывая в сладком полусне, Павел сказал:

— Эх, братцы, где я сейчас был! На «Спящей красавице». И Аврору танцевала знаете кто?

Увидев Дзержинского, Павел вскочил с постели.

— Извините, Феликс Эдмундович!

— Ну, полно, полно! — Дзержинский добродушно махнул рукой. — Значит, в театре побывали? Между прочим, поздравляю. Насколько мне известно, вас прочат в комиссары театра.

— О, пардон! — воскликнул Бланше. — Павлюша без прима... балерина Гринина не пойдет за комиссар театр.

Дзержинский, пряча улыбку, серьезно сказал:

— К сожалению, там не только Грининой недостает, товарищи. Некоторые служители Мельпомены все еще не желают служить народу. Но время рассудит.

Владимир Ильич и все мы, его соратники, убеждены в том, что искусство должно служить народу. И нам предстоит претворять это в жизнь.

— Простите, но, по-моему, тут какое-то недоразумение! — Павел в недоумении пожимал плечами.

— Наша революция породила немало таких... недоразумений, которые на поверку оказываются дальновидным и смелым решением многих важных проблем, — ответил Дзержинский. — Но театры не в моем ведении, и я вас агитировать не собираюсь. Вот с товарищем Пчелинцевым у меня будет разговор. А еще мне бы хотелось сказать вам, дорогие товарищи... Кстати, поляки среди вас есть?

— Товарищ Холмский отсутствует, — ответил Пчелинцев.

— Ну тогда, с вашего разрешения, придется мне его заменить... для полного кворума... интернационала, — пошутил Дзержинский и, тут же посерьезнев, продолжал: — Товарищи, вы делаете большое дело, ваша работа не имеет цены. Народы мира хотят знать правду о нашей революции. Помните слова Маркса о том, что революция после окончательной победы даст всем хлеб и розы. У нас будет много хлеба. Будут и розы... под стать болгарским. А теперь прошу прощения, товарищи. Рад был познакомиться. А сейчас мне нужно переговорить с товарищем Пчелинцевым. Не возражаете, если я его уведу от вас?

Дзержинский и Пчелинцев вышли из комнаты.

Феликс Эдмундович Дзержинский давно присматривался к Пчелинцеву, и от него не укрылись сильный характер и незаурядные способности молодого журналиста. Дзержинский сразу же, без обиняков изложил цель своего прихода:

— Так вот, дорогой товарищ Пчелинцев, думаю, я не открою вам особого секрета, если скажу, что опытных разведчиков у нас раз, два, три и обчелся. Учимся по ходу действия, применительно к обстоятельствам, в ходе выполнения заданий. Нам очень нужны наши, красные разведчики, контрразведчики. Вот мы и приглядываемся, изучаем. Правда, для обстоятельной проверки времени просто-напросто нет. Нам надо действовать. Немедленно. Последние события свидетельствуют об этом. Владимир Ильич прав, когда говорит, что действовать следует быстро, смело, широко, умно. Враги, как внутренние, так и чужеземные, зададут нам нема-

ло, мягко выражаясь, головоломок. А если ставить вопрос со всей серьезностью, то схватка с опытной, коварной агентурой, щедро субсидируемой разведками зарубежных государств, не за горами, причем это будет борьба не на жизнь, а на смерть... Ну а теперь, товарищ Пчелинцев, пора перейти к сути. Я предлагаю вам на время оставить журналистику и заняться тем, о чем шла речь.

— Все это так неожиданно, Феликс Эдмундович, — признался Пчелинцев.

— Что поделаешь! Время, в которое мы живем, полно неожиданностей, — сказал Дзержинский. — Приходится перестраиваться на ходу. Жду вас с ответом в любое время дня и ночи.

ОПЕРАЦИЯ „НАДЕЖДА"

Христо Балеву дали аэроплан — старый, видавший виды «фарман». Болгарин чувствовал себя на седьмом небе. Опять в своей стихии. Он полетит на аэроплане в Одессу!

Несмотря на трудности в пути, до Одессы удалось пролететь благополучно. Когда показался берег Черного моря, сердце Балева радостно забилось. Город напомнил ему Варну. Захотелось направить свой старенький «фарман» через море дальше на юг, пока не возникнет под крылом Варна. Но сейчас он мог только воскликнуть: «Довиждане, Варна! Довиждане, Болгария!» До скорой встречи, родная, любимая, истерзанная земля! Русские братья совершили революцию, чтобы на такой же обездоленной, как и болгарская, земле построить новую жизнь. Нужна, ох как нужна такая же революция в Болгарии! Мы непременно последуем примеру русских братьев.

Балев не замечал, что разговаривает сам с собой. Всеми помыслами он был с родиной, с оставшимися там боевыми товарищами-подпольщиками.

Перелет закончился благополучно. В Одессе знали о прибытии Балева. Его встретили, заверили, что сделают все возможное для выполнения указаний, полученных из Смольного. В Одессе Балева ждал приятный сюрприз — встреча со старым знакомым — солдатом по имени Тигран. «Будем действовать вместе», — сказал Тигран, весело подмигнув.

Одесские товарищи спросили у Балева, есть ли у него в городе знакомые, друзья. Он ответил, что хотел бы встретиться со своими земляками, принимавшими участие в революции. Кроме того, Балеву хотелось одному побродить по Одессе, которая так напоминала ему Варну, и, конечно же, увидеть Анну Орестовну Гринину.

Одетый по-весеннему, Христо Балев медленно спускался по знаменитой одесской лестнице. Пчелинцев говорил, что Гринины остановились где-то в этом рай-

оне. Балев свернул на небольшую улицу, принялся всматриваться в номера домов. Кажется, здесь. Он вошел в маленький дворик. Появление гостя первыми заметили Леопольд и Кирилл. Оба с удивлением уставились на непрошеного визитера, потом Кирилл Васильевич с беспокойством спросил:

— Никак тот самый... болгарин?

— Он. Выследил-таки, — процедил сквозь зубы Леопольд.

— Что ему надобно?

Леопольд пожал плечами.

— Не знаю, не знаю...

Анна Орестовна встретила болгарского гостя на небольшой открытой террасе. Обрадовалась ему как старому знакомому.

— Просто не знаем, как и быть, — рассказывала она. — Профессора Невского в Одессе не оказалось. Говорят, в Париже есть какое-то светило... Да только туда...

— Не хотите? — быстро спросил Балев.

— Ради здоровья ребенка я готова ехать хоть на край света. Но... — Гринина оглянулась и продолжала шепотом: — Боюсь я нынче за границу.

— А раньше не боялись?

— Когда это «раньше»?

— Перед самой войной. Я вас видел в Париже.

— О, это было так давно!

— Мне кажется, что вчера...

Появились Кирилл Васильевич и Леопольд. Анна Орестовна сказала:

— У нас вот гость... из Питера.

Балев вежливо поклонился и добавил:

— И из Болгарии. Я здесь проездом.

После неловкой паузы Кирилл Васильевич поинтересовался:

— Проездом домой?

— До дома еще будет остановка, — уклончиво ответил Балев.

— И стрельба, разумеется? — не удержался Леопольд.

— Если надо, — спокойно произнес Балев.

— Поскольку вы красный, то, конечно же, будете стрелять в белых? — не унимался Леопольд.

— Так же, как белые стреляют в красных, — невозмутимо ответил Балев.

— Слышите, как все просто. Вот этот господин наводит револьвер, и... капитана Агапова как не бывало, — выразительно посмотрев на Гринину, сказал Леопольд. — Кузина горько оплакивает любимого кузена, а затем принимает у себя...

— Перестаньте! — одернула Леопольда Анна Орестовна. — Перестаньте фиглярничать! Вы что, забыли, как надо вести себя с гостями? — И, повернувшись к Балеву, сказала: — Ради бога, извините... Все так изнервничались... Эта неопределенность... Иногда мы говорим не то, что думаем... Простите.

— А у меня времени, как говорится, в обрез, — спокойно сказал Балев, взглянув на часы. — Все вам передают приветы и ждут... домой. Очень ждут. Ну а если вдруг придется побывать... в Болгарии... То мы рады гостям... очень рады. До свиданья.

Откланявшись, Христо Балев сбежал с крыльца. После ухода гостя Кирилл Васильевич осуждающе произнес:

— Ах, Лео, Лео! Ну что за бестактность!.. Мало тебя шлепали в детстве, братец...

— Ничего, в этом отношении его еще ждет блестящее будущее! — сказала Анна Орестовна и вышла.

Леопольд схватил вазу с цветами и в порыве бешенства грохнул ее об пол.

* * *

На исходе был четвертый месяц новой власти в России. Полчища русской контрреволюции и интервентов двигались к сердцу революции. Большая угроза нависла над красным Петроградом, над всей страной. Молодая, только что созданная Красная Армия вела первые бои с врагом. Особенно ожесточенные сражения шли на подступах к Петрограду. Одним из белых батальонов командовал капитан Агапов.

Снаряд, разорвавшийся неподалеку от наблюдательного пункта, обдал группу офицеров комьями мерзлой земли и снега. Один из них, отряхиваясь, сердито буркнул:

— Братоубийство!

Капитан Агапов зло оборвал его:

— Где вы видите братьев? Это изменники! Враги России!

Поблизости опять разорвался снаряд, выбросив фон-

тан мерзлой земли и снега. Офицер, сетовавший на братоубийство, с удивлением заметил:
— Пристрелялись! А говорили... сброд. С умом палят.
— Разговорчики! — крикнул Агапов. Он хотел еще что-то сказать, но в ту же секунду снаряд врезался в землю совсем рядом. Агапов упал будто подкошенный.

* * *

Христо Балев долго стоял на берегу, провожая взглядом большую птицу. Он не заметил, как из рыбацкой хижины вышел Тигран, встал позади и тоже стал смотреть на удаляющуюся птицу. Когда она пропала из виду, растворилась в наплыве облаков, Тигран спросил:
— Что, может, летит в твою Болгарию, а?
— Все может быть. У нас есть песня. Слова такие... Ах, если бы я мог стать птицей...
— Аэроплан тоже птица!
— Отобрали. Теперь я моряк. А когда выйдем в море, неизвестно.
— Не торопись, дорогой! Дождемся Васю. Он настоящий моряк.
— Но когда это будет, когда?
— Я же сказал: не надо спешить. Мой друг сделает одно дело и прибудет. Вася Севастополь знает как свои пять пальцев, как ты...
— Велико-Тырново.
— Так называется твой город?
— Точно така.
— Красивый?
— Лучше не бывает.
— Скучаешь?
— Немного... Некогда скучать.
— Я тоже немного по Шуше... по моей Шуше, по Кавказу скучаю. Представляешь: гора, а на той горе друг над дружкой дома...
— Так это же Велико-Тырново!
— Значит, они похожи друг на друга, как и мы... только вот у меня борода...
Оба весело засмеялись. Тигран сказал:
— Считай, что мы с тобой как... близнецы. Теперь я тебя буду называть по-кавказски: Христо-джан. «Джан» — значит «душа моя».
— Точно така, Тигран-джан!

* * *

Капитан Агапов оказался в походном госпитале. Он лежал на койке с забинтованной головой. Окинув взглядом палату, Агапов достал из-под подушки сложенный вчетверо листок бумаги и принялся читать.

«Не знаю, дойдет ли до тебя это письмо, дорогой Александр. Но все же пишу. Если бы ты только знал, как мне не хватает твоего совета, твоей решительности и хладнокровия. Леопольд настаивает на поездке в Париж. Он где-то вычитал, что там есть профессор, который делает сложные операции. Уверяет, что Костику вернут зрение. Боюсь, что он задумал недоброе. Не знаю, как быть. В Петрограде, говорят, неспокойно. Да и врачей нужных нет. Кирилл в полнейшей растерянности. Ко всему еще и я и он оторваны от привычного дела. Вот уже около полугода я не танцую, не репетирую... Кирилл забросил свои стихи. Один Леопольд не унывает, то и дело встречается с какими-то людьми, о чем-то хлопочет, строит планы. Мне кажется, что его авантюры плохо кончатся для всех нас... Много думаю о тебе. Тревожусь. Как ты там?..»

В палату вошел раненый офицер на костылях.

— Красного схватили. Лазутчика. Идемте посмотрим, как допрашивать будут! — сообщил он.

Кое-кто двинулся к выходу. Агапов дочитал письмо и задумался. Сообщение о поимке пленного он пропустил мимо ушей. Повернувшись к тяжело раненному соседу по койке, спросил:

— Бумагой случайно не богаты?

— К сожалению, нет. Попросите в канцелярии, — через силу проговорил сосед.

Агапов, встав, направился к дверям.

Посреди канцелярии стоял матрос со скрученными сзади руками. Лицо у него было в ссадинах и кровоподтеках, он еле держался на ногах. Офицеры, ведущие допрос, устало курили, не спуская глаз с пленного. Матрос, казалось, был безразличен ко всему происходящему. Однако при виде вошедшего в канцелярию Агапова в его глазах на секунду мелькнуло любопытство. Это не укрылось от допрашивающих. Пожилой подполковник грубо спросил:

— Что? Может, знакомый?

Василий и Агапов смотрели друг на друга, и видно было, что каждый пытается что-то вспомнить. Ага-

пов, так ничего и не вспомнив, хотел было выйти, но подполковник остановил его:

— Господин капитан, вам случайно незнаком этот... красный?

— Нет, господин подполковник, не имел чести. Мне нужен лист бумаги. Для письма. Могу я попросить? — довольно резко произнес Агапов.

Подполковник вырвал из толстой тетради лист бумаги и, протягивая Агапову, как бы между прочим сказал:

— Извольте. А на следующем листке смертный приговор красному лазутчику запишем.

Агапов еще раз взглянул в глаза матросу, силясь что-то вспомнить, повернулся и вышел.

* * *

Генерал Покровский стоял перед большой картой военных действий и под доносившийся издалека гул далекой артиллерийской канонады разъяснял офицерам штаба положение на фронте:

— Красная Армия — это, по существу, сброд, обреченный на гибель. Без командиров, без дисциплины. Она погибнет, не успев родиться. Разведка доносит, что этот сброд пытается нас контратаковать, но все его попытки тщетны, господа. Дни красного Петрограда, господа офицеры, сочтены. В этом нет никакого сомнения.

Вошел офицер и протянул Покровскому пакет. Прочитав донесение, он сказал:

— Я просил, господа, своих людей быть предельно точными, доносить обо всем, что касается борьбы с красным сбродом. Русские офицеры, господа, хранят верность отечеству, проявляют чудеса храбрости! Вам знаком, господа офицеры, капитан Агапов? Настоящий патриот. Дрался как лев.

* * *

В селе, где находился походный госпиталь белой армии, спешно погружали раненых на телеги и повозки. Капитан Агапов шел к телеге, в которой уже сидели раненые, без чужой помощи. Обстановка была нервозная: все куда-то спешили, суетились, то и дело раздавались отрывистые команды... Подполковник, который допрашивал Василия, пробегая мимо Агапова, бросил:

— Красные прорвались. Кто бы мог подумать! Вот-вот будут здесь. Но мы им преподнесем подарочек! Пустим в расход матросика. Господин капитан, хотите посмотреть, потешить душу?

И тут Агапов увидел матроса. Он шел спокойно, весь его вид выражал безразличие, словно его вели не на расстрел. Поравнявшись с телегой Агапова, Василий замедлил шаг, бросил быстрый взгляд на капитана и срывающимся голосом произнес:

— Писать будете... поклон передайте от земляка тверского, матроса... А мы с вами, помните, на вокзале...

Неподалеку разорвался снаряд, загремели выстрелы, раздались громкие крики. В село вихрем ворвались красные конники.

* * *

Опять допрос. В той же канцелярии, где белые допрашивали Василия. Только теперь в роли подследственного был капитан Агапов. Иван Пчелинцев обратился к нему:

— Вы-то за что воюете, Александр Кузьмич? Ни поместий, ни фабрик, ни капитала у вас нет. И не было.

— У меня есть родина! Россия! — с вызовом ответил Агапов.

— А у нас что?

— Вы уничтожаете все, что создавалось народом веками!

Пчелинцев продолжал оставаться невозмутимо спокойным:

— Что ж, Александр Кузьмич, так и быть, спишем это на вашу политическую... малограмотность. Учтите, господин капитан, если кто и спасает Россию от вековой отсталости, от гнета и бесправия, то только большевики, наша партия. У вас еще есть время приглядеться, поразмыслить над происходящим. Ваши предки — да что там далекие предки! — отец ваш был простым служивым человеком. Вот и вы послужите своему народу. Не генералу Покровскому, а народу. У вашего генерала миллионное состояние. Правда, все отобрано революцией. Но счетик в заграничных банках сохранился. А у вас? Капитанское жалованье? Или просто амбиция? Офицерская честь и все такое? Подумайте, подумайте, Александр Кузьмич. Ваша родственница выбор сразу сделала. С народом пошла.

— Так пошла, что до Одессы дошла, — сердито буркнул Агапов.

— Она с народом, это главное, — твердо произнес Пчелинцев.

* * *

Заграница принимала первых эмигрантов из революционной России. Париж, Варшава, Прага, София, Белград, Афины, Стамбул стали пристанищем для тех, кто наспех покинул Петроград, Москву, Киев, Одессу... Эти люди были уверены, что уезжают из России временно. По стечению обстоятельств, по недоразумению Гринины тоже очутились за границей. Одесса не оправдала их надежд. В поисках специалиста, который бы спас зрение Костика, они направились во Францию. Большой пароход доставил Грининых в Марсель.

Первой спустилась по трапу парохода Анна Орестовна. За нею сошли на берег братья Гринины. Группа молодых людей — французов и русских эмигрантов — на пристани истошно скандировала:

— Лео! Лео! Вива, Лео!

А репортеры бросились к известной по прежним гастролям во Франции русской балерине. На пристани у трапа Анна Орестовна задела ногой натянутый трос и упала. Репортеры нацелились своими фото- и кинокамерами на упавшую женщину. Кирилл Васильевич поспешил помочь жене встать.

Из подъехавшего шикарного лимузина вышел внушительного вида мужчина. Открыв заднюю дверцу, он протянул руку высокой, длинноногой даме. Мужчина, галантно сняв шляпу, подошел к Анне Грининой и обратился к ней по-французски:

— Мадам! Я рад приветствовать вас в Париже. Благословенный город готов еще раз пасть к ногам русской Терпсихоры. Париж ждет вас, мадам Гринина. Подлинное искусство не имеет границ. Для его жрецов родина — весь мир. Парижский театр, который я имею честь представлять, мадам, небезызвестен вам по довоенным гастролям. Мы старые знакомые, и, я думаю, ничто нам не мешает установить деловые отношения. Мадам, имею честь предложить вам контракт.

Француз и его дама рекламно улыбались, а Гринина стояла с каменным лицом. Такого она не ожидала. Кто же подстроил, кто организовал этот спектакль? Она медленно обернулась в сторону Леопольда. Не ина-

че, как он. Вместе с этими горлопанами. Это же западня.

— Произошло недоразумение, месье, — стараясь скрыть возмущение, ответила Анна Орестовна. — Я вовсе не собираюсь танцевать. И не для этого сюда приехала. Произошло недоразумение, месье, и вы вправе потребовать объяснения у тех, кто ввел вас в заблуждение.

Француз и его дама недоуменно переглянулись. Гринина посмотрела на мужа. Кирилл Васильевич подал ей руку, и оба направились к автомобилю, в котором уже находился их сын.

Француз смерил Леопольда испытующим взглядом. После короткого замешательства Леопольд попытался улыбнуться, потом, стремясь придать своему голосу уверенность, пообещал:

— Не беспокойтесь, месье Фажон, мы с вами еще станцуемся. Непременно станцуемся.

Месье Фажону, видимо, эти слова понравились. Он крепко пожал Леопольду руку. Это было похоже на удачно заключенную сделку.

Началась эмигрантская жизнь. Даже миллион сорванных листьев не заменяет одно живое дерево. Сорванные листья становятся добычей ветра, бури, дождя... Эмигранты, очутившиеся на чужой земле, вдали от родных мест, напоминают листья, оторванные от своих ветвей бурей. Их судьбе трудно позавидовать. Пусть даже есть деньги, крыша над головой, работа, удовольствия... Чужбина не может заменить человеку родину, как мачеха не может быть матерью. Супруги Гринины почувствовали это сразу, с первых же шагов пребывания во Франции.

Кирилл Васильевич нервно вышагивал по комнате, заваленной нераспакованными вещами. На столе, на креслах были разбросаны газеты с фотоснимками: русская балерина Анна Гринина лежит на земле у трапа парохода.

Дверь отворилась, и в комнату вошел Леопольд. Настроение у него было явно приподнятое.

Старший Гринин схватил газету и, размахивая ею, набросился на брата:

— Что это такое? Что, я спрашиваю?

Леопольд, словно впервые видя снимок, с улыбкой ответил:

— Факт, зафиксирован факт-с, братец.

— Факт? Факт-с? — Кирилл Васильевич, повысив голос, принялся читать: — «Русская балерина, вырвавшаяся из большевистского ада, целует гостеприимную землю». Это факт-с? Это же... Это же...

— А может, братец, и впрямь... целует? — издевательским тоном перебил его Леопольд.

— Ты... ты... болван! — вскипел от такой бестактности Кирилл Васильевич. — Паясничаешь вместо того, чтобы возмущаться?. Тебе наплевать, что Анна прямо сама не своя от этого. Нет, я не намерен слушать твой вздор. И эту мерзость, — он отшвырнул газету ногой, — не потерплю. Я подам в суд! Я призову этих бульварных писак к ответственности! Меня здесь знают.

Леопольд с безразличным видом смотрел в окно, словно он ни в чем не виноват, словно не по его милости брат, всегда такой уравновешенный, вышел из себя. Он увидел, как около их дома остановилась автомашина, из которой вышел месье Фажон. Кирилл Васильевич тоже увидел француза и снова обрушился на брата:

— Это тоже твои фокусы! Очередная авантюра! Анна танцевать не будет! И не думай об этом! Талант ей дан от бога, понимаешь? И она им не торгует.

Прежде чем выйти из комнаты, Леопольд бросил ядовито:

— А на какие, извини, братец, шиши ты собираешься здесь жить? Лечить сына? Ты об этом подумал?

* * *

В один из осенних дней накануне первой годовщины революции в Москве встретились старые «питерские» товарищи, приехавшие в новую столицу. За весну и лето в их жизни произошло много событий. У солдат Октября — интернационалистов было великое множество неотложных дел. В кабинете Ивана Пчелинцева на Лубянке сидели Христо Балев и Жорж Бланше. Из широкого полузашторенного окна виднелись башни Московского Кремля.

Пчелинцев говорил Балеву:

— Теперь это уже факт. После разгрома в сентябре Владайского солдатского восстания под Софией ваш царь по настоянию англо-французских оккупантов передает им военный корабль «Надежда», который находится в Севастополе. Ты мне скажи, будут болгарские моряки стрелять в русскую революцию?

Балев вздрогнул, как от удара. Пчелинцев опустил руку на его плечо, сказал с улыбкой:

— Уверен, что не будут. Но мы обязаны знать настроение команды корабля. Ты, Христо, и твои помощники должны наладить связь с болгарскими моряками. Дело это нелегкое. Мы все помним, что наша первая попытка проникнуть в Севастополь весной не удалась. Должен тебя предупредить, что болгарский военный корабль под строгой охраной. Наши враги боятся «коммунистической заразы». Севастополь наводнен не только англо-французскими карательными войсками, но и тайными агентами, среди которых особенно свирепствует служба генерала Покровского. Попадать к ним в лапы не советую. Покровский — настоящий зверь. К тому же раненый. После сражения под Петроградом он впал в дикое озлобление. Перед нами ставится задача проникнуть во вражеские разведслужбы, узнать их планы, мешать им карты...

— Иван, надо полагать, что и среди англо-французов надо иметь наших людей? — спросил Бланше.

— Разумеется, — быстро отозвался Пчелинцев. — Если ты эту идею выдвигаешь и поддержишь, дорогой товарищ Бланше, надо подумать, кто из французских товарищей мог бы проникнуть в Севастополь.

— А дорогой товарищ Бланше не устраивает очень дорогого товарища Пчелинцева? — спросил француз, лукаво поглядывая на хозяина кабинета и на Балева.

— Ты что, уже думал об этом? — удивился Пчелинцев. — Предполагал такой разговор?

— Нет, ты ответь: потомок героев Бастилии и Парижской коммуны годится для дела русской революции?

— Жорж, речь о том, что не потомок героев и не наш друг — французский коммунист, а коммерсант, дипломат, моряк, угольщик или еще черт знает кто должен проникнуть в Севастополь как лицо, не вызывающее подозрения у оккупантов, как свой человек у твоих и наших врагов. Стало быть, нужны документы, мандаты, предписания. И измененная внешность. Лицо, значит, будет не твое, походка тоже не твоя...

— И это говорят сыну Франции, имеющему и обширные связи, и к тому же способности несостоявшегося артиста? — все больше входил в свою роль Бланше. — Ты, забыл, что у меня есть Сюзан, что она работает...

— Сдаюсь, сдаюсь, жаворонок утренних газет! — замахал руками Пчелинцев. — Но пока ничего не обе-

щаю. Поговори с Сюзан, кстати, передай ей сердечный привет и узнай ее мнение о такой важной стороне дела, как документы для человека, который должен ввинтиться в контрразведку оккупантов. А пока я покажу Балеву эти фотографии.

Перед Христо лежали две фотографии — мужчины и женщины. Пчелинцев объяснил:

— Это Семен Кучеренко. Свой, надежный человек. А это Маша. Сестра милосердия. Она умеет делать не только перевязки... Они оба будут твоими помощниками. Риск оставь для самых важных дел.

Зазвонил телефон. Пчелинцев взял трубку, внимательно выслушав говорящего, сказал:

— Все же удрал? Не вынесла душа... патриота России. Что же, в следующий раз пусть не попадается. Будем разговаривать как с врагом России. Новой России. Точно така, как говорит один мой болгарский друг.

Положив трубку на рычаг, спросил:

— Помните капитана Агапова? Он приходится балерине Грининой и Дине каким-то родственником...

— Значит, и твоим родственником, Ванюша, — с улыбкой заметил Балев и добавил: — ...В проекте, конечно.

Пчелинцев заметно смутился.

— Эх, дорогие мои другари-камарады, никакая разведка не может установить, будет это или нет... Я в Москве, она в Питере. А вот что капитан Агапов дезертировал из Красной Армии — это факт. Наверное, навострил лыжи к своему генералу Покровскому. Ну ничего, в Питере все подробно узнаю.

— Ванюша! — воскликнул Балев. — Ты в Питер едешь? Павлюшу увидишь?

— Еще бы! Как не увидеть самого комиссара театра? — засмеялся Пчелинцев.

* * *

Дина и Тимка с трудом пробирались среди сваленных за кулисами декораций. Неожиданно перед ними вырос Павел.

— Как вы здесь оказались? Да еще без провожатого, — удивился он.

— Тимка — чудесный провожатый, — ответила Дина. — Все же уговорили вас на высокий пост, поэт революции?

— На аркане, можно сказать, привели. Одна надежда, что временно.

Дина недоверчиво покачала головой:

— Один наш общий друг на этот счет придерживается другого мнения.

— Иван? Он приехал?

— Засим и пробираемся через катакомбы, дабы известить вас: скоро прибудет.

— Что ж, рад буду увидеть высокое московское начальство. Ты, Тимка, тоже готовься.

Дина сказала:

— И еще мы пришли потому, что у Тимки к тебе серьезный разговор.

— Ну если серьезный, то прошу в кабинет, — пригласил Павел.

Они вышли в длинный коридор. Павел приоткрыл дверь в большую комнату, где под руководством пожилой женщины занимались дети — будущие артисты балета.

— Нравится? — спросил Павел.

— Угу! — ответил Тимка.

Дина сказала:

— Вот разговор и состоялся! Об этом и хотел поговорить с тобой Тимка.

Павел удивленно посмотрел на Тимку, тот с обидой спросил:

— Что, не верите?

В кабинете Павла мальчуган первым делом заметил пианино и заговорщически подмигнул Дине. Затем он проворно сбросил с себя не по росту большое пальто, шапку, залатанные сапоги...

— Вальс... собачий! — крикнул он.

Дина села за пианино и начала наигрывать вальс. Тимка танцевал, подражая настоящим артистам балета. Каскад невероятных прыжков, немыслимых па... Изнемогая от смеха, Павел повалился на диван. Дина перестала играть и тоже принялась хохотать. Только Тимка был серьезен. Он чего-то ждал. Павел, почувствовав это, перестал смеяться, внимательно посмотрел на мальчика.

— Пошли! — решительно произнес он и распахнул дверь кабинета.

На пороге стояла пожилая женщина — та, которая занималась с детьми.

— А мы к вам, Наталья Каллистратовна, — сказал

ей Павел. — Вот попробуйте... проэкзаменуйте этого молодого человека.

Балерина, медленно поднеся лорнет к глазам, с удивлением принялась изучать Тимку. Потом перевела взгляд на Павла и Дину — уж не потешаются ли они над нею, — но, увидев их серьезные лица, сказала Тимке:

— Иди, мальчик, за мной!

— Тимка, имей в виду, что Наталья Каллистратовна — бывшая учительница твоей любимой Анны Орестовны. Смотри не подкачай!

— Постараюсь! — важно ответил Тимка.

Поравнявшись с Натальей Каллистратовной, он подмигнул ей. Пожилая женщина была шокирована, но сделала вид, что ничего не произошло, и, с достоинством раскланявшись с Павлом и Диной, повела мальчугана в свой класс.

* * *

Военные корабли стоявшие на рейде оккупированного Севастополя, находились под усиленной охраной. Над некогда оживленным портом нависла зловещая тишина. И от этой тишины кабачок на морском берегу казался особенно шумным.

За большим столом расположилась веселая компания моряков. В одном из подгулявших с трудом можно было узнать матроса Василия. С видом разухабистого гуляки он щедро угощал честную компанию, то и дело покрикивая на толстого буфетчика:

— Лей, Пантелеич! Пей, братва!

Глядя на него со стороны, можно было подумать, что он исполняет цыганский романс:

— Эх, лей да пей, лей да пей, еще раз лей да пей, много раз лей да пей, еще разик лей да пей. Гуляй, братва, пока башка цела!

Матрос обвел хмельным взглядом соседние столики. Его внимание привлекла одна молчаливая компания. Пошатываясь, он подошел к незнакомцам:

— Здрасьте, хлопцы! Бонжур, плиз, салям алейкум, — сыпал он известными ему чужими словами. — А вы кто такие будете, а?

Сидящие за столом молчали.

— Вроде бы заморские, а с другой стороны, как будто и нет, — продолжал Василий. — Ох, чует моя душа, что это наш брат славянин... Я, Сема из самой

Одессы-мамы, по... аромату это чуйствую. А? Что? Разве не славяне? Неужто турки?

Никто не проронил ни слова. Друзья «Семы» кричали ему:

— Мамочка! Детишечки просют водочки!

— Семочка, брось трепаться! Отчаливай! Давай полный назад!

Василий разочарованно махнул рукой и побрел к своему столу, напевая:

— Эх, пей да лей, пей да лей, еще раз, да еще раз, да еще много, много раз...

Сидевший за соседним столом степенный бородатый мужчина с хмурым лицом, в робе мастерового повернулся к молчаливой компании и, показывая глазами на «Сему», сказал:

— Хороший хлопец, да жаль пьет, много пьет. Стоит ему узнать, что вы болгары, не отстанет, будет угощать водкой до утра. А утром придет на пирс... и ни в одном глазу. Работает как зверь. Завтра сами увидите. Золотые руки. А желудок луженый.

Бородатый хмурый мужчина был не кто иной, как Тигран.

Один из болгар, по виду старше остальных, с сильным акцентом спросил:

— Вы... майстор, мастер?

— Вот-вот. Ремонт. И ваш корабль будем ремонтировать, — ответил Тигран. — Ну давайте выпьем за знакомство.

Болгарин, подняв рюмку, поддержал:

— Наздраве.

Остальные болгары тоже подняли рюмки:

— Наздраве.

После того как все выпили, Тигран доверительно сообщил:

— Соберем хороших мастеров. Быстро сделаем ремонт. Русские и болгары — братья. Раз надо, так надо. Отремонтируем на славу. Сам подберу мастеров. Как имя твое, брат?

— Ангел. Такое имя. Ангел на земле. Слышал? — охотно ответил болгарин.

— Теперь буду знать.

— Добре, много добре, — сказал на своем языке Ангел.

— Один мой знакомый болгарин любит приговаривать: «Точно така!» — сказал Тигран.

— Здесь есть болгары? — заинтересовался Ангел.

— У нас есть всякие! — уклонился от прямого ответа Тигран. — Даже оккупанты есть, — продолжал он, кивнув в сторону сидящих неподалеку англичан и французов.

— У нас... такие тоже есть, — тихо произнес болгарин.

Тигран перевел взгляд на моряка со шкиперской бородкой, который сидел за соседним столиком, уткнувшись в газету. Это был Христо Балев.

За ним исподлобья наблюдал толстый буфетчик. Вскоре он вроде бы по делу скрылся в соседней комнате. Там сидели трое из белой контрразведки и представитель оккупационных властей. Толстый буфетчик подвел их к маленькому отверстию в стене. И пока контрразведчики разглядывали моряка со шкиперской бородкой, буфетчик докладывал:

— Впервой здесь. Не ест, не пьет. Они, видите ли, чита-ют. А сами глазами шмыг-шмыг. Вон с тем... пей да лей, пей да лей. Тоже объявился фрукт... Семка из Одессы. Артист погорелого театру. Биндюжника из себя разыгрывает. А по морде видно, что москаль.

Контрразведчики опять приникли к отверсию, но человека со шкиперской бородкой за столом уже не было. Другой бородач тоже исчез.

* * *

Балев и Тигран шли по улице на темной городской окраине.

Продолжая начатый разговор, болгарин сказал:

— А в глазах тоска.

— Особенно у того, с кем я говорил, — заметил Тигран. — У Ангела.

— К нему надо приглядеться. Хубаво момче.

— Что? — не понял Тигран.

— Хороший парень.

— Все они это самое... хубаво.

— Для вас все болгары хороши, а для нас все русские...

— Если бы так, Христо-джан!

— Так будет! Должно быть! Точно така.

— Так-то оно так, Христо-джан, только до этого самого «точно така» еще идти да идти, подниматься в гору, будто на Арарат или на Балканы.

— Будем идти, будем подниматься. На половине дороги не остановимся. Точно така.

Позади послышалось пение загулявшего человека:

— Эй, пей да лей, пей да лей, еще раз пей...

Тигран сказал Балеву:

— Я тебе говорил, душа любезный, что Василий большой мастер и по этому делу.

— Хорошую роль получил наш Вася. Нам надо говорить, газеты читать, а он... пей да лей...

Матрос, поравнявшись, хриплым голосом пьяного человека пробормотал:

— Как говорится, пардон, месье. Семка из Одессы малость перебрал... выше нормы.

Балев сказал:

— Это, уважаемый, и без бинокля хорошо видно.

— Но улов есть.

— А этого пока не видно, — сказал Тигран.

— «Надежда»? — быстро спросил Балев.

— В специальном ремонте корабль не нуждается, — сообщил Василий. — Под этим видом готовят выступление против Советской власти. Это факт.

— Ну это не новость. А они знают об этом? — спросил Балев, делая ударение на слове «они».

— Те, кого я сегодня... лей да пей, завтра пойдут на свиданьице с «Надеждой». Докеры они, уголь развозят по кораблям, вот и побалакают с твоими земляками, — сказал Василий.

— С Спасом... с Спасом Спасовым надо установить связь, — сказал Балев.

— Что еще за Спас Спасов? — не понял Василий.

— Молодой офицер, — сказал Тигран.

— Точно така! — подтвердил Балев.

— Э-э-э, братцы, вы, я вижу, тоже времени зря не теряете! — засмеялся Василий.

Впереди показались огни фар. Трое друзей на всякий случай начали шататься, притворяясь изрядно подгулявшими моряками.

Закрытый легковой автомобиль медленно проехал мимо «гуляк». Люди, сидевшие в кабине, проводили встречных «моряков» внимательными взглядами. Когда автомобиль скрылся в темноте, Балев предупредил:

— Впереди может быть ловушка. Расходимся в разные стороны. Встречаемся утром перед угольным складом. Как условились. Тигран, ты понял свою задачу? Спас Спасов нам нужен. От него многое зависит. Он

авторитет на корабле. Спас и Ангел должны помочь нам.

— Точно така.

— Лека нощ, — по-болгарски простился Балев и исчез в темноте.

— Ох, похоже, что она будет тяжеловата, эта ночь, а, Тигранка? — пошутил Василий.

— Утро, Вася-джан, покажет, какая она.

* * *

Гринины делали все ради спасения своего мальчика. В Петрограде и Одессе они обращались к разным врачам, и те старались спасти зрение Костика. Но для этого нужен был не просто хороший специалист, а поистине виртуоз своего дела, волшебник. Кто-то им сказал, что в окрестностях Парижа находится приезжий глазной врач, который якобы делает чудеса. Первым прослышал об этом Леопольд. Он написал в Париж приятелю, и вскоре пришло письмо, в котором сообщалось, что такой чародей в самом деле существует.

Гринины отправились морем в Марсель, а оттуда без труда добрались до Парижа. Ныне город был не тот, что в довоенные времена. Война наложила на него, на его жителей свой отпечаток. Гринины бросились на поиски чародея, который должен был спасти их ребенка. Люди, вызвавшиеся проводить к нему, в первую очередь спросили у Леопольда, располагают ли Гринины солидной суммой денег.

Леопольд самонадеянно ответил, что чародей будет иметь дело с известной русской балериной, которая не остановится ни перед какими затратами...

Мужчина демонического вида назвался приезжим профессором. Почему-то облачившись в черный халат, он неотрывно смотрел в глаза маленького Костика, словно гипнотизируя его.

— Глаза серые... глаза серые, — то и дело повторял профессор.

Гринины настороженно наблюдали за этой сценой. «Чародей» принялся в задумчивости расхаживать по кабинету. После долгого молчания он наконец изрек:

— Попробуем... Надо попробовать!

Анна Орестовна осторожно, с тайной надеждой в голосе поинтересовалась:

— Он будет... видеть?

— Попробуем, — повторил мужчина...

Кирилл Васильевич переглянулся с женой, хотел что-то сказать, но не решился. Тогда вмешался Леопольд:

— Господин професор, полагаю, не мешало бы выполнить кое-какие формальности.

— Как вам будет угодно! — резко бросила «знаменитость». — Вас, полагаю, интересует плата?

Анна Орестовна смущенно пробормотала:

— Профессор...

— Без сентиментальностей! — ледяным голосом перебил «чародей». — Предупреждаю, что это будет стоить... недешево... Но ведь вы совершили поездку...

Леопольд переспросил:

— Деловую часть, господин профессор, я предлагаю обсудить со мной.

Леопольд сделал знак глазами, и супруги Гринины вышли из кабинета.

— Клиника, питание, уход и тому подобное — все мое, — без обиняков заявил хозяин.

— Сколько? — деловито спросил Леопольд.

«Чародей» вытянул руку с растопыренными пальцами. Леопольд посмотрел на руку и не поверил своим глазам. На большой костлявой руке торчало шесть пальцев. Придя в себя, Леопольд переспросил:

— Сколько?

«Чародей» продолжал стоять с вытянутой шестипалой рукой.

Леопольд переспросил:

— Сколько? Шестьсот?

Профессор отрицательно мотнул головой.

Леопольд удивленно поднял брови:

— Шесть тысяч?

— Шестьдесят тысяч! — выпалил «чародей».

Леопольд вытер выступивший на лбу холодный пот и уточнил:

— Шестьдесят тысяч? Франков?

— Долларов!

Леопольд, побледнев, бессильно опустился в кресло.

* * *

На рассвете Христо и Василий, как было условлено, встретились во дворе угольного склада у самого входа на пирс, который строго охранялся. Из запыленного окна склада была хорошо видна «Надежда».

Василий высказал предположение:

— Ремонтников на корабль не пустила охрана. Яснее ясного, что не для ремонта здесь торчат.

— Все наши сомнения должен рассеять Спас, — задумчиво произнес Балев. — Вот только приведет его Тигран или нет?

— Тигран тебе хоть самого капитана приведет! — убежденно произнес Василий.

— Интересно, какой он...

— Кто, капитан?

— Да нет! Я о Спасе. Как поведет себя? В девятьсот пятом наши люди вели себя достойно. Мы в Болгарии тогда еще не знали, что такое революция. А теперь... Солдатское восстание под Софией подавили совсем недавно. Такое не проходит бесследно. Нет, брат, «Надежда» не будет стрелять. Не будет! Потому что это и наша революция. После вас поднимемся мы.

— Идут! — воскликнул Василий, показывая на окно.

По пирсу шел Тигран, а за ним на почтительном расстоянии высокий моложавый моряк в офицерской форме.

Балев и Василий делали вид, будто заняты работой на угольном складе. Тигран остался у ворот на страже. Болгарский моряк вошел в помещение, внимательно разглядывая тех, с кем его друг Ангел просил встретиться, предупредив, что один из них был соотечественником. Казалось, Балева невозможно узнать в «гриме». Но болгарский моряк дал понять, что узнал его.

— Выходит, что в военно-воздушных силах его величества царя болгарского кормили лучше? — спросил он, продолжая внимательно разглядывать Балева.

— Борода всегда худит, — улыбнулся Христо и вплотную подошел к моряку. — А офицеры военно-морских сил идут вверх? Вижу еще одну звездочку.

— Стало быть, это мы. Живые и невредимые. Ты — это...

— Не запамятовал?

— Нет. Но не буду называть. Свое имя носишь под этой... робой? Ну а я...

— Ты на виду, старший лейтенант Спас Спасов.

— Это и твоя революция?

— Вопрос поставлен ребром. Моим вопросом все тебе станет ясно, Спас. Ты будешь стрелять в революцию?

— Ты хочешь, чтобы я помешал? Что я должен делать конкретно?

— Кто капитан?

— Собака.

— А если арестовать? Как на «Потемкине».

— Нашу старушку потопят, а нас расстреляют союзники. Если не здесь, то в отчем крае.

— Варна вас встретит красными знаменами, цветами, поцелуями...

— Романтика!

— Романтику делают люди. Сегодня наша с тобой романтика, Спас, встать грудью за революцию братушек.

— Мы как щепки в бурных водах.

— Нет, вы не одиноки, брат мой. Это я тебе говорю от имени двух братских партий. Нашей. И русской. «Надежда» должна восстать. Понимаешь, Спас? Весь мир узнает, что болгарский крейсер на стороне русской революции.

— И как ты это себе представляешь?

— А вот это другое дело. Для этого и встретились. Давай обмозгуем вместе.

Через несколько минут Спасов вышел из угольного склада. Тигран встретил его болгарским словом:

— Добре?

— Много добре, дорогой товарищ.

— Точно така.

— О, слова моего друга-летчика имеют крылья?

Балев и Вася смотрели в окно. Болгарин уверенно сказал:

— Такой ремонт закатим, дорогой Вася, что «Надежда»...

Вдруг послышался грозный окрик:

— Руки вверх!

Василий успел куском угля разбить стекло в окне, чтобы привлечь внимание Тиграна и Спаса. На него навалились несколько человек, повалили на землю... Балев схватился было за револьвер, но его сбили с ног.

Тигран, услышав шум разбитого стекла, спрятался за грудой ящиков и сделал Спасу знак, чтобы тот спешил к «Надежде».

— Обыскать! — приказал старший.

Агенты принялись обыскивать арестованных. В кармане у Балева, который отчаянно сопротивлялся, уда-

лось обнаружить лист бумаги. Старший быстро пробежал ее глазами:

— Все ясно. Интересуетесь «Надеждой»?

Он подал знак, и несколько агентов, выбежав на пирс, бросились за Спасом. Тигран, выскочив из своего укрытия, открыл стрельбу... Двое преследователей упали, скошенные пулями, а остальные кинулись к Тиграну. Вдруг один из них обернулся и стал целиться в Спаса. Болгарину грозила неминуемая гибель. Тигран, выбежав на середину пирса, выстрелил в преследователя и тут же рухнул на землю.

Спас вбежал по трапу на палубу. Его окружили болгарские моряки. На «Надежде» поднялась тревога. Человек пятнадцать матросов с «Надежды» во главе со Спасом подбежали к складу, но натолкнулись на цепь карателей. Из угольного склада вывели арестованных. Руки у обоих были связаны за спиной. Они шли, оглядываясь по сторонам. Балев увидел болгарских моряков и громко крикнул на родном языке:

— Товарищи! Я болгарин. Советская Россия — наш друг!

Старший подбежал к Балеву и рявкнул:

— Замолчать!

И поднял руку для удара, но под взглядом Балева не сделал этого. Балев сказал отчетливо и громко, чтобы все слышали:

— Болгары не будут стрелять в Советскую Россию!

* * *

Пчелинцев и Дина стояли перед зданием Мариинки. Пчелинцев грустно сказал:

— Погиб Тигран, погиб как герой. А Балев и Василий в лапах самого Покровского. Вся надежда на одного человека. Если у него ничего не выйдет, тогда просто не знаю. Трудно, очень трудно рассчитывать на спасение.

— Операция провалилась?

— Как тебе сказать. Сама операция... нет. Экипаж «Надежды» восстал. Болгарские моряки арестованы. Есть среди них и офицеры. Это симптом, скажу я тебе. Да еще какой! А вот наши ребята...

Из театра вышел Павел, крепко обнялся с Пчелинцевым.

— Ну, комиссар оперы и балета, пошли, — сказал Пчелинцев.

— Подождем одного... товарища, — загадочно предложил Павел.

Пчелинцев удивленно взглянул на Дину. Из театра выбежала стайка ребят с сумками в руках, среди них был Тимка. Он бросился к своим взрослым друзьям.

— Будущий солист балета, — представил Павел Тимку. — Узнаешь питерского Гавроша?

— Ого! Я вижу, вы делаете большие дела! — воскликнул Пчелинцев.

* * *

В поле зрения контрразведок англо-французского оккупационного командования оказался болгарский крейсер «Надежда». К этому «интересу» присоединилась служба генерала Покровского. За несколько дней до инцидента в угольном складе Покровский встречался с одним из руководителей французской контрразведки в Севастополе полковником Пьером Леманом, еще не старым, с седой бородкой и коротко постриженными усами, которые делали похожим его на «матерого волка». Француз держался самоуверенно и дерзко, острый, колючий взгляд словно пронизывал собеседника. Обрюзгший, с брюшком, стареющий и порядком уставший Покровский недолюбливал его, но не мог не считаться с этим высоким чином во французской контрразведке, который имел большой вес в оккупированном Севастополе.

— Вы имеете представление, господин полковник, что это за болгарская посудина? — спросил Покровский.

Француз посмотрел в упор на своего собеседника и серьезно ответил, акцентируя на слове «крейсер»:

— Крейсер, болгарский крейсер «Надежда» — модель образца 1887 года, действительно находится несколько в сомнительном техническом состоянии, как находится в сомнительном состоянии и его экипаж.

— Господину полковнику должно быть известно, что болгары видят в нас, русских, своих братьев. Их свобода завоевана той Россией, которая сейчас сражается с большевиками. Россия в их глазах — это одно, большевики — другое.

— Нужно смотреть на положение в России, да и в Болгарии реально, господин генерал. Большевики — это тоже... Россия. — Леман закурил длинную сигарету. — Хотите коньяк? Кстати, вы Ленина читаете?

— Был уверен, что ваш кумир, господин полковник, Бонапарт.

— Давайте оставим шутки до лучших времен. Ленин отнюдь не объект для этого. Как и его мысль о том, что есть две России...

— Сегодня мне пришлось немного выпить, а мне так хочется, господин полковник, внимательно следить за ходом ваших мыслей. Насколько я осведомлен, ваше командование хочет, чтобы «Надежда» открыла огонь по большевикам? Если так, то это не проблема, — самоуверенно произнес Покровский.

— Ну а по нашим сведениям болгарский экипаж настроен отнюдь не в пользу «нашей России» и «нашей Франции»...

Покровский одним махом допил свой коньяк, недовольным тоном произнес:

— Господи! Ну почему вы воображаете, что мы, русские, все должны узнавать от вас... да и то с опозданием. Мои люди докладывают, что тот экипаж будет втянут... в ремонт...

— Прошу извинить, но это тоже день вчерашний, — не отказывал себе в иронии француз. — Как и ваше намерение подослать к болгарам своих людей. Не обижайтесь, мой друг, но с «Надеждой» и у нас и у англичан связаны определенные надежды. Все средства с большевиками хороши. Ну а если болгары стреляют по своим бывшим освободителям, то вообразите политический эффект в мире! И какой шок испытывают большевики, их друзья в самой Болгарии.

— О, вы далеко пошли...

— Дошли до положения «палец на курке». Агитировать или обрабатывать экипаж — дело долгое и небеспроигрышное. План. Короткий, как выстрел. Арестовать экипаж. Бесшумно, разумеется. Крейсер под болгарским флагом открывает огонь. О подвиге болгарского экипажа позаботится официальный представитель французского посольства, в ведении которого щелкоперы.

* * *

В Севастополе ждали официального представителя французского посольства. Вернее, одного из секретарей посольства Шарля Пикара. Приехав из Москвы с большими приключениями, о чем месье Пикар с юмором

рассказывал полковнику Леману, гость не преминул дать понять, что в Париже и в посольстве у него широкие связи, что конфиденциальный характер его пребывания в городе вынуждает его вести себя незаметно, чтобы не бросалось в глаза ни союзникам, ни враждебным силам, которые, конечно же, имеются здесь. Жоржу Бланше пришлось расстаться со своей бородкой, да и много потрудиться, чтобы изменить свою внешность. Его бумаги были в полном порядке. В этом помогла женщина, которую он любил, — Сюзан Легранж. Она была связана с французским посольством и пользовалась там доверием. Приехавший дипломат обещал контрразведчику свою полную поддержку в его нелегкой и ответственной миссии. Это заявление вынудило полковника быть более откровенным в разговорах с дипломатом. Благодаря этому севастопольские товарищи узнали о том, что собираются сделать оккупанты с экипажем восставшей «Надежды», где находятся арестованные Балев и Василий... О восстании на «Надежде» стало широко известно, причем и в самой Болгарии. Задуманная провокация: вместо арестованного экипажа сражение с большевиками ведет группа оккупантов — провалилась. Важным было сообщение Бланше и о судьбе арестованных товарищей. Балев и Василий числились за службой Покровского. Но учинить расправу генерал самостоятельно не мог. На все надо было иметь санкции, согласие командования оккупационных войск союзников. Вот на этом и решила перехитрить белую контрразведку группа севастопольских подпольщиков. По разработанному плану Бланше должен был действовать вместе с двумя помощниками. Но в свою роль французского дипломата он «вошел» в Москве, где Сюзан Легранж, его милая, любимая Сюзан, приготовила ему необходимые бумаги для поездки в оккупированный Севастополь. Один из секретарей посольства действительно командировался в Севастополь для связи с полковником Леманом. Однако миссию дипломата должен был «выполнить» Жорж Бланше. В этом деле Сюзан показала свои недюжинные способности конспиратора, умение находить верные решения в сложнейших ситуациях. По ее предложению командированный дипломат на несколько дней был «задержан» в пути. Зато Жоржу Бланше — двойнику того дипломата — в Севастополе была открыта «зеленая улица».

* * *

В кабинете генерала Покровского на столе лежали фотографии Балева и Василия, заснятые в Севастополе.

— Одно ваше слово, и их не только расстреляют, а четвертуют, — заметил рыжеволосый, огромного роста полковник Сиволап.

— Без промедления надо, без промедления! — вскипел Покровский. — Кто знает, что взбредет на ум этим англо-французам!

Другой офицер вставил:

— Ну за то, что арестованным удалось поднять бунт на болгарском во-ен-ном корабле, французы им головы снимут, как вы изволили выразиться, без промедления. У союзников опыт. Бо-оль-шой опыт. В своих колониях они расправляются огнем и мечом. К тому же французы еще помнят Парижскую коммуну. Думаю, что вот-вот раздастся звонок и...

Тут в самом деле зазвонил телефон. Покровский снял трубку. По мере того как он слушал, его лицо расплывалось в улыбке.

— Ведите его сюда! — радостно крикнул он в трубку. — Жду, жду!

Положив трубку на рычаг, генерал довольным голосом сообщил:

— Господа, в Севастополь пробился капитан Агапов.

— Тот самый, кто называет вас не иначе как «мой генерал»? — спросил рыжий полковник.

— Он самый. Весьма преданный офицер, — самодовольно сказал Покровский.

Опять зазвонил телефон. Покровский снял трубку. Звонили от полковника Лемана. На этот раз, однако, по мере разговора лицо генерала мрачнело. Выслушав сообщение, он сказал в трубку:

— Представитель французского посольства должен, я полагаю, разговаривать с арестованными в нашем присутствии. Что? Не соглашаются? Ну а приговор утвержден? Да? Предупреждаю: будьте осторожны. Посылайте своих людей. Только и мои тоже будут сопровождать. Не доверяю? Нет, дело не в этом. Значит, после встречи с... кем именно? Месье Пикар? Важная птица? Но осмелюсь предупредить, как бы от этой важной птицы не улетели наши птички.

На том конце провода, видимо, положили трубку. Покровский сердито проворчал:

— Тоже мне! Бо-оль-шой опыт. Здесь не колония, а взбунтовавшаяся Россия. Гигант, колосс... А они... цацкаются, представителя французского посольства присылают. Месье Пикар. России нужна геенна огненная! Голгофа!

Покровский задумался. Почему по такому важному делу ему не позвонил сам Леман? Считает ниже своего достоинства? Или ревнивое отношение к тому, что арестованные не его добыча, а русской контрразведки? Но если отбросить все это в сторону, нелишне перепроверить у самого Лемана о представителе французского посольства. И Покровский позвонил своему французскому коллеге. Леман подтвердил сказанное Покровскому и добавил, что месье Пикар высказал предположение, что он где-то встречал арестованного болгарина, и имеет желание окончательно разоблачить его как коммуниста-заговорщика.

После этого разговора Покровский немножко успокоился. Повернувшись к полковнику Сиволапу, он сказал:

— Под вашу личную ответственность, полковник... Предупреждаю, господин полковник, вы отвечаете головой. У меня в этом отношении тоже есть небольшой опыт. Берегите голову, полковник, она еще будет нужна... России.

Полковник Сиволап козырнул и стремительно вышел из кабинета. Вскоре он был в мрачном особняке, который временно был превращен в место заключения тех, кто оказывался в лапах Покровского.

В подвальном помещении сейчас находились двое арестованных — Христо Балев и Василий Захаров. Как и всех прежних обитателей темных камер в этом подвале, двух друзей ждала неминуемая смерть.

* * *

В уютном будуаре сидели двое. Молодая красивая женщина, озаренная таинственным светом зеленой лампы, томно пела: «Утро туманное, утро седое...»

В дверь постучались. Певица вопросительно посмотрела на мужчину, сидевшего спиной к дверям. Тот кивнул.

— Войдите! — крикнула женщина, оборвав пение.

Вошел офицер, доложил:

— Вас ждут, месье Пикар!

Француз поднялся с софы, навел лорнет на симпатичного русского офицера, потом с самой обворожительной улыбкой извинился перед певицей:

— Пардон, мадемуазель! Я вынужден ненадолго вас покинуть. Что поделаешь?! Дела. В этом беспокойном мире, к сожалению, слишком много дел.

Расшаркавшись перед певицей, он поспешно удалился вместе с офицером.

В мрачном особняке, куда месье Пикар и русский офицер прибыли, их ждал полковник Сиволап. Все трое по узкой лестнице спустились в подземелье. На площадке перед большой решетчатой дверью стоял вооруженный часовой. Полковник всем своим видом старался выражать почтительность к представителю французского посольства, в глубине же души он не доверял этому чужеземцу.

Месье Пикар-Бланше, строящий из себя высокопоставленного чиновника, дружески-покровительственно обращался к полковнику: показал ему внушительного вида мандат — удостоверение личности. Спутник дипломата представился переводчиком, которого рекомендовали французу какие-то влиятельные русские генералы.

Оказавшись в камере, где сидели Христо и Василий, французский гость внимательно с головы до ног осмотрел арестованных, потом не спеша извлек из внутреннего кармана фотографию и долго изучал ее, то и дело переводя взгляд на Балева. Коверкая русские слова, часто сбиваясь на французский язык, он с усмешкой заговорил:

— Вот мы и встретились, месье. Не правда ли, неожиданная и весьма... приятная встреча? Сколько лет и зим, месье Балев? Вы, конечно, выдумали для моих русских коллег другую фамилию, но я не коллекционер псевдонимов. И никакой вы не актер и не поэт, месье Балев, а просто бунтовщик. Вы родились коммунистом, коммунистом и окончите свой жизненный путь. Он мог бы кончиться раньше, еще в Париже. Надеюсь, вы не забыли Париж? И свои нашумевшие истории? — Он потряс в воздухе фотокарточкой: — Болгарский студент. Недоучившийся лекарь. По счастливой случайности избежал петли. Избежал. Но теперь не избежит. Веревка давно плачет по такому возмутителю спокойствия... Наконец-то свершится возмездие. Да, месье Балев, не надейтесь, что вас расстреляют. Нет, это было

бы слишком банально. Мы вам приготовили сюрприз. Уж я об этом позабочусь. Будьте уверены.

Тоном приказа он обратился к полковнику:

— Пусть посидят здесь до моей встречи с опытнейшим разведчиком генералом Покровским.

Полковник Сиволап был польщен. Такая высокая похвала генералу имела прямое отношение к его ближайшему помощнику. Полковник подобострастно отдал честь французскому гостю, который, в свою очередь, предложил отметить знакомство бокалом шампанского в обществе очаровательной певицы.

Сиволапу надлежало поехать к своему шефу и доложить о результате встречи с представителем французского посольства. Но месье Пикар был так настойчив и любезен, что большой любитель шампанского и цыганских романсов согласился с полчасика, как он сказал, встряхнуться и вспомнить волшебные дни пребывания в Париже. В будуаре певицы — временно снятой меблированной комнате гостиницы — пенилось в бокалах игристое заморское вино. Когда вошла певица с гитарой в руках, француз подлетел к ней, поцеловал ручку, преподнес бокал с шампанским.

Певица, явно стараясь подражать французским салонным дамам, говорила в нос:

— Милые гости, господа, я посвящаю эту песню нашему высокоуважаемому месье Пикару. За успех дела месье Пикара, нашего общего дела, господа!

Певица лихо, как подобает женщине с южным темпераментом, осушила бокал. Тронув пальцами струны, она запела: «Утро туманное, утро седое...»

Француз исподлобья взглянул на молодого русского офицера, сопровождавшего его в особняк. Тот сразу же вышел.

Оглядевшись, он подошел к окну и зажег три больших свечи в массивном канделябре. Потом погасил электрический свет и исчез, словно растворился в темноте, как человек-невидимка.

Несколько мужчин и одна женщина давно наблюдали за этим окном с лодки, причалившей к скалистому берегу. Женщина в лодке сказала на ломаном русском языке:

— Камарады, ви ни слова... Говорит буду я. Мое имя Сюзан Легранж. Ви мои спутники. Мы идем к месье Пикар...

— Все ясно, товарищ Сюзан, — хрипло произнес

один из мужчин, видимо, старший в группе, и скомандовал: — Пора!

С полдюжины людей в военной форме французских оккупантов высадились на берег и, соблюдая осторожность, стали пробираться к тому зданию.

* * *

От Пикара не ускользнуло, что полковник Сиволап время от времени беспокойным взглядом посматривал на дверь. Он подсел к полковнику и тихо спросил по-французски:

— Мой дорогой полковник, куда девался этот молоденький офицер?

— Он и вам показался подозрительным, господин Пикар? — насторожился полковник.

— Я просто не привык, чтобы младшие по возрасту и чину внезапно покидали общество, право, находиться в котором для них высокая честь. Меня это, мягко выражаясь, удивляет. А вас, месье Сиволап?

— С вашего позволения, месье Пикар, я должен немедленно проверить.

— Да, да, мой друг, в столь тревожное и опасное время приходится быть предельно осторожным. Этого офицера прикомандировали ко мне в ставке самого барона Врангеля. Но красные, большевики, говорят, имеют своих людей всюду. Не мешает проверить, месье полковник. Только делайте это тихо, не привлекая внимания. Жду вас, мой друг. И еще вас ждет самый лучший романс. Как это? Ямщик и его лошади... он гонит, гонит лошадей, а она просит... этого самого, как его...

— Ямщик, не гони лошадей, — уточнил полковник.

— Вот-вот, мой друг. Не гони. Жалко лошадей. Доброе русское сердце. Я очень люблю русских, месье полковник. Только не всех. Если молодой офицер окажется шпионом, я сам его... пиф-паф.

— Одну минутку-с! Пардон! — произнес крайне обеспокоенный полковник и быстро вышел в соседнюю комнату.

Заметив на подоконнике зажженные свечи, полковник заподозрил неладное. Включив свет, он резко обернулся и увидел в нескольких шагах молодого офицера, которого искал. Тот стоял с наведенным револьвером. Сиволап схватился было за свою кобуру, но офицер спокойно приказал:

— Руки! Руки вверх!

Полковник вынужден был подчиниться. Офицер спокойно продолжал:

— Предупреждаю, я не один. Здесь мои люди. Сейчас мы разрешим вам опустить руки. Так будет удобнее, господин полковник. Советую вам быть благоразумным. Одно неосторожное движение, и вы навсегда теряете шанс стать генералом. Слушайте внимательно, господин полковник. Мы вместе отправимся в один хорошо известный вам особняк и спустимся в подвал. Вы будете идти впереди. Назовете пароль. Надеюсь, вы догадались, о чем идет речь?

— И это говорит офицер? — со злостью спросил полковник, побагровев как рак.

— Я такой же офицер, как вы папа римский. Вас, конечно, не устраивает, господин Сиволап, что перед вами стоит самый настоящий большевик?

— Меня устроит, когда вы будете болтаться на веревке! — в гневе крикнул полковник и опять схватился за кобуру.

Но вытащить оружие полковнику Сиволапу не удалось. Кто-то сильно ударил его по руке, затем трое вооруженных людей быстро обезоружили... Офицер сделал знак Сиволапу идти впереди, строго предупредив:

— Повторяю: малейшее неверное движение, и вы прощаетесь с жизнью. Вперед!

Из гостиной долетал голос певицы:

— Ямщик, не гони лошадей...

А тем временем вооруженные люди с лодки, осторожно подкравшись к гостинице, прислушивались, что делается внутри. По сигналу старшего они исчезли в темноте, как ночные призраки.

* * *

Первая часть операции, в которой участвовал Семен Кучеренко и Маша Нежданова, была выполнена. Теперь надо было, имея в своих руках «живой пароль» в лице полковника Сиволапа, освободить арестованных товарищей.

Полковник Сиволап спускался в подземелье по темной лестнице. За ним следовали Кучеренко со своими помощниками.

— Кто идет? — окликнул их часовой.

— Свои, — немного помешкав, отозвался полковник.

— Пароль! — сказал часовой.

— Ласточкино гнездо. — Голос полковника прозвучал глухо, неуверенно.

Часовой недоумевающе смотрел на полковника, делавшего ему какие-то непонятные знаки... Полковник, видя, что тот не понимает, что от него хотят, вырвал у часового винтовку и прикладом разбил лампочку, струившую тусклый свет. Кто-то вскрикнул, послышался топот ног, возня. После ожесточенной короткой схватки в кромешной темноте раздался голос Кучеренко:

— Не слушаетесь, господин полковник, не слушаетесь. Вот и досталось вам.

Когда зажгли фонарь «летучая мышь», Кучеренко не смог удержать улыбку: Сиволап лежал на полу, а часовой сидел на нем верхом, крепко вцепившись руками в его горло.

— Вот до чего довело ваше гримасничанье! — ворчал Кучеренко.

— А вы... вы кто такие? — спросил обескураженный часовой.

— Мы друзья господина полковника, — усмехнулся Кучеренко, — и просим побыстрее открыть дверь. Ну живо! — уже строго сказал он.

Проникнув в камеру, Кучеренко поторопил арестованных:

— Быстрее, товарищи!

Балев поинтересовался:

— А как там пиф-паф?

— Пьет с певицей шампанское за ваше здоровье.

Полковник Сиволап готов был рвать на себе волосы с досады.

— Этот... француз тоже... ваш?

— Нас больше, чем вы предполагаете, господин полковник, — ответил Кучеренко.

После этих слов полковник совсем сник.

— Убивать будете? — прохрипел он.

— Нет, зачем же... лишний шум. Просто перемена... декораций, — ответил Кучеренко.

Полковника и часового водворили в камеру. Дверь захлопнулась, щелкнул замок. На прощание Кучеренко сказал:

— Скоро сам генерал Покровский пожалует к вам на свидание. Вот с ним и объясняйтесь. Как с вами поступить — его дело. Кстати, горячий привет опытней-

шему контрразведчику. А пока советую сидеть смирно, ласточкино гнездо. И выбрали же пароль! Ласточкино гнездо. Романтики-комедианты.

* * *

Бланше и Маша Нежданова встретили Кучеренко у выхода из особняка, и вся группа торопливо спустилась к лодке, укрытой в скалах.

Жорж Бланше и Сюзан Легранж отошли в сторонку. Бланше, нежно обняв Сюзан, сказал по-французски:

— Как мне хочется взять тебя в Париж!

— Сейчас я нужна здесь, — стараясь держаться спокойно, промолвила Сюзан.

— Если бы все так понимали значение русской революции...

— Рано или поздно... поймут. А пока надо агитировать французских солдат и моряков.

— Будь осторожна, Сюзан.

— Слушаюсь, месье Пикар, — улыбнулась девушка.

* * *

Капитан Агапов вошел в кабинет генерала Покровского.

— Разрешите, ваше превосходительство? — спросил он, зная, что его появлению здесь будут рады.

— А-а, сам красный командир пожаловал, — с нарочитой строгостью произнес Покровский. — Ну-с, не обожгло красное солнце?

Покровский протянул гостю руку, по привычке взглянул ему в лицо цепким взглядом. Один из тех, кому генерал Покровский особенно доверял, побывал у красных, служил в армии, сколоченной большевиками. А теперь вот бежал оттуда и прибыл к нему. Агапов прекрасно знает, что с Покровским шутки плохи. Никому еще не удалось перехитрить его. Нет, Агапов не станет играть в кошки-мышки с Покровским. Капитан не боится риска: либо пан, либо пропал. Он признает только открытый бой, честный поединок. Покровскому все это прекрасно известно. И все же... И все же надо быть осторожным. Не показывать вида, что существует подозрение, чтобы не отпугнуть. Надо постараться приблизить к себе этого толкового, честного русско-

го офицера. Генерал заговорил, делая вид, что выкладывает на стол свои карты:

— Об эмоциях и воспоминаниях потом, Александр Кузьмич. Для нашей контрразведки вы, как сами изволите понимать... меченая карта. Вот так-то-с, дорогой капитан. Что делать? Закон наших джунглей. Побывал под лучами красного солнца, в наши джунгли уже нини. Но вас, мой друг, высоко ценит наш высокочтимый и обожаемый барон Врангель. Он вас принял, поотечески обласкал и простил. Что ж, нам негоже перечить начальству. В боях с красными вы, надеюсь, оправдаете доверие... России. Да, именно России, господин капитан, ибо здесь, в Крыму, решается судьба России. Быть ей или не быть. Разумеется, я имею в виду нашу Россию, а не большевистскую. Прошу извинить за такой... демарш, как вы понимаете, я вам выкладываю все начистоту, по-дружески... Мы с вами люди военные, не привыкли к реверансам, нам ошибаться не положено.

Покровский, бросив на стол две фотокарточки, продолжал:

— Вот каких птичек приходится вылавливать, ставить к стенке. Из самого Питера прилетели. Случайно не встречались с ними... там, Александр Кузьмич?

Агапов взглянул на фотографии Балева и Василия.

— Встречался. Этот болгарин... у вас?

— В клетке, — самодовольно ответил Покровский.

— Что их ждет?

— К сожалению, здесь не мы определяем меру наказания. Но красные лазутчики отправятся на тот свет, это ясно, как божий день. Ими интересуются оккупационные власти. Даже важные заморские птицы.

Покровский бросил на стол снимок французского гостя. Агапов смотрел на фотографию, мучительно вспоминая, где он видел это лицо или похожее на это... Вспомнился день, когда питерские анархисты совершили провокационное нападение на «жрецов Мельпомены». Тогда похожий на этого француза иностранец, вернее тоже француз, был с большевиками. Как же, как же! Помнится, он то и дело твердил «пиф-паф», «пиф-паф». Вспомнив это, Агапов невольно произнес вслух:

— Пиф-паф.

Покровский удивленно поднял брови.

— Да, если это пиф-паф, то знаю его, — сказал Агапов.

— Встречали? — Покровский насторожился.

— В Петрограде. Тоже схватили?

— Его... француза? — Покровский, заподозрив неладное, привстал. — Кто он такой?

— Если вы схватили того, кого я встречал, то правильно сделали, — не понимая, в чем дело, сказал Агапов.

— Кто он? — взревел Покровский.

— Должно быть, коммунист. Он друг этих...

И Агапов ткнул пальцем в фотографии Балева и Василия.

Покровский дрожащими руками пытался снять телефонную трубку.

— Где он? — спросил Агапов.

Генерал наконец-то поднес телефонную трубку к уху.

— Срочно в особняк! — задыхаясь, приказал он. — Взять всех... Этого француза, офицера, всех, всех живыми или мертвыми!

Трубка упала на пол. Агапов налил в стакан воды, подал Покровскому.

— Что случилось? Где этот француз? — опять поинтересовался он.

— Он беседует с этими, — с трудом выговорил Покровский, показывая глазами на фотографии арестованных.

Генерал как ужаленный вскочил с места, смахнул фотографии со стола и крикнул:

— Нет, они от меня не уйдут! Своими руками расстреляю, как собак...

* * *

Подручные Покровского стремглав спустились в подвал, где находились арестованные. В камере смертников они обнаружили не агентов разведки красных, а полковника Сиволапа и часового. Это произвело ошеломляющее впечатление. В камере за закрытой на тяжелый замок железной дверью сидел не кто иной, как полковник белой контрразведки — правая рука самого генерала Покровского, — бледный, взлохмаченный, с безумными глазами. Из темного угла зверем смотрел низколобый часовой — безоружный, непонятно как очутившийся здесь. Сколько продолжалась бы эта немая сцена в камере смертников, никто из присутствую-

щих не мог сказать, если бы не появление генерала Покровского, который ворвался в камеру и, уставившись на полковника Сиволапа, рявкнул:

— Где?

Полковник Сиволап беспомощно пожал плечами. Генерал, скорый на расправу, вне себя от ярости выхватил пистолет и всадил обойму в своего бывшего помощника. Не пощадил он и забившегося в угол часового.

Увели из-под носа! Перехитрили! В этом генерал Покровский не сомневался. Но генерал Покровский не из тех, кто вроде этого несчастного Сиволапа теряет самообладание, мирится с поражением, с проигрышем... Самолично расстреляв тех, кто выпустил из клетки арестованных, Покровский нагнал страху на всех, кто был очевидцем этой жестокой расправы. Быстро овладев собой, он стал отдавать приказы, его жесткий голос не обещал подчиненным ничего хорошего.

— Капитан Сербовский, перекройте все дороги! Подполковник Батев, немедленно прочесать рыбацкий поселок! Капитан Дзодзоев, организуйте морскую погоню! Подполковник Полищук, чтобы через час, слышите, через час вся шайка красных находилась в этой самой камере, где лежит ваш друг... бывший полковник. Даю ровно час. Пеняйте на себя, подполковник Полищук. Вас может постигнуть участь вашего приятеля. Все ясно?

— Так точно, ваше превосходительство! — дрогнувшим голосом ответил тот.

— Исполняйте! — приказал генерал.

Вскоре Покровский не вошел, а вбежал в кабинет своего французского коллеги. Полковник был занят разговором по телефону. Из обрывков фраз Покровский сделал вывод, что Леман очень чем-то встревожен. Закончив разговор, француз внимательно, но каким-то опустошенным взглядом посмотрел на своего гостя.

— Вы хотите сказать, господин генерал, что нас... меня и вас провели, как щенят? — спросил Леман.

— Прежде всего вас, господин полковник, а я как ваш союзник...

— Да, мне только что сообщили, что командированный французский дипломат, не двойник, а подлинный, вернулся в посольство, обо всем рассказал, и господин посол требует немедленного ареста лже-Пикара.

— Ну для такого опытного контрразведчика, как вы, господин полковник, это будет не так уж трудно! — съязвил Покровский. — Тем более что ваш покорный слуга уже сделал соответствующие распоряжения.

Полковник расспросил о распоряжениях своего коллеги, потом стал звонить по телефону, разогнал по городу подчиненных...

— Если не в России, то во Франции я доберусь до этого... коммуниста, — пригрозил полковник.

По дороге в свой особняк Покровский тешил себя мыслью, что беглецов еще можно было схватить.

* * *

Балев, Бланше и еще двое в форме французских моряков поспешно сели в лодку. Они прощались с остающимися в Севастополе товарищами, с «певицей» — милой и храброй Машей.

Балев сказал на прощание Василию:

— Скажи товарищам в Москве, передай, пожалуйста, что болгарская «Надежда» не будет стрелять в русскую революцию!

— Точно така! — ответил его друг. — А ты, Христо, если встретишь где землячку, мою... балерину...

— Скажу, что земляки ждут ее в России, — пообещал Балев.

— Правильно! В Советской России.

Лодка отчалила. Вскоре ночную тишину нарушили долгие тревожные гудки. Лучи прожекторов с кораблей, с береговых укреплений шарили по бухте. Было ясно, что побег обнаружен и что будет погоня. Василий Захаров и его друзья поспешили скрыться, их поглотила ночная темнота.

Казалось, весь город поднят на ноги. Неистово ревели сирены, гремели выстрелы, тут и там раздавались громкие крики...

Лодке с трудом удалось прорваться сквозь заслон прожекторов. Она причалила к борту санитарного судна, над которым реяли два флага — французский и Красного Креста. Капитан судна ждал, как было условлено с месье Пикаром, лодку. Матросы спустили на воду веревочную лестницу, по которой Бланше, Балев и один из моряков поднялись на палубу. Оставшийся в лодке моряк сделал в ней пробоину, и суденышко, быстро наполнившись водой, стало идти ко дну... С но-

выми четырьмя пассажирами, которых срочно забинтовали и надели на них больничные халаты, санитарное судно продолжало свой путь.

— Вот теперь можно сказать, что операция выполнена, — сказал Бланше.

— Точно така! — согласился Балев. — Все понимаю, а вот как с этим санитарным судном...

Жорж лукаво улыбнулся, не торопясь с ответом.

— Тоже Сюзан? — не утерпел от вопроса Балев.

— И она тоже. Как участница операции. А сама операция, месье Христо де Балев, ты знаешь, где готовилась? Молодые, еще малоопытные товарищи в одном московском здании, где мы с тобой встречались, а матерых врагов наших перехитрили так, что благородный человек от такого поражения пустил бы пулю себе в лоб.

* * *

В Севастопольском порту все сбились с ног. Французские солдаты и агенты генерала Покровского врывались в дома, задерживали прохожих... Результаты погони были неутешительные для Покровского. Был отдан приказ проверять все суда.

К судну, приютившему группу Бланше, подошел сторожевой катер. Старший просигналил ручным фонарем приказ остановиться. Вахтенный с палубы спросил по-французски:

— Что надо?

— Чье судно? Куда следует? — крикнули с катера.

— Вы что, ослепли? Не видите, санитарное судно!

— Приказ останавливать все суда.

Луч прожектора с катера высветил французский флаг, а пониже полотнище с красным крестом.

— Санитарное судно! — прокричал в рупор вахтенный. — Будете болтаться у носа, пошлем на завтрак акулам. Раненых героев приказано не тревожить. Среди раненых есть и заразные... Тиф! Идем в Марсель.

На палубу вышел человек в белом халате, приветливо махнул рукой. Судно продолжало идти своим курсом. Человек в белом халате вошел в каюту, где лежал раненый с перевязанной головой. На немой вопрос раненого медик ответил:

— Они прекрасно поняли, что мы можем сделать пиф-паф.

— Точно така! — сказал «раненый» и озорно улыбнулся.

Бланше медленно снял бороду, очки и спросил:

— Настанет такое время, камарад Христо де Балев, когда никто никогда не будет делать пиф-паф?

— Будет, Жорж, непременно будет.

— А твоя революция, Христо де Балев, пока не удалась.

— Да, верно. Но все-таки это был первый бунт, первое восстание после русской революции... Недаром Ленин оценил ее так высоко, назвал эхом Октября, продолжением русской революции.

Балев покопался в своей сумке, потом протянул Бланше лист бумаги:

— Читай.

Француз принялся читать по складам, коверкая слова:

— «Наша революция оказалась явлением мировым. О том, что большевизм есть теперь явление мировое, говорит и вся буржуазия, и от этого признания становится очевидным, что наша революция поползла с Востока на Запад и встречает там все более подготовленную почву. Вы знаете, что вспыхнула революция в Болгарии».

Бланше взглянул на Балева:

— Ленин? Его слова?

Балев кивнул.

* * *

А в Севастополе по-прежнему было тревожно.

Василий Захаров и Маша Нежданова, соблюдая осторожность, пробрались к небольшому дому на окраине города. Маша, как было условлено, три раза стукнула в окно.

В доме скрывалось несколько человек подпольщиков. Они очень обрадовались пришедшим, однако чувствовалось, что люди эти чем-то встревожены...

— Что случилось? — спросила Маша.

Пожилой мужчина в очках — один из руководителей местного большевистского подполья, Григоровский, — сказал:

— Ранена женщина... француженка. Агитировала французских моряков не идти против нас.

— Сюзан! — догадалась Маша.

* * *

Иван Пчелинцев стоял перед зданием медицинского факультета, наблюдая, как ловко, сноровисто пожилая женщина приклеивала на доски свежие номера газет. Пчелинцев подошел и стал читать... Под крупными заголовками «Пролетарская солидарность болгарских моряков», «Что произошло на болгарском крейсере «Надежда?» были опубликованы сообщения о событиях в оккупированном Севастополе.

Пчелинцев читал, и лицо его было печально, глаза смотрели сурово. Дина подошла незаметно и, став сзади, тоже принялась читать газету.

— Поздравляю, товарищ Пчелинцев. Болгарская «Надежда» оправдала наши надежды, — сказала она.

— Как говорит наш друг Христо, точно така. Оправдала. Но корабль теперь под арестом.

— А что с нашими товарищами?

— Операция по их спасению удалась. Правда, не обошлось без жертв. Погибла чудесная женщина, ты ее не знаешь, она севастопольская, вернее, из Одессы... Мария Нежданова, однофамилица известной московской певицы и сама способная певица... Из рабочей семьи. Отец — старый большевик. Работала с нашими в Севастополе... Хорошо работала. Красивая, находчивая, смелая. Ей бы только жить и жить, доставлять радость людям своим пением. Она ночью, спасая французскую коммунистку, погибла. И знаешь кого? Невесту Жоржа Бланше, Сюзан. Я все думаю, Дина, оценят ли потомки, — он показал на детвору, лепившую снежную бабу, — все величие поступка таких, как Маша Нежданова? Ведь наряду с видными деятелями в революции принимали участие тысячи рядовых соратников — скромных, беспредельно преданных партии, народу, верящих в победу народного дела. Многие из них погибли.

— Потомки будут помнить и чтить революцию, — ответила Дина, которую до глубины души взволновал рассказ Пчелинцева. — А революцию делали такие, как Маша, как ее севастопольские друзья, как наши питерские...

— Не забудь одного скромного москвича, — улыбаясь одними глазами, сказал Пчелинцев.

— Какой ты москвич? Ты тоже наш, питерский, — в тон ему ответила Дина.

— Не скажи, у меня в Москве прямо хоромы — отдельная комната. Дина, поехали в Москву, а?

— Не соблазняй, Ваня. В Питере у меня множество дел. Надо кончать учебу. Раз. Тимка тоже на моей совести. Два. Ну а третье — и самое главное — со дня на день жду возвращения своих.

— Бланше и Балев в Париже свяжутся с ними.

— Это будет очень кстати. Но они, к сожалению, не исцелители.

— А тот исцелитель, значит...

— Да, оказался просто-напросто шарлатаном. Неизвестно еще, что было бы с Костиком, попади он в его грязные руки. А Леопольд уже хотел было заплатить этому авантюристу большой гонорар. Кошмар какой-то! А каково все это Аннушке? Я вот думаю, думаю: как им помочь?

* * *

Средства на существование у Грининых иссякали. Анна Орестовна решилась на то, чего она не могла себе представить еще совсем недавно, по приезде в Париж. Она подписала контракт.

В парижскую квартиру Грининых пожаловал гость — импресарио Фажон. Он вел разговор с Анной Орестовной, но то и дело обращался к ее мужу и Леопольду, ища у них поддержки.

— В нашем контракте, мадам, — вкрадчиво говорил француз, — весьма желательно оговорить еще одно условие.

Гринина с недоумением смотрела на улыбающегося импресарио, не понимая, к чему тот клонит.

— Мадам, после спектаклей в нашем театре, — объяснил гость, — мы предлагаем, разумеется, на очень выгодных условиях, учитывая известные материальные затруднения вашей семьи, турне в Лондон, Мадрид...

Анна Орестовна резко поднялась, еле сдерживая себя, спросила:

— Месье, не кажется ли вам, что вы несколько своеобразно пытаетесь использовать наше затруднительное положение, связанное с вынужденным пребыванием здесь?

— О мадам, какие слова, какие несправедливые слова! Мадам, моей стране, всему миру нужно большое

искусство. Ваше искусство, мадам. А за это мы готовы платить деньги, много денег, мадам. Так было и так будет. Вы заслужили право иметь много денег.

Леопольд поспешил вмешаться:

— Много денег, которые нам так нужны. Чтобы вылечить ребенка. Их надо раздобыть любой ценой, пожалуй, если бы даже... пришлось их украсть.

Кирилл Васильевич, пытаясь разрядить напряженную обстановку, мягко заметил:

— Да, да, врач, конечно же, запросил слишком много. Но нельзя сваливать все заботы на хрупкие плечи моей жены. Это несправедливо. Месье, нельзя ли исключить условие о других гастролях? Мадам Гринина должна быть здесь... при сыне. Я попытаюсь... кое-что сделать. Меня здесь знают... издатели, пресса. Я попытаюсь... издать стихи...

Леопольд жестко перебил:

— Не понимаю, к чему это ломанье! Что нам предлагают? Поездку к дикарям?

Анна Орестовна бросила:

— Вам лично, кажется, никто ничего не предлагает.

Леопольд возмутился:

— А с этим шестипалым эскулапом вести переговоры, будь он проклят, кому приходится? Разве не мне?

— Я никуда не поеду! — решительно заявила Гринина. — Ни в Лондон, ни в Мадрид. Я не оставлю сына. Наконец, я приехала сюда не ради гастролей.

В дверь постучались. Вошла камеристка и, обращаясь к Грининой, сказала:

— Мадам, вас желает видеть одна дама. Говорит, нужно срочно. Сестра милосердия. Что ей сказать, мадам?

Анна Орестовна, извинившись перед месье Фажоном, поспешно вышла из комнаты. В передней ее ждала пожилая женщина с добрым лицом. Она бросилась к Грининой и, волнуясь, заговорила:

— Мадам, извините, но я к вам по интересующему вас делу. Я знаю вас... видела на сцене, правда, давно... до войны. Рассчитываю, мадам, на вашу... Одним словом, я очень симпатизирую вам, мадам, поверьте, и доверяю. Я работаю в клинике. Догадываетесь, в какой? Скажу одно, мадам, не верьте заезжему профессору, мадам. Он не исцелитель. Он... он шарлатан.

Женщина поднесла к глазам платок. Анна Орестовна взяла ее за локоть, усадила на стул. Та, немного успокоившись, продолжала:

— Я сама мать. Отдала бы за спасение своего ребенка все... свою жизнь, кровь... каплю по капле, как и вы, мадам. Я вижу. Поэтому очень понимаю вас, мадам. Я видела вашего прелестного сына. Но шарлатан его не спасет. Выкачает деньги. Так уже было с другими. Не доверяйте ему, мадам. Извините, если что-то не так... Но это мой долг. И выражение глубокой симпатии вам.

* * *

Санитарное судно с двумя флагами приближалось к болгарскому порту Варна. Жорж Бланше — опять с бородой и в очках — вместе с «раненым» в голову Христо Балевым стояли на палубе.

— Мой дед, — рассказывал Балев, — был в дружине, в боевом отряде нашего большого поэта-революционера Христо Ботева. Слыхал о нашем Ботеве? — И, не дождавшись ответа, продолжал: — Борода у Ботева была вроде твоей, только настоящая. Орлиный взгляд. О, какой это был человек! Пламенный, беззаветно храбрый. Когда Христо Ботев высадился на дунайском берегу, то первым делом поцеловал родную землю... Знаешь, Жорж, мне хочется сейчас сделать то же самое.

— Если ваши полицейские и сыщики превратились в Красных Шапочек и их бабушек, то можешь поцеловать, — ответил Бланше, разглядывая в бинокль приближающийся порт. — Оркестра, радостных улыбок, цветов что-то не видно. А вот карабины в руках солдат я вижу отчетливо. Много солдат. Много карабинов. Сразу видно, что прибываем в государство, где проявляют большую заботу о безопасности человека! Теперь, дорогой Христо, в твоей Болгарии так напуганы революцией, что вооруженных солдат, мне кажется, на пристани гораздо больше, чем прелестных дам. О, солдаты даже на борту военного корабля! А где же моряки?

Христо поспешно взял из рук Бланше большой бинокль и принялся внимательно рассматривать стоящий в гавани военный корабль.

— Английский корабль. Сильно охраняется.

— Что? — не понял Бланше.

Балев беспокойно зашагал по палубе, то и дело поглядывая на приближающийся берег.

Было видно: с английского корабля, стоявшего у причала, сводили по трапу под сильной охраной арестованных болгарских моряков.

Балев в бессильной ярости бросился к вахтенному французскому матросу и попытался вырвать у него винтовку. Бланше с трудом удалось втолкнуть своего друга в каюту и запереть дверь на ключ.

Моряк в капитанской форме сообщил Жоржу Бланше:

— Заходить в порт не будем. Там чрезвычайная обстановка. Причалим в Бургасе. Ваш друг, месье, сойдет в Бургасе?

Бланше после недолгого раздумья покачал головой:

— Нет, он передумал... решил ехать в Марсель.

* * *

На нижних пролетах Эйфелевой башни была вывешена гигантская карта — панорама России. Ее прикрепили к железным балкам знаменитой башни люди с красными бантами на синих блузах. Многотысячная толпа смотрела на карту, где было изображено огненное кольцо интервенции, которое должно было сомкнуться вокруг пролетарской России. Над толпой колыхались плакаты с гневными лозунгами: «Руки прочь от России!», «Долой интервенцию против России!»

Жорж Бланше не шел, а бежал к Эйфелевой башне. Ему как очевидцу русской революции было поручено выступить на митинге. Поднявшись на возвышение, он заговорил страстно и горячо:

— Совесть Франции гневно и решительно протестует. Русскую революцию приветствуют и поддерживают все лучшие люди Франции, весь пролетариат и его авангард — потомки парижских коммунаров — коммунисты-интернационалисты. Позор тем русским эмигрантам, которые здесь, на нашей земле, земле парижских коммунаров, призывают Францию расправиться с властью рабочих и крестьян, с революцией в России!

В толпе находились и братья Гринины. Кирилл Васильевич почувствовал себя неловко, когда оратор, недавно возвратившийся из России, столь нелестно отозвался об эмигрантах, которые, по его словам, желали новой России, своей родине, самого худшего. Он пожа-

лел, что предложил Леопольду подойти к башне и посмотреть, что там делается. С лица Леопольда не сходила ироническая усмешка. Он сразу узнал оратора. Старшего брата поразили его слова:

— Этот французик тоже из компании питерских большевиков. Я видел его в тот день, когда ранили Костика... Ишь ты! С пеной у рта защищает красную Россию. Чего доброго, ему и здесь захочется устроить революцию. Тогда, дорогой братец, придется махнуть в Сахару. Или петлю на шею...

Жорж Бланше продолжал говорить:

— Да, революционной России сейчас трудно, очень трудно. Посмотрите на эту карту. Она не может не будить тревоги. Эти смертоносные стрелы из Америки и Англии, Германии и Японии, из нашей благословенной отчизны направлены на великую страну только потому, что ее народ решил зажить новой жизнью, по закону справедливости, честно распределять блага и плоды своего труда. Нам, потомкам парижских коммунаров, это близко, дорого, понятно. Наша коммуна просуществовала семьдесят два дня. Русская революция — революция, вдохновленная Лениным, этим скромным человеком, гигантом мысли, которого хорошо знают граждане с улицы Мари-Роз и многие парижане, держится уже два года. Несмотря ни на что, она живет, сражается, крепнет. Мы, французские пролетарии, французские коммунисты, желаем нашим русским братьям новых завоеваний, новых успехов и решительно требуем вывода с территории России оккупационных французских войск, а также войск всех интервентов! Пусть народ России и его правительство сами решают свою судьбу, сами определяют, как им строить жизнь. Мы с вами, русские братья!

Огромная толпа ответила тысячеголосым «ура!». Мужчины, женщины, дети принялись громко скандировать лозунги солидарности и протеста.

Леопольд с трудом пробивал дорогу в толпе, Кирилл Васильевич следовал за ним.

— Пойдем-ка, брат, в «Медведь», — натянуто улыбаясь, предложил Леопольд. — Что-то уж больно не по себе среди этих орущих пролетариев

У самого входа в знаменитый русский ресторан «Медведь» старший брат замешкался.

— Нет уж, я, пожалуй, пойду домой, — сказал он и, втянув голову в плечи, быстро удалился.

* * *

Такая же карта, наглядно свидетельствовавшая об огромной опасности, нависшей над Советской Россией, висела на стене кабинета Ивана Пчелинцева. Огненные стрелы со всех сторон впивались в тело революционной России. Две самых больших стрелы рассекали территорию республики с запада и юга.

Перед картой стояли Василий Захаров, Кучеренко и Григоровский, приехавшие из Севастополя.

Иван Пчелинцев, показывая на две больших стрелы, сказал:

— Руки империализма. Так сказал товарищ Ленин. К самому горлу тянутся. Первая опасность — белополяки. Вторая — Врангель. Начнем с положения в Крыму. Вам известно, товарищи, что барон Врангель собрал там большую, вооруженную до зубов армию. Крым представляет собой крепкий орешек. Наше же дело — проникнуть к врангелевцам в тыл. С сожалением должен сказать, что несколько наших попыток потерпели неудачу. Мы очень рассчитываем на вас — вы знаете местные условия. Генерал Покровский лютует в Крыму. Никак не может забыть, как его обвели вокруг пальца в Севастополе. Всех, на кого падет хоть малейшее подозрение, по его приказу немедленно расстреливают. Доверия — никому. А вам придется отправиться прямо в звериное логово и действовать под носом у Покровского. Он ваш старый знакомый, может, обрадуется встрече, а?

— Проведем и на этот раз! — уверенно сказал Григоровский.

— Да, только надо крепко подумать, как Крым штурмовать изнутри, — продолжал Пчелинцев. — Кстати, хорошо бы наладить постоянную связь с Балевым. Он сошел с французского судна в Бургасе, откуда, насколько я знаю, прибыл в Варну. Свяжитесь с руководителем канала Варна — Севастополь, болгарским товарищем Чочо — вы его знаете, — и установите контакт с Балевым. У товарища Чочо много верных боевых помощников — коммунистов, членов военной организации. Это очень важно в смысле перспективы дальнейшей борьбы с врангелевцами. Сами подумайте, куда может двинуться Врангель со своей добровольческой армией, со всей этой белогвардейской шушерой, когда Красная Армия вышвырнет его из Крыма? У него два

выхода: или утопай в море, или беги. А куда? В Румынию или Болгарию, ну, пожалуй, еще в Турцию можно, в Грецию. Одним словом, на Балканский полуостров. И нам надо быть готовыми к этому. У нас на примете есть несколько серьезных, опытных болгарских товарищей.

— Один Христо чего стоит! — воскликнул Василий.

— Совершенно верно! — согласился Пчелинцев. — Вот с ними-то и придется пораскинуть умом, какой сюрприз преподнести генералу Покровскому. С Балевым через Чочо свяжется товарищ Захаров. Тебе, Василий, придется окопаться в Крыму. Вспомнить свою старую профессию. И надежная помощница у тебя там есть.

* * *

Эхо русской революции не только докатилось до болгарской земли, но и подняло солдат, которым опостылело воевать во имя интересов кайзеровской Германии, на восстание осенью 1918 года. Болгарские части, сражавшиеся на Южном фронте — в районе Доброполе, — повернули оружие против виновников кровопролитной бойни. Восставшие солдаты двинулись на Софию. Однако провозглашенная ими Радомирская республика недалеко от Софии просуществовала всего несколько дней. Первое в мире после Великого Октября восстание в Болгарии было жестоко подавлено. Печальная участь постигла и команду болгарского крейсера «Надежда», поднявшую бунт в Севастополе. Под сильной охраной арестованный экипаж «Надежды» был доставлен в варненский порт.

Христо Балев и Чочо, ответственный за конспиративный канал связи Варна — Севастополь, сидя в рыбацкой хижине, вели наблюдение за английским кораблем, на котором сюда были привезены моряки-заговорщики.

— Знаешь, Чочо, мне так и не удалось побывать на крейсере «Надежда», — признался Балев. — Не успел. «Надежда» осталась в Севастополе. А этот «англичанин» торчит здесь. Есть у меня задумка, Чочо, «перекрестить» этого «англичанина».

— Как это?

— На борту должно красоваться гордое имя «Надежда». Подвиг экипажа «Надежды» должен жить.

Балев обратил внимание на небольшой углевоз — чумазое каботажное судно, шныряющее среди стоящих у причалов судов.

— Каждый день так? — поинтересовался он, показывая глазами на углевоз.

— Уголь, как и хлеб, каждый день нужен, — сказал Чочо.

— А капитан?

— Что?

— Наш или...

— Ничей.

— На что клюет?

— Любит деньги.

— Экипаж?

— Разные люди. Один коммунист. Есть еще член земледельческого союза.

— Морской земледелец?

— Главное — наш союзник.

— Познакомишь?

— Можно. Только если хочешь на крейсер...

— Что?

— Не выйдет. Капитан не рискнет. Откажется.

— И это мне говорит человек, которого называют красным призраком?

— Риск должен быть оправдан.

— Вот и я о том же. Ты бы не мог устроить мне вечером встречу с угольщиками?

— А деньги для капитана?

— Пообещаем.

— Ну, он на это не клюнет.

— Наличными?

— Только.

— А как насчет золота?

— Попробует на зуб. Понравится — возьмет.

— Пусть. А когда коммунисты и земледельцы возьмут власть, то мы это золото у него обратно...

— Ишь, какой ты... предусмотрительный.

— Ленин мечтал о революции с ранней юности... Предвидел ее победу.

— Насчет риска подумай, Христо. Канал наш действует. Того и гляди получишь задание.

— Получу — будет выполнено. А задуманное сделаю. Значит, у меня такой план. Слушай, Чочо...

* * *

Жизнь Грининых в Париже текла по-старому. В небольшой, скромно обставленной квартире зимой было холодно. Приходилось натягивать на себя теплые вещи.

Анна Орестовна склонилась над вязаньем, время от времени посматривая на Костика, сидящего за пианино. Глаз у мальчика все еще был забинтован. Сын кончил играть. Она ласково сказала:

— Молодец, мой мальчик. На сегодня довольно, Костик. Пальчики не озябли?

— В Питере снега больше, а дома было тепло-тепло, руки никогда не зябли, — сказал Костик.

Анна Орестовна взяла руки сына в свои и принялась согревать их теплым дыханием.

— Мамочка, можно я сыграю... свою музыку? — вдруг спросил Костик.

— Ты сочинил музыку? — удивилась мать.

— Я слышал, как папа декламировал одно стихотворение. Мне очень понравилось. Я слушал, а слова папы окунались в меня, как в море. Музыка сама появилась во мне, моя музыка, мамочка. Так бывает?

— И ты можешь вспомнить эту свою музыку? — радостно спросила Анна Орестовна.

— Всегда! И днем и ночью!

Мать со счастливым видом кивнула. Костик взял аккорд и запел. Эти слова были Анне Орестовне хорошо знакомы. В них жила тоска по России.

Дверь отворилась, и в комнату вошел автор стихов. Костик кончил играть. Мать и сын выжидающе смотрели на Кирилла Васильевича.

— Это же, это же...

От волнения Гринин-старший не мог говорить.

— Музыка Константина Гринина на слова Кирилла Гринина, — торжественно объявила Анна Орестовна. — Браво! Бис!

В маленькой комнате наступило веселье — большое, переливающееся через край. Впервые после долгих недель и месяцев огорчений, неудач, лишений, тревог сердца этих русских людей наполнились искренней радостью. Гринины громко смеялись, они были счастливы. Костик еще раз проиграл сочиненную им мелодию.

Кирилл Васильевич на радостях откупорил бутылку вина, налил бокалы себе и жене.

— За наше отечество! — сказал он с волнением.

— За возвращение в Россию, — мечтательно произнесла Анна Орестовна.

— Домой, домой! — кричал Костик. — Ура! Ура!

Вошедший Леопольд с недоумением спросил:

— По какому случаю митинг?

Кирилл Васильевич молча протянул брату бокал.

— За что, позвольте полюбопытствовать? — спросил Леопольд.

Поэт медлил с ответом. Но, когда он уже собирался ответить, Костик быстро сел за пианино, начал петь...

Леопольд со всевозрастающим волнением слушал незнакомую песню, в которой были призывные слова о возвращении на родину. Автора песни он не знал, но был уверен, что слова сочинены братом. Сомнения об авторстве окончательно исчезли, когда в наступившей тишине после песни Кирилл Васильевич взял с книжной полки зеленый томик, нашел нужную страницу и сказал:

— Бывает, даже самые мудрые, очень понравившиеся слова воспринимаются как должное, как великолепный житейский афоризм, даже остаются в памяти, но свое высокое значение приобретают лишь в определенных обстоятельствах. Да-с, высокое, необратимое значение! Сколько раз читал это тургеневское как заклинание, как эпиграф жизненного пути каждого россиянина, а истинное значение познал далеко от России.

Поэт обвел всех взглядом, дольше всего задержавшись на брате, потом принялся читать каким-то незнакомым, срывающимся голосом:

— Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится!

Кирилл Васильевич медленно закрыл книгу, долго смотрел на обложку сочинений великого русского, который оставил, может быть, свой самый главный завет соотечественникам после возвращения на родину из долгих и дальних странствий по белу свету, особенно частых во Францию...

БЕГСТВО ОБРЕЧЕННЫХ

В осенние дни 1919 года наступление контрреволюционных сил достигло кульминации. Объединенные удары белых армий и иностранных интервентов на фронтах гражданской войны были названы вождем революции «бурей бешеной силы». Враги новой России возлагали большие надежды на добровольческую армию барона Врангеля. Англо-французское вооружение, моральная поддержка, оказываемая врангелевским войскам, засевшим в Крыму, со стороны мировой контрреволюции, превратили Южный фронт в опаснейший из фронтов гражданской войны. Крым стал последним оплотом контрреволюции.

Многие, кто бежал от революции из Москвы и Петрограда, да и из других городов, раскинутых по всей России, обосновались в Крыму. «Империя» черного барона готовилась к решительным боям с Красной Армией. Советская военная разведка заслала в Крым своих людей.

В резиденцию генерала Покровского можно было попасть только по личному разрешению шефа контрразведки. Капитан Агапов был там своим человеком. В тот день, о котором пойдет речь, Агапов, приехав в резиденцию, нашел генерала в хорошем расположении духа.

— Ну-с, Александр Кузьмич, — пробасил генерал, — могу доложить вам, что наш долгожданный час не за горами. Как поют большевики? Это есть наш последний и решительный бой. Так, кажется?

— За время моего «командирства» в Красной Армии я не имел удовольствия научиться петь их «Интернационал», — сухо произнес Агапов.

— А зря. Противника надо бить его же...

— Песнями?

— И песнями, если надо. Так вот, последний и решительный — это о нас. Мы дадим большевикам последний и решительный бой.

— Мы так окопались в Крыму, будто собираемся остаться здесь на веки вечные. По себе знаю, как трудно сюда проникнуть. Нигде ни лазейки.

— Ну, что касается лазеек, то их отсутствие, Александр Кузьмич, доложу я вам, это уже дело моей службы. Никого не пропущу! Самих послов Франции или там Англии лично буду проверять. Стыдно вспомнить: французский щелкопер в Севастополе обвел как слепых котят.

— Не без помощи Чека.

— Чека уже потеряла в крымской западне не одного своего агента. Не успеет сунуть нос в мышеловку, как мы его — хлоп!

— У меня к вам просьба, ваше превосходительство.

— Что случилось?

— Вы, наверное, знаете, ваше превосходительство, балерину Гринину? Это моя кузина, она сейчас в Париже — повезла лечить сына. У мальчика поврежден глаз. Я получил от нее письмо, надо сказать, весьма тревожное послание. Остались без средств к существованию. Надежд на лечение никаких. Хотят воротиться домой. В Россию. Но куда ехать? В Петроград опасно. Я решил, что здесь, в Крыму, петербургская знаменитость...

Покровский замахал руками:

— Нет, нет, увольте! Никаких прим! В сундуке для туфелек, пачек и прочих доспехов балерина, чего доброго, привезет из Парижа какого-нибудь потомка парижских коммунаров. Вроде того... щелкопера. Кстати, вы же его знаете, этого французского проныру Бланше. Не исключено, что он знаком и с вашей... кузиной. А? Ведь верно?

Покровский буравил Агапова глубоко посаженными глазами. Казалось, он уже заподозрил неладное и хочет немедленно уличить...

— Знает она того француза? — жестко повторил Покровский. — Я ведь, господин капитан, могу это быстро и точно установить. Мы в большом контакте с французскими... коллегами. Где именно проживает ваша кузина?

Телефонный звонок заставил генерала быстро снять трубку. После первых слов он встал и вытянулся, видно было, что звонит высокое начальство.

— Слушаю, Петр Николаевич, — говорил он с почтением в трубку. — Так точно-с, у меня. Немедленно. Слушаюсь. Буду очень рад. Доброго здоровья.

Осторожно положив на рычаг трубку, Покровский, у

которого на губах все еще играла подобострастная улыбка, сказал Агапову:

— Вас, Александр Кузьмич, желает видеть сам барон. Весьма лестно отозвался о вас. Вы что-то там хитрое придумали в борьбе с красными?

— Наша фирма тайн не разглашает, — сказал словами генерала Агапов. — Ваше превосходительство, вы интересовались адресом моей кузины? Извольте. Осмелюсь напомнить, что гуманность и человечность всегда были свойственны русским людям. Тем более в отношении к женщине.

— Помните певичку, исполнительницу цыганских романсов? — спросил генерал Покровский. — Как, по-вашему, следовало поступить с этой красной шпионкой?

— Среди моих родственниц и знакомых таких нет.

— И слава богу. О вашей кузине, Александр Кузьмич, мы еще поговорим. Только прошу вас, поймите меня. Крым — это наша последняя ставка. Да, последняя. И поэтому никаких просчетов, никаких ошибок не должно быть.

Агапов, отдав честь, вышел из кабинета.

Покровский долго раздумывал, потом взял листок с парижским адресом Грининых. Эта фамилия напомнила генералу довоенный Петербург, вечера в императорской Мариинке... Какие были времена! У него и тогда была уйма дел, но в Петербурге могли его оценить, столица предлагала столько больших и малых удовольствий... И все это рухнуло в один день, когда после сигнального выстрела с «Авроры» чернь захватила главный дворец. Подумать только — это случилось в самом сердце империи! Все рухнуло! Сперва это казалось сном, диким недоразумением. Но вот уже два года попытки уничтожить эту власть не дают результата. И какие попытки! Буквально со всех сторон обрушиваются мощные удары на эту мужицкую власть! Большевиков пытаются взорвать изнутри и извне, морят голодом, их приверженцев убивают, а они продолжают держаться, свергнуть их власть пока не удается. Генералу Покровскому и его людям еще никогда не приходилось так дьявольски много работать, как сейчас. Они поставили на карту в борьбе с Советами все. Выстоит белый форпост — Крым, удастся ему нанести решающий удар по изнуренной непрерывными боями армии красных, путь к осуществлению мечты генерала Покровского будет открыт. Ну а если... Нет, нет, эту

мысль генерал старался гнать от себя. Врангелевская акция — последняя надежда... Ох эти просчеты! В послужном списке генерала за последние два года можно обнаружить немало проигранных схваток с советской контрразведкой. Самое позорное — провал в Севастополе. Покровскому удалось узнать, кто руководил действиями тех... севастопольских агентов красных. Пчелинцев, Иван Пчелинцев. Тоже бывший щелкопер. Как и этот француз, который сейчас подвизается в Париже. Эх, Париж, Париж! Благословенный Париж! Если бы пришлось выбирать, где жить за пределами России, то, разумеется, генерал предпочел бы Париж. Да, только Париж. А эти... Гринины рвутся домой. И ходатая нашли. Узнали, где пребывает кузен! Агапов с помощью самого Покровского собирается открыть им дорогу в Крым. Интересно, с каким багажом они прибудут? Что привезут эти незадачливые эмигранты в своих чемоданах? Да и в своих мозгах?

Генерал нажал кнопку. Вошел адъютант.

— Организуйте наблюдение за... по этому адресу, — сказал генерал. — Кто приходит в дом, с кем встречаются. Особенно хозяйка. Нужны фото. Срочно. Мотивы, которые побуждают вернуться в Россию.

* * *

Христо Балев по поручению своей партии обосновался в Варне.

Он искал возможность оказать помощь арестованным морякам взбунтовавшегося крейсера. Был разработан план, для осуществления которого нужны надежные помощники. Необходимо было тщательно продумать все до мельчайших подробностей, чтобы обеспечить успех акции.

Балев и Чочо отправились в цирк шапито. Арену заменял большой потертый палас, клоун и его семья проделывали разные смешные трюки. Мальчик-подросток по имени Живко поистине вытворял чудеса на туго натянутой проволоке. После его выступления Балев многозначительно спросил у своего друга:

— Понял, какая находка?

— Может, не совсем, но понял. Но должен тебе сказать, что без согласия отца...

— Его отец — мой земляк, — обнадежил Балев, — тырновец. Вечером смеется, по ночам плачет. Бедный,

обездоленный человек. Для коммунистов сделает все. Надо поговорить. Это тебе, брат, не капитан углевоза. С отцом маленького клоуна договоримся по-братски. Вот только туман... туман нужен... как молоко, чтобы мальчика не заметили. Понял, Чочо? Все должно делаться в тумане.

— Туман и два морских призрака: я и он.

— Без тебя нам не обойтись, — улыбнулся Балев.

После представления Балев и Чочо направились за кулисы.

* * *

Из здания Мариинки вышли Павел и Тимка. Павел в военной форме, на боку наган. Мальчик заметно повзрослел, был прилично одет и ухожен. От его «беспризорности» не осталось и следа.

— Не горюй, Тимофей Иванович, — бодрым голосом сказал Павел. — Вот разобьем Врангеля, и начнется, Тимоха, такая жизнь, что и вообразить трудно.

— Для тех, кто живым вернется, — тихо промолвил Тимка, явно удрученный предстоящим отъездом Павла.

— Ну а ты уже меня... того? — улыбнулся Павел. — Я вернусь, Тимка, обязательно вернусь! Дел-то еще сколько впереди! Хочу на твою премьеру попасть. А как же! Обязательно! Так что жди, Тимка. И носа не вешать. Негоже унывать такому большому парню.

— Все уезжают, одна Дина...

— Скоро возвратятся Гринины.

— Это когда еще будет!

— Ну, если я не пойду на фронт, Ваня Пчелинцев не пойдет, кто же будет воевать, добивать врагов революции?

В Петрограде была объявлена мобилизация: «Все на Южный фронт, на борьбу с Врангелем!»

Вдвоем шли по улице, где жили Гринины. Перед зданием бывшего общежития интернационалистов Павел остановился, долго смотрел на окна. Вспомнились первые послереволюционные дни и месяцы. Всплыло в памяти, как болгарин Балев будил Бланше утром семьдесят третьего дня революции, как потом все хором пели «Марсельезу». Тот день врезался в память многими событиями. Тогда был ранен сын балерины Анны Грининой. Да, Гринины что-то надолго задержались в Париже. Павел завидовал Бланше, который час-

то видится с Анной Орестовной. Жорж писал об этом Павлу. И еще писал, что они с Сюзан решили пожениться. «В перерыве между революциями, — добавлял Жорж, — между русской и французской». Павлу вспомнилось его пресловутое «пиф-паф»...

* * *

Жорж Бланше не расставался со своей привычкой и в Париже. Не успел он, поддерживая под руку все еще прихрамывающую Сюзан, подняться к Грининым, как до Анны Орестовны донеслось знакомое «пиф-паф».

— О, месье Жорж! — радостно встретила гостей Гринина. — Камарад Бланше.

— Товарищ Жорж, товарищ Бланше, — поправил ее гость.

В соседнем саду мужчина средних лет, делая вид, будто возится около газонов, тайно сфотографировал Гринину и ее гостей.

— Камрад Сюзан Легранж. Тоже из России, — представил Жорж свою невесту.

— Вы давно из России? Когда? — заинтересовалась Гринина.

— Совсем недавно, — ответила француженка.

— Поженились? — спросила Гринина.

— Мы хотели пожениться в Севастополе, но... были другие дела. Я пиф-паф и ее... пиф-паф, — весело произнес Жорж.

— Вы ранены? — участливо спросила Гринина.

— Как говорят в России, царапнуло, — пошутила Сюзан.

— Кто же это вас?.. Наши... русские?

— Нет, наши... французы. А русские спасли. Русская женщина спасла, — ответила Сюзан.

— Сюзан поправится, и мы вместе поедем в Россию, — сообщил Жорж. — А вы, мадам Гринина? Вас там очень ждут. Или у вас другие планы? В гостях хорошо, а дома лучше. Не так ли?

Вошел Леопольд, кивнув гостям, спросил у Бланше:

— Мы, по-моему, встречались с вами, месье? В Петрограде. Давно из наших краев?

— Из Советской России совсем недавно, месье Гринин.

— Чем же вы занимаетесь в несоветской Франции?

— Собираемся последовать вашему примеру.

— Чьему именно?

— Русских товарищей.

— Одним словом, собираетесь экспортировать анархию, произвол, голод...

Анна Орестовна осадила Леопольда:

— Кстати, им лучше знать о том, что делается сейчас у нас на родине. Вот наша гостья Сюзан... Бланше даже была ранена в Севастополе.

Леопольд, не обращая внимания на тон Анны Орестовны, зло произнес:

— Я уверен, что дни большевистской России сочтены. Если вы были ранены в Севастополе, то, должно быть, вам известно, что именно в Крыму готовится решительный удар.

— Кому? — с иронией спросил Жорж.

— К вашему сожалению, вашим друзьям, — высокомерно ответил Леопольд.

— Что ж, мы, господин Гринин, располагаем другой информацией. Да, смертельный удар действительно готовится. Но он будет нанесен по Крыму. Моими друзьями. Если в Крыму есть ваши друзья, то они, к сожалению, испытают очень неприятные минуты.

Анна Гринина забеспокоилась:

— Боже, как же так! А мы получили письмо... Нас зовут в Крым. Там мой кузен. Он уверен, что в Крыму нам будет спокойно, безопасно...

— Мадам, простите великодушно, но я в том не уверен, — сказал как можно мягче Жорж. — Армия барона Врангеля обречена. Сила и правда за теми, кто совершил революцию.

«Чего доброго, этот француз еще отговорит ее от поездки в Крым», — думал Леопольд. Он понял, что в Париже без денег, которыми мог бы сорить направо-налево, ему делать нечего. Париж поворачивался к нему спиной. А возможностей иметь деньги, много денег, он не находил. Анна отказывалась от зарубежных гастролей, да и в Париже танцевала очень редко. Ему прожужжали уши, что Ялта — это дореволюционный Петербург в миниатюре. Светское общество, приемы, выезды, даже балы. И еще ночная жизнь в уютных русских ресторанчиках и тавернах с цыганками, с душещипательными романсами, с черной икоркой и лососинкой... Да, в Крыму можно было жить, а не прозябать. Красным его не взять. Железный полуостров ощетинился французскими дальнобойными орудиями, английски-

ми военными кораблями... Красные будут биты, проиграют гражданскую войну, и армия Врангеля вступит в Москву, в Петроград... Будущее представлялось возбужденному мозгу Леопольда в радужных красках. А тут какой-то французишка пытается отговорить жену брата от поездки... Леопольду хотелось сказать грубость, унизить этого «экспортера революции», но тут всеобщее внимание привлек появившийся на террасе Костик. Мальчик стал выше ростом, вытянулся. На правом глазу все еще белела повязка. Костик внимательно смотрел на гостей. Он почувствовал, что мать чем-то расстроена. Это его обеспокоило. Анна Орестовна улыбнулась уголками губ и сказала:

— Вот и наш Костик. А это, Костик, наши французские друзья. Они были в Питере. И в Одессе, и в Севастополе...

Мальчик поклонился гостям, подошел к матери и тихо сказал:

— Мамочка, если они были в России, то пусть послушают нашу песню.

Вскоре гости уже сидели в комнате, слушали, как Костик поет.

* * *

Павел и Тимка отправились в гости к Дине.

Они позвонили, дверь открыла Дина и тотчас с тревогой спросила у Павла:

— Ты уже в военной форме?

— А что? Разве она мне не идет? — уклоняясь от прямого ответа, пошутил Павел. — Иван не звонил?

— Жду...

Телефон не замедлил «подать голос».

— Он, — сказала Дина и сняла трубку. — Ваня, здравствуй. У нас Павел и Тимка. Что? У меня все хорошо. Только вот от наших... из Парижа пришло письмо. Собираются ехать в Крым. Что? Передаю.

Дина передала трубку Павлу.

— Привет, Ваня. Да, завтра буду в Москве. Обязательно встретимся. А ты? А-а-а, ты остаешься в Москве. В Крым? Не знаю, что им там делать. Хорошо, поговорю. Слушаюсь, товарищ начальство. До встречи. Передаю Дине. И еще учти, на очереди сам Тимофей Иванович.

— Ваня, что прислать с Павлом? — кричала в трубку Дина. — Себя? А кто с Тимофеем Ивановичем оста-

нется? Хорошо, передам ему твой большевистский привет. Непременно. Да, делает успехи. Вот он вырывает трубку.

Тимка сказал Пчелинцеву, словно выдохнул:

— Я тоже хочу на войну!

Он терпеливо слушал, что ему говорили с другого конца провода, потом положил трубку и недовольно произнес:

— Говорит, сейчас везде война. Везде, везде, а сам, знаю, едет на фронт.

— Куда? — удивилась Дина, подозрительно взглянув на Павла.

Тимка лукаво подмигнул Павлу, сказал:

— Мужской секрет.

Павел серьезно сказал Дине:

— Послушай, что мне сказал Иван. Советует сообщить Грининым, чтобы они не предпринимали попыток пробираться в Крым. Ты знаешь, какая там обстановка? В Крыму собралось все белогвардейское отребье. Вооружаются до зубов, готовятся нанести удар. Белые генералы оптом и в розницу запродались иностранному капиталу. Вся страна поднимается на Врангеля. И сей муж, который стоит перед тобой в воинских доспехах, как ты, наверно, уже догадалась, тоже получил назначение на Южный фронт. Ну, приедут твои в Крым, а дальше что?

— Они, видимо, получили приглашение от кузена Александра ...капитана Агапова. Ты ведь его, кажется, знаешь?

— Ваш Агапов для меня прежде всего дезертир из Красной Армии. Значит, он теперь служит Врангелю? Что в такой ситуации придется делать Грининым? О Леопольде я не говорю. А поэт, а балерина? Думаю, что им стоит хорошенько подумать, прежде чем решиться принять приглашение этого кузена.

— Может, Иван свяжется с Бланше, через него выяснит настроение наших?

— Бланше? Что ж, это идея! Да, надо сказать Ивану, чтобы он нашел возможность связаться с Бланше.

* * *

Агенты Покровского, действовавшие в Париже, приступили к выполнению задания, полученного из Крыма. Дом, в котором проживала семья русских эмигрантов

Грининых, был взят под наблюдение. Самым подходящим «объектом» оказался Леопольд — скучающий светский лев, прожигатель жизни. К нему подослали опытного агента, который работал и на французскую разведку. Он «отвечал» за Бланше. Первое задание агент уже провел: француз-коммунист и его невеста были сфотографированы в доме Грининых. «Если не успели пожениться, то сделают это на том свете!» — мрачно пошутил агент.

Фотоснимки были проявлены. На всех Жорж Бланше в кругу семьи Грининых. Рядом фото Пикара в его бытность в Севастополе. Сличали внимательно.

— Он!—заключили коротко.—Бланше и Пикар—одно лицо. Срочно сообщите и просите дальнейших указаний.

Портативный телеграфный аппарат отстукал шифровку. Донесение из Парижа было спешно вручено лично генералу Покровскому. Что ж, его подозрения подтвердились.

Этот француз, который его перехитрил в Севастополе, готовит новый подвох в Крыму. Все очень просто. Француз-коммунист вербует в семье русских эмигрантов своих людей для работы в Крыму. Популярность балерины Грининой, ее авторитет в обществе будут использованы как нельзя лучше в борьбе с белой контрразведкой. Кто способствует проникновению красных агентов в Крым? Выходит, Агапов. По недомыслию или же по злому умыслу?

Было над чем задуматься генералу Покровскому. Он не замечал, что говорил сам с собой, мучительно размышляя о том, какую роль играет в этой скверной истории капитан Агапов. Неужели он ведет тонкую игру? Неужели этот капитан — мастер ловушек? Каких? Для кого? Кто же вы, капитан Агапов, после... бегства из Красной Армии? На кого работаете? Надо же, втерся в доверие к самому барону! Тут что-то не то... Однако почему же тогда сразу опознал того француза? Принес в жертву? Ради чего, ради кого? Нет, это непохоже на стиль разведчика. А кузина? На кого работает его кузина? Нет, надо к барону. Немедленно к барону. Немедленно к барону! Выложить все свои сомнения, подозрения. Чем скорее, тем лучше.

Покровский нажал кнопку, и перед ним тут же предстал подполковник Полищук.

— Птица, которую вы выпустили в Севастополе, — строго напомнил ему генерал, — села в Париже. За ва-

ми должок, господин подполковник. Имеете шанс рассчитаться с тем французом. Сообщите в Париж, чтоб дали более подробные сведения о связях этого Бланше-Пикара с семьей балерины Грининой, главным образом с нею самой. Что это — работа, подрывная работа против... нас или просто амурная история? А этого... Пикара...

Покровский сделал выразительное движение рукой, словно нажимая на курок.

— Только без шума, чтоб никаких материалов для щелкоперов, — предупредил он.

* * *

В ресторане к Леопольду, который сидел со скучающим видом за столиком, подсел мужчина — тот самый, что сличал фотографии и приказал сообщить в Крым, что Бланше и Пикар — одно лицо.

— Если не возражаете, месье, — сказал он любезно, — вместе по-соседски испробуем русскую водку. Божественный напиток для... мужчин. Да, кстати, мы с вами, месье, соседи, живем на одной улице, почти рядом. Жена моя то и дело твердит: ах, какая интеллигентная семья, какой воспитанный мальчик. В наше время это такая редкость — воспитанные дети. Его воспитывает гувернер-француз, месье? В России, я слышал, можно приглашать в гувернеры французов.

— Нынче нам, русским, приходится приезжать во Францию, — неохотно ответил Леопольд.

— Ах да, у вас там, говорят, неспокойно? Действительно, месье, власть отдали голодранцам?

— Отдали? Они сами взяли. Взять-то легко, а вот пусть попробуют удержать...

— Вот уже три года держатся. По-вашему, не удержатся, месье?

— Нужен хороший удар. Один. Но...

Леопольд с силой стукнул кулаком по столу.

— Пардон, — смущенно извинился он и оглянулся на соседние столики. — Да, надо собраться с силами и одним ударом покончить...

— Собраться, а как собраться? Вот вы, к примеру, здесь, много русских здесь. Кто-то должен собрать, вокруг кого-то должны собраться. Читал я о вашем генерале по фамилии... фамилия похожа на немецкую... Если не ошибаюсь, Врангель...

— Барон Врангель. Русский генерал.
— Боевой, говорят.
— На него вся надежда.
— Где он?
— В Крыму. Большая сила!
— А вы к нему не собираетесь?
— Задерживают... дела.
— Вы коммерсант, месье?
— Нет, другие дела. Личные.

— Если нужна помощь, прошу не стесняться, месье. Ну, за осуществление ваших желаний. Называйте меня Жюстен. Жюстен Симон. Всегда готов помочь хорошему русскому, месье...

— Леопольд Гринин.

— У вас, месье Гринин, кажется, нет недостатка в друзьях? Как-то встретил одного... парижанина, спрашивал, как найти дом, где живет семья русских Грининых... Еще называл женское имя... Мадам...

— Это жена моего брата. Вероятно, вы говорите о Бланше. Мы с ним встречались в России.

— О, мир тесен. Сегодня Россия, завтра Франция, послезавтра...

— Опять Россия.

— Домой? Друзья, родные стены... Или не желанные?

— Кто знает. Жена брата рвется обратно. Будет танцевать. Или учить других. Знаменитость.

— А-а, теперь догадываюсь, тот француз, как вы назвали его...

— Бланше.

— Бланше тоже танцует? Коллега?

— А черт его знает, что делает ваш Бланше. Знаю только одно: ему нравится то, что не нравится мне.

— О, разные вкусы. А у нас с вами одинаковые... любим водку. Месье, вы мне очень, очень симпатичны, и я буду рад пригласить вас к себе в гости. Моя жена так любит все русское! И водку тоже любит. А этот Бланше любит водку?

— Революцию он любит. Революцию в чужом доме. Там, у нас, торчал, лез, куда надо и не надо, теперь здесь пристает с советами: возвращайтесь, мол, домой.

— А ему-то что? Где кто хочет, там и живет.

— Пропади он пропадом. Слава богу, хоть болгарин от нас отстал. Его приятель. Тоже любитель революций.

— Бывает иногда, что эти любители просто-напросто... шпионы. Может, ему что-нибудь от вас надо? Он же красный. Вы подумайте: почему он так агитирует мадам Гринину возвращаться в Россию?

— Кузен невестки зовет нас туда, предлагает к нашим услугам свой дом.

— Где?

— В Крыму. Там собрался весь русский свет.

— А Бланше, конечно, поддерживает эту идею? Еще бы! Красному нужны свои люди в Крыму. Подумайте, месье Гринин, чем это попахивает.

Леопольд хотел возразить, что Бланше, наоборот, советует ехать не в Крым, а в Петроград, но промолчал. Какое ему дело, что думает этот француз Симон Жюстен, скучающий от безделья! Ну его! К черту всех этих Бланше и Симонов! Какое ему дело до французов! Все, все они ему осточертели. Надо решиться на последний шанс. Этим шансом, конечно же, был Крым.

* * *

Жорж Бланше и Сюзан готовились к свадьбе. Они решили, что свадьба будет скромной, пригласят только самых близких друзей, в том числе супругов Грининых, повеселятся, вспомнят незабываемые дни в России, помечтают...

А пока Жорж и Сюзан отправились в магазин для новобрачных: нужно было купить кое-какие вещи. Сюзан все еще хромала, ходила с палочкой.

У Жоржа было веселое настроение, которое передалось и Сюзан. Им обоим понравилась скромная на вид, улыбчивая продавщица, которая любезно вручила подвенечное платье.

— А еще один заказ, мадемуазель? — напомнил ей Жорж.

Продавщица показала коробку, в которой лежали два алых банта.

— Месье социалист? — спросила продавщица.

— Коммунист, — ответил Бланше, прикладывая бант к лацкану пиджака.

— А мадемуазель? — заинтересовалась продавщица.

— Тоже. И дети наши, мадемуазель, будут коммунистами, — убежденно сказал Бланше.

— Месье, а за это платят? — спросила молоденькая

продавщица, с осторожностью приоткрывавшая для себя завесу в новый, неведомый ей мир.

— Да. Платят. Пулей, — ответил Бланше, показывая глазами на ногу Сюзан. — Чаще всего метят в самое сердце. Вот сюда. — И он ткнул пальцем себе в грудь.

— Зачем же тогда люди становятся коммунистами, месье? — удивилась продавщица.

— Если когда-нибудь вам случится побывать в России, мадемуазель, вы получите ответ на свой вопрос.

— Русских здесь много. Я видела, как танцует русская балерина Гринина. Прелесть. У нее лицо мадонны, в глазах грусть, — сказала продавщица.

— Вернется в Россию, и грусть исчезнет, — заметила Сюзан.

— Ой, каким непонятным стал этот мир! — сокрушалась продавщица, вручая молодоженам большой пакет. — Будьте счастливы! Я знаю только, что люди бывают хорошие, бывают плохие. А остальное не понимаю.

— Ясно, — улыбнулся Бланше. — Когда все начинают правильно понимать, получается революция. Как в России.

В магазин вошел человек, который назвался Леопольду Жюстеном Симоном. Он делал вид, будто разглядывает свадебные наряды на манекенах.

— Веселой свадьбы вам и счастья! — пожелала продавщица молодоженам.

Жорж и Сюзан вышли, помахав руками милой, простодушной девушке.

Жюстен Симон хмуро спросил у продавщицы:

— Эти счастливчики, конечно, не забыли заказать красные банты?

— Да, месье, они... так пожелали. Свадьба, а они решили красные банты...

— Пошлите по их адресу и пару черных бантов... на свадьбу. — Жюстен бросил на прилавок несколько скомканных ассигнаций и листочек с адресом.

Странный незнакомец ушел, а продавщице от слов незнакомца и этих брошенных денег стало жутко. Она быстро переоделась, на улице остановила свободное такси...

— Прошу вас, месье, поспешите, — попросила девушка шофера. — Вот по этому адресу. — Она протянула листочек, который оставил странный человек, так напугавший ее своими словами.

Жорж и Сюзан, выйдя из такси, подходили к калитке небольшого дома. Вдруг из проезжающего мимо автомобиля раздался выстрел. Подъехавшая на другой машине продавщица издалека увидела, как вздрогнул, словно от удара, Жорж Бланше, как он упал... Ее охватил ужас. Продавщица быстро вышла из такси, подбежала к лежащему на тротуаре Бланше. Сюзан в растерянности склонилась над ним. Бланше медленно открыл глаза и, увидев лицо девушки-продавщицы, сказал, словно продолжая начатый в магазине разговор:

— В самое сердце. Так платят коммунистам...

* * *

Леопольд вышел из дома и по привычке на углу купил газету. Сразу бросилось в глаза сообщение об убийстве Жоржа Бланше. Леопольд от удивления принялся нервно поглаживать подбородок... Интересно, знает ли об этом Жюстен, который, как он говорил, живет на той же улице, что и Гринины? По расчетам Леопольда, Жюстен Симон должен был проживать в одном из коттеджей в конце улицы. Увидев пожилого дворника, подметавшего улицу, Леопольд спросил у него:

— Простите, здесь живет месье Жюстен Симон?

— Нет, месье, такой тут не проживает.

— Может, в другом, соседнем, доме?

— Месье, я на этой улице родился, вырос и отсюда меня унесут... в общем, туда, куда уносят всех, но никакого Жюстена Симона здесь не было и нет. Возможно, вы ошиблись, месье?

Леопольд не ответил. Он медленно побрел по улице. Неужели между тем подозрительным французом и убийством есть прямая связь? А если это так, то и он, Леопольд, виноват... И все же надо еще проверить. Леопольд отправился в ресторан «Медведь». Ему сразу же попался на глаза официант, подававший вчера водку. Леопольд спросил:

— Вчера мы сидели с месье... Жюстеном Симоном. Помните? Изрядно выпили. Вы знаете этого господина?

Официант равнодушно, отсутствующим взглядом посмотрел на русского эмигранта, пожал плечами и отошел, ничего не ответив. Леопольд стоял в полнейшей растерянности, не зная, что делать, как быть. Поведение официанта его возмутило, захотелось подойти и

дать пощечину этому ничтожеству... Кто-то сильно толкнул его в бок — это был толстенный мужчина, который шел напролом, толкая, отшвыривая всех, кто стоял на его пути... Леопольд не успел прореагировать. Что делать? Может, броситься вдогонку и дать пощечину этому толстому нахалу? Вдруг у самого его уха кто-то злым голосом произнес:

— Не путайтесь под ногами!

Леопольд увидел спину быстро удаляющегося официанта — того самого, что вчера обслуживал его, а сегодня вел себя так нагло. Эти два коротких эпизода в «Медведе» были столь унизительными, так сильно расстроили Леопольда, что он, пошатываясь как пьяный, вышел из ресторана и медленно побрел по улице... «Что произошло? — думал он. — Почему такое отношение?»

Он был вполне прилично одет, держался с достоинством. В «Медведе» его знали. Почему же его так демонстративно презирают, так игнорируют? Страшная догадка заставила его вздрогнуть. Деньги! У него не было денег! И официант, должно быть, знал это. Да, да, вот уже несколько дней он вынужден ограничиваться лишь рюмкой водки и скудной закуской. От его глаз не укрылось, что рядом за столиком едят икру, пьют шампанское, заказывают дорогие блюда. А он... О, этот официант — дока, он видит, словно через микроскоп, содержимое твоих карманов и точно определяет, есть ли у тебя счет в банке. Он, этот негодяй-официант, сразу учуял, что долговязый, скучающий русский эмигрант заходит в «Медведь» по привычке, но что он... Да, он банкрот, он неплатежеспособен в этом чужом городе... Он чужак, он не прижился в Париже.

Леопольду почудилось, что перед ним предстал Кирилл с тургеневским романом в руках, назидательно повторяя то, что его брат уже слышал: «Россия без каждого из нас обойтись может...»

Леопольд мотнул головой, и видение исчезло. Но продолжало звучать: «Россия без каждого из нас обойтись может...»

* * *

Густой белесый туман плотной завесой висел над морем. Словно привидение, словно призрак, возник около «англичанина» силуэт чумазого трудяги-углевоза. Люди на углевозе тоже напоминали призраки. Они

быстро и ловко перекинули на борт английского корабля канат с крюком на конце. Вплотную приблизившись к борту «англичанина», мальчик из цирка, которого звали Живко, черной краской перечеркнул название корабля. А белой вывел крупными, неровными, словно пляшущими буквами: «Надежда». Потом он ловко, словно кошка, стал пробираться по канату. Христо Балев стоял на палубе углевоза и внимательно следил за каждым движением маленького смельчака. Живко скрылся в тумане. Прошло несколько томительных минут, и фигурка Живко замаячила на палубе корабля. Мальчик быстро взбирался на мачту, поднимаясь все выше и выше... Вдруг раздался выстрел. За ним еще и еще.

Капитан углевоза с испуганным лицом подскочил к Балеву, умоляюще сказал:

— Нас заметили. Ради бога, уйдем, уйдем от беды.

— Мы не бросим мальчика! — Балев был непреклонен.

— В него стреляют. Уйдем! У меня маленькие дети.

— Мальчик делает это и во имя твоих детей. Понял? А стреляет призрак.

— Какой призрак?

— Красный. Красный морской призрак.

— Я сойду с ума! Что еще за призрак? Зачем я только связался с вами?!

— Не скули. И не суетись. Мальчик вернется. Еще немного, и он будет здесь.

Мальчик и в самом деле появился: быстро скользнул по канату и прыгнул на руки Балева.

— Ну а теперь полный вперед! — скомандовал Балев.

Углевоз скрылся в гуще тумана.

В порту поднялась тревога. Судовые сирены неистово ревели. Береговая охрана, заметив уходящее в открытое море небольшое судно, бросилась в погоню... А Чочо в это время спокойно наблюдал с берега за последствиями паники, вызванной им же самим с целью отвлечь внимание от английского корабля. Он видел, как охрана на быстрых лодках окружила подозреваемое судно, которое сильно дымило и... стреляло. «Красный призрак» весело смеялся. Да, его затея удалась. Судно, как говорится, без руля и ветрил, там нет ни одной живой души, однако же оно нагнало страху на преследователей... Попробуй подступись. К Чочо подбежали Балев и Живко.

— Ну и ловкач! Как в цирке! — сказал Балев изобретательному Чочо, показывая глазами на уходящее в море «стреляющее» судно. — Как тебе это удалось?

— Последние чудеса техники, — спокойно ответил Чочо. — Дымовые шашки и... ракеты. Русские мне подарили в Одессе. Думал приберечь для большого праздника.

— А чем сегодня не праздник? Смотрите, смотрите! — радостно воскликнул Балев.

Туман рассеивался, обнажая гавань, силуэты кораблей, пологий берег с глыбами зданий... На сизо-голубом фоне неба ярким пятном выделялось алое полотнище. Это было похоже на волшебство. В бухте все замерло: судовые сирены, голоса людей... С высокого берега, с причалов, с кораблей на красный флаг смотрели мужчины, женщины, дети. Сквозь тюремные решетки видели флаг арестованные моряки мятежного крейсера.

Балев обнял маленького героя Живко, с волнением произнес:

— За такую минуту можно сто раз умереть. Тысячу раз! Но мы будем жить! И побеждать! Будем, дорогие друзья. Точно така!

«Красный призрак» озорно сказал:

— Еще одна ракета осталась.

— На сегодня хватит. А теперь... кто куда. Встретимся у нашего героя, — сказал Балев, кивнув на Живко. — Сейчас начнется бо-оль-шой цирк.

И действительно, в порту опять началась пальба, заревели сирены, к причалу бежали солдаты...

Мальчик-акробат, оставшись один, пробрался к зданию тюрьмы. Он увидел в зарешеченных окнах арестованных моряков, которые громкими криками приветствовали красное знамя пролетарской революции.

Живко не мог видеть, как в камеры ворвались надзиратели и стали избивать заключенных... Но он видел, как на выглядывающих из окон мятежных матросов были направлены мощные струи воды. И еще от глаз мальчика не укрылось, как рота жандармов по приказу толстого офицера со свирепым лицом расстреливала алое полотнище, развевающееся на мачте... Знамя уже было в сплошных дырах, но держалось, победно реяло на высокой мачте. На место происшествия прибыло какое-то высокое начальство, и толстый офицер сам принялся неистово палить в ненавистное красное полотнище.

* * *

Первая волна русской эмиграции, докатившаяся до берегов Франции, еще не влилась в бурное море парижской жизни. Еще была сильной надежда на возвращение к русским берегам. Вторая волна накапливалась на берегах Крыма.

У Грининых пока ничего не прояснилось с отъездом. К тому, что из Франции надо уезжать, склонился и Кирилл Васильевич.

Уютный ресторанчик в Париже, где собирались русские эмигранты — писатели, художники, журналисты, — был местом словесных баталий. Но в описываемый вечер там было поспокойнее. В ресторане сидели литераторы и журналисты, участвовавшие в выпуске очередного номера эмигрантской газеты. Пришел и Гринин.

— Певцу России — нижайшее почтение! — Тщедушный человек с козлиной бородкой в пенсне поднял бокал.

— Добрый вечер, господа! — Поэт уселся за большой стол, занятый сотрудниками газеты.

— Сто строк ждут набора, господин Гринин! — предупредил редактор.

— Вот, прошу. — Поэт протянул листочки.

Обладатель бородки и пенсне быстро встал.

— Прикажете в типографию, господин редактор?

— Я жажду получить удовольствие от стихов Кирилла Васильевича раньше читателя. Ей-богу, я имею на то право! — игриво изрек редактор.

— Ну а мы пока пропустим по рюмочке за нашего неподкупного поэта, — предложил кто-то.

Редактор, держа в руке рюмку, принялся читать стихи. Выражение его лица с каждой минутой менялось. Наконец он с решительным видом поставил рюмку на стол.

— Это что же такое, милостивый государь? — с недоумением спросил редактор.

— Вы о чем? — спокойно поинтересовался поэт.

— Как о чем? О ваших... виршах. Это Гринин или... Маяковский?

За столом замерли. Ну и пассаж! А они собирались сразу нести в типографию, в набор. Интересно, что он там насочинял, если это вывело из себя самого редактора?

Гринин сидел с опущенной головой, но, услышав последние слова редактора, быстро встал.

— Господин редактор, я пишу то, что диктует сердце. Сейчас я именно так думаю о родине. Не нравится — дело ваше. Попрошу вернуть!

Он взял свои листки, кивнул сидевшим за столом и направился к выходу.

— Еще один! — зло процедил редактор. — Еще один отступник.

На крутой узкой лестнице поэт столкнулся с братом. Леопольд был явно навеселе.

— А, братец! — удивился Леопольд. — Почему так рано выпорхнули из этого уютного гнезда? Ужель иссякли...

Увидев суровое выражение лица брата, Леопольд умолк.

— Домой! — резко бросил Кирилл Васильевич.

Леопольд, казалось, протрезвел от звука его голоса.

— Домой! — повторил Кирилл Васильевич и, взяв брата за руку, насильно увел его из ресторана. На улице они долго молчали.

Потом Леопольд остановился, спросил:

— Домой!.. А где он, дом-то?

Кирилл Васильевич не ответил. Он энергично шагал по струящейся на плитах тротуара лунной дорожке.

* * *

В бедно обставленной комнате бродячих цирковых артистов сидели Балев и отец маленького храбреца. Живко лежал на тахте, закрыв лицо руками. Разговор шел о нем, о его поступке.

— Знамя расстреляли, — сказал Балев. — Как человека. Бывает хуже, Живко. Ведь когда убивают людей, их нельзя воскресить, они незаменимы... А знамя... сошьем новое, Живко, и поднимем еще выше.

— Я им отомщу! — в сердцах воскликнул Живко.

В комнате воцарилась тишина.

— Вот если случится, Живко, нам с тобой побывать в России, я тебя познакомлю с мальчиком, твоим ровесником, — пообещал Балев. — Отчаянный вроде тебя, Тимкой зовут. Тимофеем. У нас такого имени нет. Знаешь, у русских много имен таких, как у нас. Ну, конечно, Иван, Ваня. Это первое имя у русских. А вот

женского имени Иванка, Ваня, у них нет. У них Петя — это имя мальчика, у нас так называют девочек.

— А Живко есть? — с интересом спросил мальчик.

— Не слышал. Главное, что там есть такие мальчики, как ты. Знаешь, как их называют? Гаврошами. Это во Франции был такой мальчик, Гаврош, веселый и смелый, герой Парижской коммуны. Таких, как этот маленький француз, во всем мире называют Гаврошами. Я вот напишу в нашу рабочую газету о том, как один маленький болгарин поднял красное знамя над кораблем.

— Когда-нибудь он станет хозяином большого шапито, — улыбнулся беззубым ртом отец маленького циркача.

— Самого большого на свете! — Живко вскочил с тахты.

* * *

Дина и Тимка подъехали на санях к дому, находившемуся неподалеку от Московского Кремля. Дверь в квартире открыл Иван Пчелинцев.

— Вот так сюрприз! — обрадовался он. — Какими судьбами? Что случилось?

— Приехали посмотреть на беглецов, — с обидой в голосе произнесла Дина, войдя в комнату.

— Каких беглецов? — Пчелинцев сделал вид, будто не понимает. — Может, ты, Тимка, объяснишь?

— В общем, дело такое... ясное. Куда вы, туда и мы, — серьезно сказал Тимка.

— А-а, вот в чем дело! — улыбнулся Пчелинцев. — Ну а если, допустим, задание представляет опасность для жизни? Если оно секретное?

— Не морочь голову, Иван, — сердито произнесла Дина. — Опасное задание, секретное... Знаю, что едете в Крым. Бить Врангеля. Все едут. Кто на борьбу с белополяками, кто — с Врангелем.

— Мы тоже! — решительно заявил Тимка.

— Ах, вот оно что! Ну а на какие роли... что делать будете, когда начнут громить белополяков, Врангеля? — спросил Пчелинцев.

— Значит, едешь? Зачем же скрывал? Мы с Тимкой совсем одни... остаемся, — сказала Дина и отвернулась.

— Так мы же ненадолго. Разобьем — и назад.

— Я знаю, что отговаривать не имеет смысла. Вот

возьму да и поеду на фронт. Без пяти минут врач. Могу и сестрой милосердия, — твердо сказала Дина.

— Ну а Тимка без пяти минут кто? — весело спросил Пчелинцев. — Танцоры на фронте не нужны. Там требуются бойцы.

— А патроны подносить разве не смогу? А в разведку ходить? — нашелся Тимка.

Павел, войдя в комнату, застыл от удивления. Пчелинцев сказал:

— Прошу знакомиться! Медсестра Дина, боевой разведчик Тимка. Ну, Врангель, держись! Павел, давай команду.

Павел был рад встрече с друзьями. Он сказал:

— Честно говоря, я так и знал. Так и знал, что приедете в Москву. Даже... стихи написал.

— Прочти, пожалуйста! — попросила Дина.

— Прочту, — пообещал Павел. — Стихи о любви.

— О чем? — переспросила Дина.

— Понимаешь, как тебе объяснить... В общем, он ее любит. И она его любит. Оба это знают, чувствуют. Но не говорят. Вот какая история...

Павел смущенно крутил в руках фарфоровую статуэтку.

— Оба понимают, но не говорят.

Пчелинцев сказал:

— Ну, пока ты здесь будешь объяснять, что к чему, я схожу на кухню... гостей угощать положено.

Он быстро вышел из комнаты, уведя Дину. Павел, лукаво улыбаясь, сказал Тимке:

— Ну, брат, если они сейчас... они договорятся, значит...

— Договорятся, договорятся! — уверенно заявил Тимка.

— А ты откуда знаешь? Они уже три года в молчанку играют.

— Надоело! Хватит! Мы хотим пожениться! — сказал Тимка, подражая Дине.

Павел рассмеялся.

* * *

Неожиданный поступок поэта Гринина вызвал много толков в эмигрантской среде. Никому, кроме редактора, не было известно содержание его стихотворения, из-за которого поэт был причислен к разряду отступников, однако молва о нем быстро распространилась.

Особенно остро реагировала на поведение поэта группа эсеров и анархистов.

В большой комнате «русского ресторана» Арц говорил скрипучим голосом:

— Этого сентиментального поэта надо было убрать еще тогда... в восемнадцатом. Теперь пожинайте плоды собственной мягкотелости. Жаль, князь Яблонский расстрелян. Он-то знал, что надо делать с изменниками.

В комнате, кроме самого хозяина, находились его одноглазый помощник из бывших офицеров и редактор эмигрантской газеты. Арц продолжал:

— Нельзя допустить, чтобы эти продажные шкуры ушли от возмездия. Где бессильны слова, должно заговорить оружие, хороши и яд, и нож в сердце...

Его помощник осторожно заметил:

— То мы не хотели выпускать Грининых из России, то...

— Поручик Сивков! — Арц презрительно поморщился. — Даже с вашими мозгами нетрудно понять, что значат для общественного мнения Гринины!

Редактор показал на часы:

— Господа, пора!

В соседнем зале собралось довольно много народу. Было ясно, что они собрались послушать Гринина. Слушали его внимательно. Поэт, скрывая волнение, старался быть спокойным:

— Я пришел заявить всем моим друзьям и недругам, что отрекаюсь от бесплодных, полных унижения и горечи последних трех лет. Нравится это кому-либо или не нравится, меня не интересует. У меня один путь — на родину. Я ступлю на землю России с обнаженной головой. Тоска по родине испепеляет наши души. Так почему же мы сидим здесь? Чего мы ждем?

В задних рядах дружно зааплодировали. Кто-то крикнул:

— Мы с вами, Гринин!

Поэт повысил голос:

— Вернемся же в родные края, послужим...

Несколько человек из эмигрантской верхушки встали, намереваясь демонстративно покинуть зал.

Арц, вскинув руку, гневно воскликнул:

— Господин Гринин забывает, что мы еще в силах призвать его к порядку.

— Руки коротки! — раздалось из глубины зала.

Гринин спокойно сказал:

— Если вам не изменяет память, господин Арц, вы однажды уже пытались это сделать.

Арц, стукнув палкой об пол, в бешенстве закричал:

— Сказки Чека! Это вы и ваш брат в 1918 году способствовали убийству знаменитого баса!

По залу прокатился гул.

Бывший поручик Сивков поднялся с места. Арц опять вскинул руку и, призывая к тишине и спокойствию, предупредил:

— Вот кто знает всю правду!

— Да, я скажу. — Сивков сделал многозначительную паузу. — Мне перевалило за пятьдесят. Я сделал своей родине столько зла, что его не искупят и сто лет тюрьмы. Знаю: дорога на родину для меня закрыта! Мне суждено пропасть на чужбине. Но прежде я хочу хоть раз в жизни сказать правду.

Арц беспокойно заерзал в кресле. Его молодчики заняли все выходы из зала.

Сивков, набрав полные легкие воздуха, выпалил:

— Клянусь всем, что есть святого: Арц еще в 1918 году приказывал убить поэта, его жену...

Раздался выстрел. Погасло электричество. Повсюду раздавались возгласы возмущения, испуганные крики женщин...

Когда в зале зажгли свечи, все увидели Сивкова, который стоял, крепко прижимая раненую руку. Стреляли в него бывшие друзья из окружения Арца.

— Это расплата за мои грехи, — стиснув зубы, произнес раненый. — Я завидую вам, Гринин... Я тоже... тоже вернусь. У меня в России дочь. Передайте... пусть не проклинает.

Арц торопливо покидал зал. Его провожали ненавидящими взглядами.

* * *

Тимка будто в воду смотрел: «Мы хотим пожениться». Дина и Иван решили наконец-то соединить свои жизни, поселиться под одной крышей. В небольшой комнате густонаселенной московской квартиры сыграли скромную свадьбу. За столом сидели жених с невестой, гости (они же и свидетели) — Павел с Тимкой. Наутро после свадьбы молодожены должны были отправиться на Южный фронт — на борьбу с Врангелем.

Жених, весь сияя, говорил, обращаясь к другу:

— Ну, Павлуша, ты, брат, сегодня у нас посаженый отец, и сват, и брат, тебе и карты в руки. Хозяйничай, Павлуша, командуй. Живы будем — на серебряную, а там и на золотую свадьбу позовем. Столы будут ломиться от яств...

Неожиданно в дверь постучали.

— Ой, кто бы это? — удивилась Дина.

— Невесте и жениху сидеть! — скомандовал Павел. — Тимофей, ну-ка произведи разведку, кто там — свой или чужой?

Тимка бросился в коридор и оттуда радостно закричал:

— Свой! Свой!

В комнату вошел Балев.

— Христо! — хором воскликнули сидящие за столом.

— Точно така! — пробасил гость и тут же очутился в объятиях друзей.

— Зачем пожаловал, расскажешь потом, — предупредил Павел. — Наш дорогой болгарский друг! Ты присутствуешь на торжественном акте...

— А! — воскликнул Балев, догадавшись, в чем дело. — Свадьба?

— Как вы догадались? — удивилась Дина.

— По глазам, — ответил Балев. — У влюбленных, братушки, самые необыкновенные глаза. Поздравляю, товарищи Дина и Ванюша. Дорогие булка и годеник, — произнес он со смешинками в глазах. — Так у нас называют невесту и жениха. Будьте счастливы и не забывайте, что рядом с вами всегда будут болгарские друзья.

* * *

На московском вокзале воинский эшелон готовился к отправке на фронт борьбы с Врангелем.

Пчелинцев, Павел, Дина, как и положено фронтовикам, были в шинелях, при оружии. Их провожал Балев. Лицо у Тимки было хмурое, обиженное — его не брали с собой.

Пчелинцев говорил провожающим:

— Ничего, Тимка — парень сознательный. Он знает, что главное для него — учиться. А повоевать ему в жизни, может быть, еще придется. Надо отправить его в Питер. Учительница небось заждалась.

Пчелинцев, отведя Балева в сторону, обнял его за плечи и сказал:

— Так и передай своим, Христо. Врангеля мы разобьем. Трудно будет, но разобьем. Иначе нельзя. По призыву Ленина едем. Вон какая сила двинет на юг. Со всех концов к Крыму стягиваются войска. Посмотри на карту. Врангелю нужно или в плен сдаваться, или в море бросаться, или бежать. А бежать придется морем. Понятно, какая получается петрушка, Христо?

— Точно така.

Пчелинцев, понизив голос, продолжал:

— Ваш товарищ надежный, проверенный?

— Абсолютно, — коротко ответил Балев.

— Он будет обеспечивать переброску товарищей Коларова и Димитрова через море в Москву?

— Он и я.

— Ему придется сосредоточиться на крымской операции.

— Ждет инструкций.

— Инструкции получите на месте. Пароль тот же. И вот еще что, Христо. Получено сообщение, что врангелевцы зашевелились. Они много говорят о неприступности Крыма. Нас очень интересует план врангелевской обороны. Еще доносят, что кое-кто из окружения Врангеля считает целесообразным иметь план... эвакуации, иначе говоря, бегства. Видишь, и драпать собираются по плану. Значит, не так уж они уверены в неприступности, надежности крымского орешка. Ждем подтверждения версии об эвакуации.

Пчелинцева разыскал человек в военной форме, протянул ему телеграмму. Иван быстро пробежал текст глазами. Лицо его посуровело. Помолчав, он глухо произнес:

— Убит Бланше. Подло, из-за угла. Добрался-таки до него генерал Покровский. Ну что ж, мы отомстим за тебя, камарад Жорж Бланше, дорогой наш друг.

Балев сжал кулаки, повторил как клятву слова Ивана Пчелинцева:

— Мы отомстим за тебя, камарад Жорж Бланше!

Раздался гудок паровоза. Люди поспешно прощались. Состав тронулся. На последнем вагоне висел плакат со словами: «Крым будет наш!»

* * *

К фешенебельному особняку на ялтинской набережной подъезжали легковые автомобили. Генерал Покровский и Агапов (уже в форме подполковника), выйдя из своих машин, встретились у парадного входа.

— Поздравляю вас, Александр Кузьмич! — дружелюбно протянул руку Покровский. — Барон высоко оценил вашу весьма полезную работу. Очень, очень рад. Надеюсь, что вскоре увижу вас в чине полковника, Александр Кузьмич, а там, может, и в генералы произведут...

— Плох тот солдат, который... — улыбнулся Агапов. — Однако не в этом суть, ваше превосходительство. Я служу России, погоны и чины меня интересуют менее всего.

— Тем более что о них думают многие, — заметил Покровский. — Ну что ж, теперь ваша задача — оправдывать, оправдывать и еще раз оправдывать доверие.

— Надеюсь, ваше превосходительство, и впредь на вашу благосклонность.

— Да, кстати, Александр Кузьмич, можете посылать депешу вашей кузине. Она все еще пребывает в Париже? Не отказалась от мысли приехать сюда? Может, уже обзавелась новыми знакомыми, друзьями и передумала...

— Нет, моя кузина намерена возвратиться в Россию, — сказал Агапов довольно сухо. — Гринина — человек самостоятельный, решительный и, главное, на редкость честный. Она не способна подвести кого бы то ни было.

— Не совсем понимаю вас, — насторожился Покровский.

— Хочу сказать, ваше превосходительство, что тот француз, который так ловко обвел ваших людей вокруг пальца в Севастополе, не имеет никакого отношения к намечавшемуся приезду моей кузины в Крым.

— Что вы, господь с вами! — замахал руками Покровский. — Какое мне дело до этого щелкопера!

— Что же касается приезда моей кузины, то, повторяю, Бланше тут был ни при чем.

— О, полноте, полноте, Александр Кузьмич, что вы говорите! Слово чести, я лично не имею никакого отношения к убийству этого француза. А кузине пишите — пусть приезжает. Мы встретим ее, нашу замечательную

балерину, с надлежащими почестями. Сейчас, насколько мне известно, будем иметь честь выслушать, Александр Кузьмич, ваш доклад о том, как превратить Крым в неприступную твердыню. Моя служба не допустит, чтобы чекисты взорвали нас изнутри.

И оба вошли в зал, где должно было с минуты на минуту начаться важное совещание.

* * *

Группа чекистов действовала в Крыму. С нею должны были поддерживать связь болгарские патриоты, ждавшие в Варне условного сигнала от Христо Балева.

На базаре в Ялте шумела, суетилась пестрая толпа. В Крыму находились не только крупные силы белых. Сюда стеклась масса гражданского населения чуть ли не со всех концов послереволюционной России. Чем больше проходило времени после дислокации в Крыму врангелевской армии, тем больше становилось на местных базарах продающих и меньше покупающих. Интервенты завезли на полуостров не только вооружение, но и массу иностранных товаров. Заморские спекулянты вели бойкую торговлю всякой всячиной. Базары были важным полем деятельности как агентов Покровского, так и чекистов. В торговых рядах с утра до вечера толкался разный люд. Наметанный взгляд мигом выхватывал из пестрой и шумной толпы нужного человека. Служба Покровского выпускала на рынки целые своры агентов, перехитрить которых было далеко не простое дело.

Одним из самых бойких мест на ялтинском базаре была обувная лавка. Рыжебородый хозяин лавки сам шил легкую, очень удобную в носке обувь любого фасона и размера. Лавка его пользовалась большой популярностью у жителей Ялты, в особенности у женщин. Сапожник был человеком обходительным, веселым, мог уступить товар по сходной цене.

Как-то утром в лавку вошла разгоряченная быстрой ходьбой молоденькая женщина и прямо с порога громко, так, что все слышали, обратилась к рыжебородому продавцу со словами:

— Весь базар обегала, никак не найду для барыни нужной обувки. У вас, случаем, не найдется, хозяин, чего-нибудь подходящего?

Даже опытным глазом трудно было узнать в рыже-

бородом Василия Захарова. «Переквалифицировавший-ся» в сапожники, он, бросив взгляд на бойкую покупательницу, спросил:

— Какой товар-то интересует?

— Мягкие домашние туфли для барыни, ноги-то у нее распухли, ни одна обувка не налезает.

— Может, по мерке сшить?

— А можно?

— Состряпаем за милую душу! Срок-то какой дашь?

— Да чем раньше, тем лучше. Прямо беда. Кричит, ругается...

— Ну тогда возьми две-три пары, пущай примерит. Не подойдет — могу за-ради такой красавицы, как ты, за ночь сварганить отменную обувку.

— Ой, спасибо, а какие взять-то?

Рыжебородый выбрал две пары самых больших туфель.

— Пусть примерит. Скажи, что я готов услужить.

Довольная обхождением покупательница со свертком в руках удалилась. Рыжебородый посмотрел ей вслед и, обращаясь к подозрительным типам, толкавшимся в лавке, сказал:

— Хороша разлюли-малина! Эх, хорошо! Хороша, да не наша.

Когда лавка опустела, рыжебородый ушел в соседнюю комнатушку и навел большой бинокль на причаливающее к берегу судно. Он не отводил бинокля до тех пор, пока не увидел спускающихся по трапу на пристань моряков.

Судно было болгарское. Оно доставило оружие для врангелевцев. Многие другие такие посудины с оружием для врагов Советской России члены военной организации Болгарской компартии уничтожали, пускали ко дну, делали все, чтобы груз попадал не к врангелевцам, а в боевые группы Варны, Бургаса и других приморских городов. Это судно благополучно дошло до Крыма потому, что «красному призраку» Чочо по заданию центра надо было проникнуть в Крым, наладить связь с рыжебородым, передать шифровку...

Чочо тоже невозможно было узнать. Он выглядел бывалым моряком с пышными боцманскими усами. Незаметно отстав от группы моряков, которые решили прогуляться по Ялте, Чочо отправился на базар. Он медленно шел вдоль лавок со всевозможным товаром, потом остановился перед витриной с выставленной в ней

дамской обувью. Войдя в лавку, он сказал рыжебородому на ломаном русском языке:

— Надо очень красивые туфли. Для моей булки.

— Как так — для булки? — не понял продавец.

— Понимаешь, это моя женщина, жена. У нас так называют.

— Это у кого же — у вас?

— У болгар. Продается или нет?

— В лавке все продается. На то она и лавка.

— Можно посмотреть?

Рыжебородый снял с витрины туфли, сказал с улыбкой:

— Думаю, что эти понравятся твоей булке.

— О, красивая вещь. Больше искать не буду. У тебя возьму, — обрадовался болгарский моряк.

— Значит, в гости к нам пожаловали? — поинтересовался продавец.

— Да, дня два постоим.

Моряк протянул деньги и, получив коробку с туфлями, стал прощаться.

— Я, пожалуй, еще зайду. С товарищами. У них тоже есть булки.

— Милости просим, ждем с превеликим удовольствием, — радушно ответил продавец и проводил болгарина до дверей.

Оставшись один, Вася запер лавку изнутри, прочел шифровку, полученную от болгарского моряка. Шифровка содержала важное задание: постараться проникнуть в дом генерала Слащова-Крымского, выкрасть из сейфа бумаги, которые имели отношение к планам обороны Крыма. В особняке генерала, где Агапов был частым гостем, обслуживающий персонал был тщательно проверен. Захарову с большим трудом удалось устроить Стешу, жившую у матери под Ялтой, служанкой в доме генерала Слащова-Крымского. Она-то и приходила в лавку к «рыжебородому» за легкими туфлями для своей непомерно полной хозяйки. Рыжебородый получил доступ в генеральский особняк.

Когда Василий, стоя перед генеральшей на коленях, снимал мерку, вошли генерал Слащов-Крымский и Агапов. Захаров, которому встреча с Агаповым не предвещала ничего хорошего, низко опустил голову. Взгляд Агапова на мгновение задержался на рыжебородом, но генерал взял гостя под руку и увел в свой кабинет.

Когда они остались одни, генерал извлек из потай-

ного несгораемого шкафа чертежи, разложил перед Агаповым и принялся осторожно объяснять:

— Это, Александр Кузьмич, как бы продолжение оборонительного плана. На случай возможной... эвакуации. Но прошу вас — пусть останется между нами. Рассчитываю на вашу порядочность, Александр Кузьмич.

Внимательно изучая план, Агапов спросил:

— У вас прислуга надежная, ваше превосходительство?

— А что в нынешние времена надежно, дорогой Александр Кузьмич? Сидя на вулкане, не стоит оглядываться по сторонам. А вы что-нибудь заподозрили?

— Нет, ничего особенного. Бумаги эти, однако, надо хранить в надежном месте. А что за рыжий мужик ползал на коленях перед вашей супругой?

— Насколько я понимаю, сапожник. А что?

— Да, к сожалению, без посторонних в доме не обойтись. Что касается второго варианта, как вы изволили заметить, ваше превосходительство, то я считаю, что план возможной эвакуации заслуживает внимания.

Встреча с Агаповым, которого повысили в чине, вероятно, не за красивые глаза, заставила Василия и его друзей действовать предельно осторожно. Ведь узнай Агапов Василия, вся операция была бы обречена на провал. Через Стешу, проявившую завидную сметливость, Василий точно выяснил, в какие часы дня генерал не бывает дома. Конечно, он мог устроить так, что генеральше пришлось бы несколько раз делать примерку, но его частые посещения особняка могли бы вызвать подозрение. Врангелевская разведка, конечно же, имела среди слуг своих людей — осведомителей. Поэтому Захаров решил действовать иначе: он придет с готовой обувью, и уже тогда...

Наконец-то настал день, когда он явился в особняк с готовыми туфлями. Стеша устроила, чтобы хозяйка приняла его не в прихожей, а в ее покоях. Момент был выбран удачно: генерала с Агаповым дома не было, прислуга на кухне обедала.

Генеральша похвалила работу:

— Ох, прямо будто вновь на свет родилась. Постарался мастер. Стеша, проводи хорошего человека на кухню да угости его хорошенько.

Но Василий, перемигнувшись со Стешей, направился

не в кухню, а к кабинету генерала. Быстро отпер дверь. По описанию Стеши он знал, где находится потайной шкаф в стенке. Отперев дверцу заранее подобранным ключом, вытащил небольшой рулон плотной бумаги, развернул, чтобы убедиться — то ли это, что ему нужно, или нет.

Заслышав шум, Василий поспешно спрятал похищенные бумаги под рубаху, осторожно вышел из кабинета. К особняку подъехали генерал и Агапов. Стеша показала глазами на окно, которое выходило в сад. Первым выпрыгнул из окна Василий, потом помог Стеше. Густой и тенистый сад словно поглотил их. Но садовнику показалось подозрительным, что Стеша и какой-то рыжебородый крались около кустов... Он уже не мог догнать их, поэтому побежал в дом, крича и зовя на помощь... Но драгоценные для беглецов минуты были выиграны. В условленном месте Василий быстро передал морскому «красному призраку» — болгарину Чочо добытые бумаги. Стеша поспешила на окраину города к своей матери. Вскоре туда — другой дорогой — добрался и Василий.

Разве мог тверской паренек Вася Захаров, идя на первую мировую империалистическую войну, предполагать, что через четыре года он станет разведчиком, выполняющим важные поручения в тылу врага? Он, простой сельский парень, с неполными тремя классами. Боевые товарищи любили Васю за веселый нрав, душевность, умение ладить с людьми и дружить. 25 октября 1917 года Василий Захаров был в числе тех, кто штурмовал Зимний. После этого ему не раз приходилось выступать на митингах и собраниях. В огненные дни революции судьба свела его с хорошими, интересными людьми — настоящими большевиками, которые помогли ему овладеть новой для него, трудной профессией разведчика-чекиста. И хотя по документам он значился Василием Прокофьевичем, все — от близких друзей до большого начальства — называли его просто Васей. Все прекрасно понимали, что, несмотря на свою молодость, в деле Вася Захаров был отважен, серьезен, находчив. Эти качества особенно ярко проявились в дни крымской операции.

Выбритый и оттого сразу помолодевший Василий, сидя рядом со Стешей перед большим самоваром, пил чай.

— Ты вот сказала, что это задание стоит тебе пол-

жизни, — говорил он Стеше. — А ведь многие люди за наше пролетарское дело жизни отдают ежедневно, ежечасно... А думаешь, товарищу Ленину легче было? Сколько лет провел он в ссылках! Ни тебе жены, ни родных. А сколько по заграницам мыкался? Враги вон стреляли в него, был на волоске от смерти... Это разве легко выдержать? Революция, Стешенька, требует жертв. Без этого не обойтись. Много врагов против нас. Их нужно перехитрить. А как же! Ты не думай, Стеша, что я родился разведчиком. Время и долг, партийная дисциплина сделали меня таким. Наш Иван Пчелинцев, начальник мой, или сам товарищ Дзержинский, думаешь, всю жизнь шпионов вылавливали и своих разведчиков к врагам засылали? Но раз надо... Партия приказала, и они выполняют, день и ночь не спят, коварные вражьи замыслы разгадывают. Они надеются на таких, как мы с тобой. Вот благодаря той бумажке, которую мы передали болгарину, тысячи, а то и миллионы людских жизней будут спасены. Рисковали-то всего трое: мы с тобой да болгарский друг. Ради тысяч, миллионов, ради большого дела. Вот тебе и арифметика, Стешенька. Не простая, а самая что ни на есть высшая...

* * *

Из сбивчивого рассказа садовника, особенно когда он, показывая на свой подбородок, повторял: «рыжий», «рыжий», Агапов догадался, что через открытое окно вылез тот самый рыжебородый, который на днях показался ему подозрительным. Хозяин дома поспешил в кабинет. Когда он открывал сейф, руки его дрожали. Бумаги исчезли. Агапов раздумывал, как быть в этом случае. Конечно, надо было сообщить Покровскому — случившееся касалось непосредственно его службы, причем похищенные бумаги, конечно ж, будут переданы вражеской разведке. Было ясно, кто на самом деле этот рыжебородый... Но генерал словно прочитал его мысли и испуганно замахал руками. Он знал, что иметь дело с Покровским очень опасно. Агапов понимал состояние человека, которому симпатизировал и доверял. Но что-то надо предпринимать. Выкрадены не любовные письма, не частная переписка, а бумаги большой важности. С растерянным видом хозяин дома повторял, что это конец, что надо пулю в лоб... Агапов успокаивал, говорил, что лучше позвонить самому барону, что это он

берет на себя, что на недовольство Покровского ответит тем, что телефон был занят... Он уже взял трубку телефона, но назвать нужный номер не пришлось. В кабинет стремительно вошел Покровский. Нюхом опытного разведчика он понял: что-то произошло. Быстро подошел к открытому сейфу, строго спросил:

— Что здесь было?

Хозяин дома опустил голову.

— Преступное легкомыслие? — повысил голос Покровский. — Служебные бумаги?

— Разные, — старался быть спокойным Агапов.

— Кто? — рявкнул Покровский и сам же ответил: — Что это за рыжебородый?

Было ясно, что садовник уже доложил ему о происшедшем.

Агапов пожал плечами. Покровский принялся нервно крутить ручку телефонного аппарата. Услышав голос телефониста, потребовал срочно соединить со своим заместителем Полищуком.

— Немедленно окружить порт! Закрыть все входы и выходы из города. Останавливать все виды транспорта. Проверять всех... всех, черт вас побери! Окружите базар. Немедленно! Схватить рыжебородого сапожника живым или мертвым. Я сейчас буду!

Прежде чем оставить кабинет, Покровский угрожающе произнес:

— Я немедленно доложу главнокомандующему. Не дай бог, если ваши бумаги, которые с таким преступным легкомыслием держались в шкафу, станут достоянием красных!

Ищейки Покровского с ног сбились, выполняя строгий приказ разгневанного шефа. Словно злые коршуны, налетели они на базар, ворвались в обувную лавку рыжебородого, перевернули все вверх дном, но ничего не обнаружили. Низкорослый, юркий человечек что-то на ухо сказал подполковнику Полищуку. И тут же десятка три всадников поскакали на окраину города. К базарной площади подкатил сам генерал. Подполковник Полищук доложил Покровскому обстановку, кивнув в сторону умчавшихся всадников. Генеральский автомобиль двинулся в том же направлении. Подполковник Полищук, сидя на заднем сиденье, выслушал угрозу генерала:

— Не схватите красных агентов, пеняйте на себя, подполковник.

* * *

А дом, где находились Стеша с Василием, был окружен. Василий заметил за окном подозрительную тень. Он выхватил пистолет, осторожно выглянул в окно. Каратели! Он бросился к двери и закрыл ее на засов. Во дворе раздался первый выстрел.

— Мама, где мама? — тревожно спросила Стеша.

Донесся шум подъехавшего автомобиля. Василий увидел, как из машины вышел сам генерал Покровский.

— Предложите немедленно сдаться, — распорядился генерал.

— Эй вы, сдавайтесь, не то перестреляем как собак! — крикнул Полищук. — Считаю до десяти.

Послышался звон разбитого стекла.

— Живыми не сдадимся! — сказал Василий Стеше и протянул ей второй пистолет.

Василий и Стеша начали стрелять.

Головорезы Покровского вытолкнули на середину двора мать Стеши в изодранной одежде, избитую... Старушка еле держалась на ногах.

— У, гады, — простонал Василий.

Стеша стояла с закрытыми глазами, побледневшая, губы ее тряслись.

Василий выстрелил в карателя, который занес руку, чтобы ударить старую женщину.

— Стреляйте, убивайте ворогов, дети мои! — крикнула мать и, раскинув руки, шагнула к дому. Раздались выстрелы, женщина упала на землю. Василий прицелился в подполковника Полищука, и тот свалился неподалеку от матери Стеши.

— Получай, собака! — сказал он. — Эх, жалко — нету гранат. Ты только не попадайся на мушку, Стеша. Голыми руками они нас не возьмут!

После каждого выстрела Василий говорил:

— За Тиграна. За Бланше...

Покровский в бешенстве крикнул:

— Сжечь, спалить живьем!

Соломенная кровля загорелась.

Василий и Стеша продолжали стрелять, но густой дым повалил в комнату.

— Будем драться до последнего! — решительно произнесла Стеша и с ожесточением принялась палить в карателей.

Из-за дыма было трудно что-либо увидеть, глаза

слезились, перехватывало дыхание. Василий и Стеша крепко обнялись. Они стояли, прижавшись друг к другу, в дыму и пламени.

Дом пылал, словно гигантский костер. Грозно бушевало пламя...

* * *

Болгарское судно выходило из ялтинской бухты. Моряки с палубы заметили пожар на берегу. И, словно догадавшись, какие отважные сердца гибнут в огне, на судне включили сирену.

В марсельском порту гудело другое судно. Французское. Большой пассажирский пароход медленно отшвартовался от пристани. На палубе в толпе пассажиров стояли Гринины. Леопольд, оставшийся на берегу, махал им рукой. Рядом с ним стояла вся в черном Сюзан Легранж. Она тоже махала рукой Грининым. Взгляды Леопольда и Сюзан встретились. Леопольд смущенно отвел взгляд, попытался выбраться из толпы провожающих и зевак. Но Сюзан последовала за ним. Леопольд настороженно покосился на молодую француженку в трауре. Он, конечно, узнал ее. Что она хочет сказать ему? «Если скажет, что я подлец, что я виновен в гибели Бланше, она будет права», — подумал Леопольд. Стоило ему в тот день, когда этот негодяй по имени Жюстен вызвал его на провокационный разговор, сказать, что Бланше не имеет никакого отношения к решению Грининых ехать в Крым, эта женщина сейчас не носила бы траур. Да, тогда он вел себя как подлец и трус. О, теперь бы он поступил иначе, не дал бы втянуть себя в опасный разговор, который имел столь трагическое последствие. Теперь ему многое стало ясно. Правда, он не захотел вернуться с семьей брата в Россию. Он еще подождет. Но и здесь он не засидится. Надо уладить кое-какие дела, и адью, Париж, адью, Франция.

А Сюзан уже говорила. Леопольд понял, что она не спрашивает. «Неужели она уверена, что я виновен в убийстве, и не считает нужным ни о чем спрашивать?» Леопольд многое бы дал, чтобы эта встреча не состоялась, чтобы ему не приходилось смотреть в печальные глаза красивой молодой француженки. Эта мужественная женщина держалась спокойно. Сюзан сказала:

— Мой муж мечтал еще раз побывать в России. Его убили. Но я поеду. Меня тоже могут убить. Но всех

друзей России, новой России, убить нельзя. Я хотела бы, месье, чтобы вы это знали.

Леопольд молчал. Пока он раздумывал, что ответить, Сюзан обернулась в сторону уходящего судна, помахала рукой. И вдруг Леопольд заметил в толпе того негодяя по имени Жюстен Симон. Он вздрогнул. Боже, убийца и невеста его жертвы стоят почти рядом! Стоит сказать об этом окружающим, среди которых было много рабочих и моряков, как люди совершат над ним правый суд. Леопольд решительно подошел к нему и быстро сказал:

— Месье, на пару слов.

Француз какое-то мгновение изучал лицо Леопольда, потом сделал вид, будто обрадовался неожиданной встрече.

— О ля-ля! Рад видеть вас, месье Гринин! — с притворной улыбкой воскликнул он.

— Да, я Гринин, а вы кто? — хмуро произнес Леопольд.

— Известный вам...

— Жюстен Симон? Сосед по улице? Так, кажется, вы представились, когда интересовались Жоржем Бланше?

Француз перестал улыбаться. Подошла Сюзан.

— Вот этот господин... убил вашего Бланше, — сказал ей Леопольд.

Жюстен Симон тревожно озирался. Его окружали настороженно молчащие люди, которые слышали слова русского эмигранта. Из толпы вынырнула молоденькая продавщица из магазина для новобрачных. Она тоже не спускала с Жюстена Симона пристального взгляда, видно, узнала его. Потом вытащила из сумки скомканные ассигнации, которые тот дал ей на траурные ленты для Бланше. На немой вопрос Сюзан продавщица с волнением ответила:

— Это он мне дал, чтобы я послала вам черные ленты. Это он... убил, я уверена...

Кольцо людей все теснее сжималось вокруг насмерть перепуганного человека, уличаемого в убийстве Бланше.

— Ничего. Он получит свое, — пообещал старый француз, обращаясь к Сюзан и молоденькой продавщице. Жюстен сделал рывок, чтобы выбраться из опасного окружения, но это ему не удалось.

— Ты за все ответишь! — сказал старый француз, и четверо моряков крепко схватили Жюстена за руки.

Леопольд, Сюзан и продавщица вышли из кольца разгневанных людей.

Леопольд некоторое время стоял в замешательстве, потом сказал Сюзан:

— Простите.

И быстро удалился.

Показывая на людей, окруживших Жюстена, продавщица спросила у Сюзан:

— Они... коммунисты?

— Справедливые, честные люди, — ответила Сюзан.

Обе француженки посмотрели на горизонт. Большой белый пароход превратился в темную точку.

* * *

Точка на горизонте не уменьшалась, а росла и росла, превращалась в большой корабль. Но это был другой корабль, на другом горизонте, в другом море. И видела его с палубы французского парохода, входившего в варненский порт, Анна Гринина. Все пассажиры высыпали на палубы и смотрели на то, как вдали один за другим, словно в боевом строю, появлялись таинственные корабли.

Костик считал:

— Раз... два... три... четыре... пять... шесть... Ой, как много кораблей! Чьи они, мама?

— Не знаю, Костик. Сейчас узнаем, — ответила Анна Орестовна, с тревогой вглядываясь в горизонт.

Рядом пассажиры, в основном русские, высказывали различные предположения о кораблях, число которых увеличивалось.

— Похожи на русские корабли.

— А броненосец, который впереди, французский.

— Господи, уж не из Крыма ли они?

— На похоронную процессию похоже, ей-богу.

— Только черных флагов не хватает.

— Чует мое сердце — наши.

— Если наши, стало быть, битые.

— Надо спросить у капитана.

— Все выяснится в порту.

— На суше нет покоя, на море то же самое.

— Вот будет история, если застрянем здесь!

Французский пароход слишком медленно, словно нехотя, подходил к пристани, на которой собралась большая толпа. Пассажиры всматривались в незнакомых

людей. Часть пассажиров, как заранее условились с французской пароходной компанией, следовала в Крым. Таких было больше, чем тех, кто возвращался в центр России. Французский пароход должен был после остановки в Варне следовать в Крым. Те, кто направлялся в другие места, должны были пересесть в Варне на пароход, который будет держать курс на Одессу. Но когда появится пароход, который доставит их в Одессу, никто точно не мог сказать. Поэтому все были готовы к тому, что в Варне придется задержаться на день-два, а может, и больше.

После получения письма от Дины и разговора с Сюзан Легранж супруги Гринины отказались от мысли ехать в Крым. На этой почве вспыхнул еще один крупный скандал с Леопольдом. «Нет, только в Одессу, а оттуда в Питер!» — заявила Анна Орестовна, и супруг самым решительным образом поддержал ее. После неудачных попыток склонить супругов все же добраться до Крыма, а потом, дескать, видно будет, что и как, Леопольд обиделся и сказал, что остается в Париже.

Пристань была все ближе и ближе. Гринины, конечно же, не рассчитывали на то, что их кто-нибудь здесь может встретить. И вдруг Анна Орестовна увидела на самом краю пристани высокого мужчину, энергично размахивающего руками. Она не узнала его, но почувствовала, что он машет им.

— О, смотри, тот болгарин! — воскликнул Кирилл Васильевич.

Анна Орестовна даже руками всплеснула: как же она сразу не признала в этом человеке своего давнего знакомого Христо Балева. Правда, Христо обзавелся усами, но все равно его можно было узнать.

Когда Гринины сошли по трапу на пристань, Балев радостно приветствовал их по-болгарски:

— Добре дошли! — И тут же перевел: — Добро пожаловать! Здравствуйте! Очень рад вас видеть на болгарской земле.

— Здравствуйте, — ответила Анна Гринина. — Мы, право, не думали... Такая неожиданная встреча. Вы-то как очутились на пристани? Случайно или встречаете кого?

— Вас встречаем! — воскликнул Балев. — Сейчас придут мои друзья.

— А вы знали, что мы должны прибыть в Варну? — удивилась Анна Орестовна.

— Плохими мы были бы хозяевами, если бы не знали, что делается в нашем море, — пошутил Балев. — Поддерживаем связь с советскими товарищами. С Иваном и Диной. Они-то и сообщили, куда вы держите путь. В общем, что будет остановка в Варне.

— А что это за караван кораблей? — спросил до тех пор хранивший молчание Кирилл Васильевич.

Люди, стоявшие на пристани, не сводили глаз с растянувшихся вдали длинным строем кораблей.

— Остатки армии Врангеля, — объяснил Балев. — Бегут из Крыма.

— Ой, как много! — удивился Костик. — У меня уже шестьдесят пять, а они все идут, идут...

— Еще столько насчитаешь, и будет конец, — сказал Балев.

— Из Крыма? — испуганно переспросила Анна Орестовна. — Значит, и Александр...

На пирсе стало шумно, большая толпа обступила группу мужчин в форме французских моряков.

Балев говорил Грининым:

— Ваш капитан получил инструкцию не продолжать рейс. В Крыму уже другой хозяин. Там Советская власть. Вот пассажиры и атакуют судовое начальство. Хотят знать, что будет дальше.

— Это естественно, — смущенно произнесла Гринина. — А мы ведь раньше собирались было туда... В Крым.

Кирилл Васильевич, помрачнев, сказал:

— Должно быть, и Александр Кузьмич находится на одном из этих кораблей.

Караван врангелевских судов был виден все отчетливее. Вероятно, они держали курс не на Варну.

Балев твердо произнес:

— Ваш кузен, Анна Орестовна, как и многие другие, думал, что Крым неприступен для Красной Армии. А вышло вон как... Они плывут к турецким берегам.

— Что же будет с ними? — в растерянности спросила Анна Орестовна.

И, словно отвечая на ее вопрос, французский моряк с высокого трапа объявил:

— Господа! Уважаемые дамы и господа! Наше судно ввиду чрезвычайных обстоятельств дальше не пойдет. Капитан судна предлагает пассажирам, желающим вернуться в Марсель, занять свои места в каютах. Нам надо точно знать, кто возвращается, а кто остается здесь.

За пересадку на другие суда, идущие в Россию, капитан французского судна ответственности не несет. Уважаемые дамы и господа, прошу вас занять свои места в каютах.

Балев как гостеприимный хозяин сказал Грининым:

— Вам, я знаю, надо побыстрее домой, в Россию. Мы это сделаем. Обязательно сделаем. Я хочу сказать, что здесь, на нашей земле, вы желанные гости. Вы будете здесь чувствовать себя как дома. Хотя власть еще не в наших руках, но будет. Точно така!

— Сто! Уже сто! — воскликнул Костик. — Сто кораблей.

— Куда же это они? — с беспокойством спросила Анна Орестовна. — Несчастные, горемычные! Что их ждет на чужбине?!

Подошли Чочо и еще несколько знакомых Балева. Христо, взяв за руку красивую застенчивую девушку, сказал Анне Орестовне:

— Она давно мечтала с вами познакомиться.

Анна Орестовна протянула зардевшейся девушке руку:

— Очень рада. Христо — наш давний знакомый.

— Иванка, — назвалась девушка. — Я много о вас слышала. У нас большой дом, места для всех хватит. Приглашаем вас в гости.

— О, большое спасибо, но нам надо решить, как быть дальше, — сказал Кирилл Васильевич.

Балев, показывая на Чочо, пообещал:

— Он у нас начальник всего Черного моря. Чочо, доставим наших друзей в Россию?

— В Советскую Россию — с удовольствием, — засмеялся Чочо.

Кирилл Васильевич спросил:

— Какое-нибудь судно идет в Россию?

— Судно нет, но лодка всегда в вашем распоряжении, — ответил Чочо.

— Лодка? А если шторм, если девятый вал? — спросил Кирилл Васильевич.

— Нет, при девяти баллах мы не ходим, — ответил Чочо.

— При девяти баллах даже корабли Враигеля не ушли бы из Крыма.

— Красная Армия, точно девятый вал, сбросила белых в море, — серьезно произнес Балев.

— Надеюсь, мы не угодим в морскую пучину? — спросил Кирилл Васильевич.

— Нет, конечно. Мы бережем жизнь друзей, — ответил Балев. — А сейчас вас ждет гостеприимная земля. Иванка, принимай дорогих гостей.

Друзья повели Грининых в город.

— Сто тридцать два, — закончил свой подсчет врангелевских кораблей Костик.

Остатки добровольческой армии барона Врангеля дислоцировались на Балканском полуострове. Один полуостров — Крымский — уже не принес успеха врангелевцам. Каким будет для них второй? Пребывание на Балканах началось для врангелевцев неудачно. Климатические условия полуострова Галиполи и острова Лемнос, отношение мусульманского населения к «морскому десанту» из Крыма не способствовали главной задаче: сохранить боеспособность армии. Командование начало подумывать о более подходящем месте. Болгария и Югославия находились ближе к границам Советской России. Это было главным для тех, кто вынашивал авантюрную идею нового вторжения на советскую землю. Началась поспешная реорганизация армии Врангеля — кому следует перебраться в Болгарию, кому в Сербию, кому соединиться с остатками деникинцев, петлюровцев... Демократическое правительство во главе с лидером Болгарского земледельческого народного союза А. Стамболийским, которое в то время добилось внушительного успеха на парламентских выборах и имело возможности для установления дипломатических контактов с молодым Советским государством, не желало размещения врангелевских войск в стране. Однако командование войск Антанты оказало большое давление на болгарское правительство, принудив принять часть врангелевцев для дислокации в различных населенных пунктах. Врангелевцы предпочли населенные пункты, расположенные ближе к границе с Россией, самое крупное соединение — корпус генерала Кутепова — было размещено в городе Велико-Тырнове на севере Болгарии. Через два месяца после размещения в Болгарии барон Врангель высокопарно заявил, что его армии уготована историческая миссия стать основным ядром военного нападения на Совдепию и реставрации царизма. Весной 1921 года в этом плане на врангелевцев возлагались большие надежды. В Париже и Лондоне была достигнута договоренность о «малом соглашении» между Югославией, Ру-

мынией, Чехословакией, Болгарией и Грецией — речь шла об объединении балканских и придунайских государств для вооруженной интервенции против большевистской России. Болгарская территория стала удобным трамплином для врангелевской армии, которую называли главной черной фигурой на шахматной доске в подготовке новой интервенции.

* * *

Там, где недавно еще был дом, чернело страшное пожарище. У пепелища с суровыми лицами стояли участники штурма Крыма. Иван Пчелинцев с рукой на перевязи, Дина в косынке медсестры и Семен Кучеренко, подъехавший на тачанке, молча, опустив головы, смотрели на свидетельство злодеяний Покровского и его приспешников.

В честь погибших Василия Захарова и Стеши прогремели ружейные залпы.

Двое красноармейцев подвели к Пчелинцеву чернявого парня в гражданской одежде. Парень смущенно улыбался... Один из красноармейцев что-то сказал Пчелинцеву.

— Из Варны? — спросил Пчелинцев у парня.

Парень отрицательно мотнул головой.

— Ты болгарин? — удивился такому ответу Пчелинцев.

Парень так же покачал головой и сказал на своем языке:

— Да, я болгарин, Ванко. Иван.

— Ничего не пойму, — сказал Пчелинцев. — Говорит, что болгарин, а головой так качает, что выходит, он не болгарин.

Дина напомнила:

— Ты разве забыл, что говорил Христо? У болгар, когда отрицательно качают головой, это значит «да».

— Из Варны? — переспросил Пчелинцев.

Ванко обрадовался:

— Из Варны. Мне нужен товарищ Иван Пчелинцев.

— Я и есть Иван Пчелинцев. Ты от товарища Чочо?

— Да. И от Христо Балева.

Пчелинцев протянул руку, и молодой болгарин передал ему бумажку с зашифрованным текстом. Пробежав текст глазами, Иван сказал Дине:

— Сообщают, что все Гринины в Варне. Христо при-

ютил их у себя. У Кирилла Васильевича плохо с сердцем. Ждут его выздоровления. При первой возможности выедут домой.

Дина молча пожала руку мужа, отвернулась, чтобы скрыть набежавшие на глаза слезы.

* * *

Внезапная болезнь Кирилла Васильевича задержала Грининых в Варне. Дом, где они жили, стоял на самом берегу, из окон открывался вид на море. Болгарские друзья окружили своих гостей заботой и вниманием. Глядя на такое искреннее, доброе отношение к своей семье, Кирилл Васильевич оттаял и стал относиться к Христо Балеву дружески. Он даже посвятил стихотворение Варне.

Ждали выздоровления Кирилла Васильевича и удобного пароходного рейса, чтобы вернуться на родину.

Кирилл Васильевич лежал на кушетке в большой светлой комнате и читал газету. Анна Орестовна примеряла Костику блузу.

— Они в Турции! — вдруг громко сказал Кирилл Васильевич.

Анна Орестовна взяла газету и стала вслух читать заинтересовавшее ее сообщение.

— Да, высадились в Турции... В Цареграде, в Галиополи, на острове Лемнос, — с волнением сказала она. — Боже, сколько их! Десятки тысяч! И среди этих несчастных, этих отверженных, наверное, Александр.

— Если, не дай бог, не... остался на крымской земле, — осторожно заметил Кирилл Васильевич.

Раздался стук в дверь, вошел Чочо с письмом в руке.

— Здравствуйте, дорогие, — сказал он, — вот самая свежая почта и самая надежная. Из рук в руки.

Анна Орестовна взглянула на конверт, радостно вскрикнула:

— От Дины!

Чочо дал Костику большое яблоко и незаметно вышел.

Прочитав письмо, Анна Орестовна устало опустила руку и тихо сказала:

— Боже мой, мы не поехали в Крым, а там... сейчас... Дина. Она зовет нас. Пишет, что в Петрограде появился очень способный молодой глазник... Фатьянов,

кажется, да, Фатьянов. Обещает все точно разузнать, поговорить с ним.

— Выходит, это Дина со своим красным супругом прогнали Александра с земли российской, — в голосе Кирилла Гринина была ирония.

— Похоже на бурю, — сказала Анна Орестовна, сильно сжав виски руками.

— Нет, это не буря, а девятый вал. Для тех, кто потерпел поражение в Крыму, это сравнение больше подходит. Девятый вал... Кто на гребне, кто в пучине...

— Только бы он был жив. А там будет видно. Со временем, может, разберется во всем, поймет Динину правду.

— А твою?

— Что мою? Я за бортом. Не на гребне и не в пучине. Мне земля нужна, Кирилл, твердь нужна, а там я найду и правду и дорогу...

* * *

Ночь опустилась над морем. Небо было беззвездное, с быстро плывущими черными, словно разорванными в клочья облаками. Из рыбацкой хижины вышли трое мужчин. В темноте раздался голос Христо Балева:

— Чочо, значит, ты понял? Выбраться из Варны очень трудно. Береговая охрана всех останавливает, конфискует суда, лодки, а задержанных передает в руки властей. Я бы отправился с вами, но получен приказ остаться здесь. Врангелевская армия у нас под боком. Черный барон очень опасен. Товарищей из руководства ЦК партии надо переправить в Москву любыми способами. У тебя есть вопросы?

— Все ясно, Христо. Постараемся выполнить задание. А ты куда?

— Скажу только, что мы с тобой, Чочо, поедем в разные стороны.

— Все ясно, Христо. Удачи тебе.

В темноте появилась группа людей. Христо Балев сказал:

— А вот и твои пассажиры, Чочо. Рейс очень ответственный. Товарищ Георгий Димитров должен быть в Москве.

* * *

Леопольд стоял перед магазином для новобрачных. Мимо проходила старушка, предлагавшая букетики цветов. Леопольд пошарил в карманах пальто. Мелочи там не оказалось. Найдя несколько мелких монет в кармане пиджака, Леопольд купил букетик и, не зная, куда его деть, сунул в карман пальто.

Из магазина вышла молоденькая продавщица. Леопольд подошел к ней. Она не сразу узнала его. Леопольд сказал:

— Прошу прощения, мадемуазель, меня привело к вам любопытство. Помните, в порту... вы передали тому типу... убийце Бланше черный бант...

— Ах, месье, я помню вас. Вы, кажется, из русских...

— Эмигрантов, — подсказал Леопольд.

— Вы были другом Бланше? Вы тоже коммунист, месье?

— Не друг и не... коммунист. Я просто... сам по себе. К тому же одинокий.

— Почему, месье? Ваши родные оставили вас? — участливо спросила молодая француженка.

— Я сам остался. Разрешите представиться: Леопольд Гринин.

— Катрин.

Леопольд вытащил из кармана букетик и протянул его француженке. Эта девушка была ему чем-то симпатична. После короткой встречи в Марселе тянуло повидаться с ней, но он не решался, откладывал день встречи...

— О, мерси, мерси, месье Леопольд. Я так люблю цветы, — искренне обрадовалась Катрин.

— Больше подвенечных платьев?

— Они чужие... платья. А цветы... Мне всегда, с детства, казалось, что все цветы — мои.

— Почему вы не стали цветочницей? — спросил Леопольд, осторожно взяв под руку Катрин.

Они шли через шумные Елисейские поля.

— С меня хватит цветов в моем доме, месье Леопольд.

— Вы разводите цветы?

— О, у меня царство цветов! — похвалилась Катрин.

— У вас свой сад?

— У меня не сад, а царство! — Француженка загадочно улыбнулась.

Они направились в один из пригородов. Катрин остановилась около небольшого домика, утопающего в цветах.

— Да, поистине царство, — признался Леопольд, не скрывая своего восхищения.

Сад был небольшой, но цветов в нем оказалось огромное множество. Леопольд подумал, что Катрин вовсе не преувеличивала, когда говорила о том, что у нее не сад, а царство цветов. «Надо, наверное, очень любить жизнь, любить людей вокруг себя, жить мечтой и верой в прекрасное, светлое, чтобы все свободное время, свою молодость отдавать этому великолепию», — подумал Леопольд. Но то, что он увидел в садике, было еще не все «царство цветов». Катрин пригласила его следовать за ней, и они очутились в приземистом строении со стеклянной крышей, где росли никогда не виданные Леопольдом цветы.

— Это мой мир, — проникновенно произнесла Катрин, — мир цветов. У меня здесь все страны, все большие города... У каждого свой цвет. Вот голубая Франция. Моя милая Франция под голубым небом. А оранжевый цвет... это Австралия с ее прелестным зверьком кенгуру. Белые цветы напоминают о полюсе Северном и полюсе Южном. Это цвет белых медведей и ледяных торосов. А вот ваши... красные. Алые цветы. Цвет революции. Красная Россия.

Катрин сорвала красную гвоздику, прикрепила к лацкану пиджака Леопольда.

— Чтобы помнили...

— Вас? — быстро отозвался тронутой этим поступком Леопольд.

— Вашу Россию.

— Она не... моя.

— Как так? Ваша Россия... О ней много говорят, о вашей России. Там теперь, я слышала, все равные. Вы не хотите быть равным, месье Леопольд?

— Это все не так просто, а, вернее, очень сложно...

— А когда тебя... всю жизнь окружают одни цветы... Это просто? На столах, на окнах — всюду цветы, цветы, цветы.

— Каким смешным и жалким выглядит в этом царстве цветов мой букетик, — смущенно произнес Леопольд.

— Не бойтесь выглядеть смешным, — неожиданно назидательным тоном, как учительница, сказала Катрин.

— Часто это зависит не от нас.

— Там... в порту, вы выглядели растерянным, но... честным. За это вам награда, месье Леопольд. Первая награда из этого царства красоты...

Катрин быстро набрала букетик цветов и церемонно, как на торжествах, протянула гостю.

Леопольд в душевном порыве поцеловал руку, в которой эта милая девушка держала цветы.

* * *

В своем кабинете Иван Пчелинцев стоял перед большой картой Балканского полуострова. Обводя острием карандаша небольшой участок в Турции, он говорил своим сотрудникам:

— Христо Балев сообщает, что значительная часть врангелевских войск, примерно тридцать тысяч, дислоцированная в Турции, перебрасывается в Болгарию. Как видите, стремятся быть поближе к нашей границе. Что замышляет черный барон — наши враги держат в строжайшей тайне. Одно ясно, еще раз повторяю: они хотят быть ближе к России. И, конечно, не исключено, что в Болгарии они рассчитывают на более тесный контакт с населением, которое издавна и традиционно уважительно относится к русскому народу как своему освободителю.

Вошел секретарь, протянул Пчелинцеву пакет.

— Ну вот, — сказал Пчелинцев, прочитав бумагу, — первые корабли с врангелевцами уже прибыли в Варну, в Бургас. Предвидя это, мы имели встречи с болгарскими товарищами. Предварительные встречи, ибо мы не знали точно о дальнейших планах Врангеля. В возможном противоборстве врангелевскому штабу у нас должны быть надежные товарищи. Товарищ Ленин внимательно следит за событиями на Балканах. В Москву приезжает член руководства Болгарской компартии товарищ Георгий Димитров. На встречу с Владимиром Ильичем. Балканы были и остаются пороховым погребом. Если дать возможность черному барону поджечь фитиль, то от этого пострадают не только Балканы...

Зазвонил телефон. Пчелинцев взял трубку.

— Да. Феликс Эдмундович, готовимся, — произнес он. — Собрались специалисты по Крыму. Данные о Балканском полуострове? Так. Какие возможности для размещения врангелевцев? Да, все материалы будут подго-

товлены. Есть. Понял. Передам товарищам ваш привет. До свидания, Феликс Эдмундович.

Положив трубку, Пчелинцев как бы подвел итог разговора с чекистами:

— Поняли важность задачи? Думаю, что Владимир Ильич готовится к встрече с товарищем Георгием Димитровым, и ему нужен свежий материал о положении в Болгарии.

* * *

С каждым днем все больше врангелевцев прибывало в Болгарию. По улицам Варны к порту стекались толпы людей. Среди них была и Анна Орестовна. Те, кто стоял на пристани, смотрели, как по трапам сходят с кораблей русские генералы, офицеры, солдаты... Гринина внимательно всматривалась в лица прибывших. Казалось, уже все сошли на берег, а того, кого хотела увидеть Анна Орестовна, не было. «Может быть, он прибудет позднее, говорят, еще не все суда пришли из Турции в Варну», — подумала она. Ей хотелось спросить у офицера, который распоряжался выгрузкой людей, знает ли он что-нибудь о судьбе Агапова Александра Кузьмича, до последнего дня находившегося в Крыму, но чей-то громкий возглас «Раненых будут выгружать!» остановил ее. Она с возросшей тревогой всматривалась в подошедшие к причалам три парохода.

Раненых начали высаживать с первого корабля. Анна Орестовна подошла поближе к трапу, чтобы лучше видеть раненых. У большинства из них были перевязаны головы, некоторые опирались на костыли...

Подполковник Агапов сошел по трапу одним из первых. Он чуть прихрамывал, опирался на толстую трость.

— Александр! — крикнула Анна Орестовна и бросилась к трапу.

— Аннушка! — Агапов был поражен этой неожиданной встречей.

Они обнялись. Александр Кузьмич почувствовал под рукой вздрагивающие плечи кузины. Он сказал:

— Аннушка! Ты не доехала? Это я виноват. Не думал, что нас так... быстро сбросят в море.

— Мы на хорошей земле, Александр, — говорила она. — Ты ранен? Серьезно?

— Еще пригожусь...

— Куда тебя?

— В госпиталь, должно быть.

— Ну а что ждет вас завтра, Александр?

— Человек предполагает, Аннушка, а бог располагает... Скажи, как Костик?

— Все по-прежнему.

— А заграница...

— Не помогла. Мы оказались в руках авантюриста, шарлатана...

— О, мерзавец!

— Дина пишет о каком-то светиле в Питере.

— Она все еще там?

— В Крыму. С мужем. Они вас и... сбросили в море, Александр. Все смешалось. Родные люди, близкие оказались на разных берегах.

— Ты должна думать о спасении сына, Аннушка.

— А тут еще Кирилл заболел. Сердце. Почти ничего не пишет.

— А ты?

— Давно не танцую. Да и не до этого. Пора на покой. Детвору надо учить... А пока думала о возвращении. Соскучилась, Александр, по дому, по родине ужас как...

Мужчина в белом халате громко объявил:

— Господа офицеры, в госпиталь следуем на автомобилях.

Человек с бородкой и усами не закончил фразу, увидев рядом женщину, лицо которой показалось ему очень знакомым. Медик снял фуражку и осведомился:

— Простите великодушно, вы, случаем, не госпожа... Гринина?

Анна Орестовна на ходу кивнула и пошла вместе с Агаповым к автомобилю.

Медик сказал, обращаясь к раненым офицерам:

— Надо же! Эта дивная балерина здесь! В двух шагах!..

— Господин доктор, после нашего бегства из России нам суждено еще многих, очень многих увидеть на чужбине, — хмуро проронил офицер с перевязанной головой.

ЗАГОВОР НА РАССВЕТЕ

Поздно вечером по трапу военного корабля поднялись двое мужчин в пальто и шляпах. У входа в кают-компанию им козырнули несколько офицеров, помогли раздеться. Пришедшие оказались в генеральских мундирах. Их ввели в большое помещение, посреди которого за длинным столом сидело десятка два высших офицеров бежавшей из Крыма добровольческой белой армии. Присутствующие встали. Один из пришедших — генерал от инфантерии Кутепов — сделал знак рукой, и все сели. Спутником командира корпуса врангелевской армии Александра Павловича Кутепова был генерал Покровский. Заняв место во главе стола, Кутепов медленно обвел всех тяжелым взглядом уставшего, потерявшего сон и покой человека, затем хриплым голосом заговорил:

— Господа, я уполномочен сообщить вам следующее. Союзнический комитет определил местопребыванием войска нашего, находящегося под началом высокочтимого главнокомандующего барона Петра Николаевича Врангеля, Болгарию. Наши гарнизоны размещаются без малого в двадцати городах и их окрестностях. Но, господа, по настоянию здешнего правительства нам поставлены... некоторые условия, о чем необходимо вас уведомить. Первый корпус, которым я имею честь командовать, как и все войско наше, господа, отныне необходимо по мере возможности приспосабливать к труду...

За столом раздались возгласы недовольства.

— Господа! — повысил голос Кутепов. — Прошу обратить внимание на нюанс. Приспосабливать по мере возможности. По мере возможности. Это фасад, господа, фасад во исполнение решения союзнического комитета, от воли которого мы зависим, очутившись за пределами империи нашей. И конечно, чтобы не вызывать недовольства демократического правительства, с которым мы должны считаться. Посему нам предстоит, господа, вписаться в быт народа, который оказывает русскому

воинству если не восторженный прием, то пока отнюдь и не враждебный. Нам нужны среди населения не враги, а друзья. Как можно больше друзей. Тогда будет легче снять одну вывеску и заменить ее другой. Главное, господа, что добровольческая армия живет, представляет собой, мягко выражаясь, боевую единицу, готовую к продолжению своей священной миссии. Она — я в этом уверен — будет большой, решающей силой, силой для грядущих ударов по красной Совдепии. Эту силу, господа, надо сохранить и умножить. Мы должны быть готовы к тотальной интервенции. На этот счет еще последуют распоряжения. Господа, армия — это прежде всего дисциплина. Без нее, без послушания, без готовности выполнить любой приказ армия превращается в сброд, в потенциального пособника противника, в опасную язву, в позор России. В царстве болгарском, по нашим данным, о которых подробнее сообщит генерал Покровский, есть влияние местных коммунистов, как и большевиков. Многие приверженцы премьера Стамболийского, члены пришедшей к власти Земледельческой народной партии вряд ли проявят к нам дружелюбие, ибо крестьянская партия, как и коммунистическая, не замедлила выразить свое одобрение большевистскому перевороту в России. Так что в контактах с ними возможны нежелательные эксцессы. К этому надо быть готовым. Воинская доблесть, преданность России должны сочетаться с дипломатией, умной гибкой тактикой, всем нашим поведением сообразно с национальными особенностями народа. Мы должны крепко держаться за болгарский трамплин, беречь его как зеницу ока, как святую надежду на грядущую нашу победу. Аминь, господа!

* * *

Под покровом темноты к пустынному скалистому берегу причалила шлюпка. Словно из-под земли вынырнувшие Балев и Ванко помогли людям в лодке сойти на берег.

— Ну, добро пожаловать на болгарскую землю, — приветствовал Христо своего давнего друга Семена Кучеренко, крепко обняв его.

— Если бы не Чочо, то не пробились бы, — признался Кучеренко.

— Красный морской призрак, — в голосе Балева звучала гордость. — А вот еще один... призрак, только

земной, а понадобится, станет и подводным. Товарищ Ванко. Отчаянный парень из Плевена. Специалист по конфискации оружия, которое предназначалось для Врангеля.

— Очень рад! — Кучеренко крепко пожал руку парню-крепышу. — В Крыму, случаем, не бывал, товарищ Ванко?

— Точно така. У Пчелинцева, — ответил Ванко.

— Ну тогда выходит, что здесь кругом знакомые, — сказал Кучеренко.

— И там тоже знакомые. — Балев показал рукой на мерцающий далекими огнями большой корабль. — Вся верхушка врангелевская, кроме барона, сейчас там. Представляешь, товарищ Кучеренко, заявляемся мы к ним, а у генерала Покровского глаза выскакивают от удивления...

— Не зарекайся, Христо, может, еще и придется свидеться с ним. С раненым зверем шутки плохи.

— Раненого зверя надо добивать! — решительно произнес Балев. — Это наша общая задача, дорогой Семен.

* * *

В небо взвились ракеты, осветив все вокруг. Люди на берегу спрятались за скалы, потом их поглотила темнота... Когда добрались до рыбацкой хижины, Кучеренко сказал Балеву:

— Ракеты... визитная карточка Покровского. Я, мол, здесь и спуску никому не дам. Ну что ж, принимаем этот вызов. Первая твоя задача, Христо, найти мне... близких родственников, конечно, из русских, которые давно проживают в Болгарии, пожалуй, даже лучше использовать для этой цели давнишних переселенцев. Они должны признать во мне родственника. Ну а потом связь с телеграфом. Правильно, Христо?

— Точно така!

Врангелевские войска дивизиями, бригадами, полками, батальонами, штабами, интендантствами растеклись по большим и малым болгарским городам. Один из госпиталей был размещен в Варне. Там находился раненый подполковник Агапов. Анна Орестовна часто наведывалась к нему, и это было для раненого единственной отрадой. После очередного поражения в Крыму Агапов ушел в себя, мучительно раздумывал, стал неразговорчивым... Тяжелые думы о будущем не покидали его.

Был еще один человек, с которым общался Агапов, — симпатичный врач Серафим Павлович Рудский, который узнал Гринину на берегу.

Днем Агапову кое-как удавалось убить время, а ночью тоска вползала в душу, он тщетно пытался бороться с бессонницей. В просторной палате, где находились еще несколько раненых офицеров, Агапова одолевали разные мысли. Чтобы отогнать их, он вставал и выходил в длинный коридор. Если дежурил Серафим Павлович, то заходил к нему, и они беседовали до самого рассвета.

После одного посещения Аннушки Агапов не сомкнул глаз всю ночь. Гринины готовились к отъезду в Россию. Они уедут, а он останется на чужбине. Аннушка спросила: «Что ты будешь делать после выздоровления?» Действительно, что он будет делать? Агапов еще не знал о том, какие планы вынашивало командование разбитой и бежавшей армии. «Неужто опять начнутся речи о том, что нужно дать решительный бой?» — думал Агапов. Если это не удалось сделать на своей земле, то разве это возможно здесь, на чужбине? «Последний решительный» под эгидой союзников-интервентов, на их деньги, с их оружием! Хороша перспектива, нечего сказать!

Когда стало совсем невмоготу, Агапов побрел по длинному темному коридору. Дверь в кабинет дежурного врача была приоткрыта, оттуда тянулась полоска света. Агапов заглянул в комнату. Его ночной собеседник сидел за мольбертом.

— Не помешаю, Серафим Павлович? — спросил Агапов.

— А-а, Александр Кузьмич, нисколько, нисколько, — радушно ответил Рудский. — Не спится?

— Да вот... брожу...

— Рана беспокоит? Иль ностальгия, Александр Кузьмич?

— Вроде бы рановато, Серафим Павлович, — уклончиво ответил Агапов.

— Ну а я вот... — Рудский кивнул на мольберт, — давнее увлечение. Оставляю на память понравившиеся места, где довелось побывать. Разумеется, до Айвазовского далеко, но под старость, думаю, приятно будет посмотреть с внуками, вспомнить былое... И этот небольшой, взбудораженный нами болгарский городок на Черноморье...

— Тихое море, — сказал Агапов.

— Да, нынче море Понтийское тихое. Древние называли его гостеприимным морем. Но в шторм оно становится свирепым и страшным, как зверь. И потому названо Черным.

— Для нас оно оказалось негостеприимным и в штиль, Серафим Павлович. И что еще нас ждет впереди...

— А это, Александр Кузьмич, от вас, от военных, зависит. Вам тоже не дает покоя мысль о реванше?

— Мне?!

— Я имею в виду не только вас, Александр Кузьмич, а командование в целом. Барон, Кутепов, множество генералов и офицеров вашего ранга, видимо, не отступятся от своих планов пойти новым походом на большевистскую Русь...

— Сколько раз ходили, Серафим Павлович, и все эти походы оборачивались провалом для нас. У меня такое чувство, будто я низвергнут в пучину, откуда не выбраться...

Серафим Павлович внимательно посмотрел на Агапова. Этот офицер был ему глубоко симпатичен. Доктор отодвинул мольберт, встал и запер дверь на ключ. Он решил приступить к серьезному разговору, который рано или поздно должен был состояться.

— Александр Кузьмич, вам, как я понимаю, в таком состоянии нужны не анисовые капли, которыми вы до сих пор пользовались, а более сильнодействующие средства. Всей душой симпатизируя вам, скажу со всей откровенностью вот что. Я не думаю, чтобы вы, Александр Кузьмич, с вашим умом верили в то, что еще можно собрать силу, которая бы одолела новую Россию. Я ваш сотоварищ по армии, но я врач, и моя первая главнейшая обязанность — лечить, спасать людей. Пинцет, стетоскоп, лекарства — мое оружие. Кому оно служит? Людям. Я воюю с болезнями, ранами, увечьями... У вас, Александр Кузьмич, иное оружие и враг иной. А кто враг? Об этом вы задумывались, смею вас спросить, милейший Александр Кузьмич? Или, не снимая шор, идете напролом в угаре, в плену старых понятий о чести, родине, верности клятве?

— Благодарю за доверие, Серафим Павлович. Постараюсь дать на ваш вопрос более или менее вразумительный ответ.

— Хочу сразу сказать, Александр Кузьмич, что я

ничего не боюсь. Ни наших тайных военных трибуналов, ни агентов Покровского, ни самого барона...

— Помилуйте, Серафим Павлович, о чем вы? Мне уже сегодня высказала такие же слова... одна дама.

— Кто эта дама, я могу лишь догадываться, Александр Кузьмич. Но коль и она, то... становитесь, дорогой, на колени и твердите: «Верую в тебя, Русь моя обновленная!»

— А барон, Кутепов и все остальные разве не веруют в Русь?

— В свою, которой уже нет. Есть другая.

— Серафим Павлович, разрешите задать вам еще один вопрос, только, ради бога, не обижайтесь... за резкость и прямоту. Вы, случаем, не большевик?

— Я такой же большевик, как ваша кузина. Уверен, что в глубине души и вы тоже... если не сейчас, то будете...

Серафим Павлович, сняв с мольберта небольшой холст, протянул Агапову.

— Возьмите, Александр Кузьмич. На память о нашем разговоре, который — я очень верю — не пройдет бесследно. Это так же неизбежно, как приход утра, рассеивающего мрак ночи. На память от обыкновенного русского интеллигента, которого судьба швыряет как щепку... А теперь спать, сударь, спать — и никаких возражений. Вы должны набираться сил — физических и душевных. Они еще пригодятся для нашей Руси...

Из глубины коридора донесся громкий, истошный крик. Серафим Павлович быстро вышел из кабинета, за ним поспешил Агапов. Крик доносился из дальней, самой большой палаты.

Кричал раненый солдат. Он бился головой о железную спинку больничной койки, норовил сорвать бинты.

— Домой, домой хочу! К черту все, к черту, хочу домой, в Расею! Подыхать — так дома...

Раненые держали его за руки, пытались утихомирить... Увидев врача в белом халате, солдат закричал еще пуще:

— Домой отпущайте! Домой отпущайте! Все одно подыхать! Дайте на ребяток перед смертью взглянуть. Господин лекарь! Уважьте, уважьте служивого, накажите отпустить домой, на своей земле чтоб схоронили...

Серафим Павлович спокойно, с ласковыми нотками в голосе сказал:

— Успокойся, Митрич, успокойся. Ну что ты, братец,

право: домой да домой. Вот подлечим, снимем перевязку, и езжай с богом. На то твоя воля, Митрич, а пока прояви терпение, не растравляй раны, вредно это тебе, превелико вредно...

— Доктор, мил человек, вы уж лучше сейчас дайте отписку. Помру я тута, на чужбине, подохну. А дома, может, бог даст, и одолею недуг, окрепну малость. А, господин лекарь! На колени встану, всю жизнь молиться за вас буду. Уважьте! Домой хочу! В Расею!

В палату вбежал офицер с перекошенным от злости лицом, уставился на кричавшего солдата.

— Это еще что за ночной митинг? — сердито спросил он. — Серафим Павлович, почему раненый шумит?

— Вероятно, потому, господин капитан, что он раненый, — спокойно ответил врач.

— Так успокойте его! Заткните ему глотку!

— Может быть, господин капитан посоветует, как это делается? — с прежним спокойствием спросил Серафим Павлович.

Солдат опять принялся за свое:

— Домой хочу! Пустите меня домой. В Расею... Братцы, господа, айда в Расею! Чего нам туточки делать? Домой хочу!

— Молчать! — заорал офицер. — Молчать, скотина! Ты что, подлец, пулю захотел? Его, скотину этакую, здесь лечат, поят, кормят задаром, а он, мерзавец, вон какую агитацию развел! Прекратить немедленно, не то пойдешь под суд, расстреляем, как пса бешеного! Я не посмотрю на твои раны. Ни слова, негодяй!

Серафим Павлович, еле сдерживая себя, твердо сказал:

— Господин капитан, прошу вас оставить палату. Мы найдем нужный язык с раненым солдатом. Ему требуется покой и еще раз покой.

— Господин военный врач, да будет вам известно, что я отвечаю за морально-политическую атмосферу в госпитале и имею право действовать по своему усмотрению. Приведите в чувство этого скота. А если ему хочется покоя, то имейте в виду — я говорю это всем! — расстрелы за большевистскую агитацию еще, слава богу, не отменены.

— Вы, ваше благородие, расстрелом не стращайте! — не унимался раненый. — Я свои пули ужо получил сполна. В брюхе и в голове застряли, не вытащишь. А домой отпустите, потому что я клятву давал службу

солдатскую нести у себя в Расее. А вы завезли за тридевять земель, да ишо и на испуг берете!

Офицер резко повернулся к врачу:

— Я вижу, распустили вы их здесь! Что это такое, господин врач, я вас спрашиваю? За такую крамолу к стенке ставить надо!

— Попрошу вас удалиться! — сказал побледневший Серафим Павлович.

— Вы что, тоже под трибунал захотели? Вместе с этим скотом? За компанию? Вы военный врач или...

Молчавший до тех пор Агапов палкой толкнул дверь, угрожающе произнес:

— Вон отсюда!

Офицер хотел вытащить из кобуры пистолет, но раненые, которые успокаивали кричащего солдата, молча обступили его, давая понять, что могут и обезоружить.

— Ну-с, подполковник Агапов, — сняв руку с кобуры, зашипел офицер, — это вам даром не пройдет!

Солдат опять принялся кричать:

— Ей-богу, убегу домой! Меня тут скотиной обзывают... За что? За то, что кровь проливал. Довольно!

Офицер опять обрушился на Агапова:

— За такие дела и к стенке поставим! Обещаю вам...

Агапов размахнулся и ударил офицера тростью.

Офицер стремительно вытащил пистолет из кобуры, но выстрелить ему не удалось. Кто-то из раненых сильно ударил его по руке, пистолет упал... Под гневными взглядами окруживших его людей обезоруженный офицер выбежал из палаты, хлопнув дверью.

* * *

Разразился большой скандал. Офицер поднял руку на офицера, да еще в присутствии нижних чинов. И не в пьяном состоянии, а при обстоятельствах весьма опасных: пострадавший офицер пытался унять смутьяна, агитировавшего за возвращение в Россию, обидчик своим поведением бросил вызов командованию врангелевской армии.

Из ведомства генерала Покровского незамедлительно последовали строжайшие санкции. Подполковник Агапов и военврач Рудский были арестованы. Взбунтовавшегося раненого солдата на глазах у всего госпиталя грубо поволокли по коридору, куда-то увезли в закрытой машине.

...Гринина подъехала на извозчике к массивному зданию с двумя часовыми у входа. Она увидела, как из парадной двери вышел Агапов в сопровождении двух охранников. Анна Орестовна окликнула:

— Александр!

Она почти на ходу выпрыгнула из экипажа и бросилась вдогонку. Агапов было остановился, но охранники втолкнули его в машину и захлопнули дверцу. Анна Орестовна в растерянности застыла посреди пустынной улицы. Из особняка вышел генерал Покровский. Он сделал вид, будто удивлен встречей с Грининой.

— Прошу прощения, никак Анна Орестовна? Что изволит здесь делать королева сцены? — поинтересовался он.

— Испытываю очередное унижение и позор, — резко произнесла балерина, узнав, кто перед нею стоит.

— Помилуйте, кто посмел обидеть вас?

— Тот, кто приказал арестовать...

— Кого? Уж не подполковника ли Агапова вы имеете в виду?

— Вот именно. За что его арестовали? Я родственница и, кстати, единственная здесь, поэтому должна знать всю правду.

— Не кажется ли вам, мадам, что это далеко не удобное место для подобного разговора.

— Я жду ответа.

— Что ж, подполковник Агапов... Александр Кузьмич, да будет вам известно, обвиняется в... измене родине.

— Родине? Какой родине?

— Надеюсь, мадам Гринина, что у нас с вами одна родина, не то бы мы не были здесь, где находятся истинные патриоты России, все, кто не продался большевикам и ждет часа, когда красная Совдепия рухнет.

— Вы вольны оставаться при своем мнении, господин генерал. Но я знаю, я уверена, что мой кузен — честный, порядочный человек, истинный патриот России.

— Очень сожалею, Анна Орестовна, но его предадут суду... по распоряжению очень высокой инстанции...

— Где его будут судить?

— Вероятно, в Велико-Тырнове, где находится штаб корпуса, в котором он служит.

— Когда?

— Только любезности ради обязуюсь узнать и немедленно известить вас.

— Что ему грозит?
— Это дело суда.
Мимо проехал извозчик. Мужчина, сидевший в парной коляске, показался Анне Орестовне знакомым. Она сухо сказала Покровскому:
— Знайте, господин генерал, что вам не удастся так просто расправиться с Агаповым.
— Должен вас уверить, что и ваш кузен, и его приятель получат по заслугам! Я уж не говорю о солдате. Этот скот уже получил свое.
— Как это бесчеловечно! Вы губите русских людей за то, что они хотят вернуться на родину, на родную землю. Вы жестоко преследуете истинных патриотов. Скрываете от обманутого воинства одно очень важное обстоятельство.
— Мадам Гринина, у меня, между прочим, есть определенные права, но я не о том. Разрешите спросить, почему вы здесь, а не там, как вы изволили выразиться, с истинными патриотами?
— Думаю, что мне еще представится возможность ответить на этот вопрос. И еще надеюсь, что вы не забудете сказанного мной. Если будет судилище, то пусть ваши высокие инстанции пеняют на себя. Мы здесь не одиноки. Чего я не могу сказать о вас, господин генерал.
Анна Орестовна, еле кивнув, быстро пошла прочь.
Покровский вернулся в свой кабинет, принялся сердито крутить ручку телефона.
— Говорит генерал Покровский, — крикнул он в телефонную трубку. — Кому известно решение Советов об амнистии тем, кто... м-м... нарушает присягу... возвращается... к красным? Сколько человек знают? Четыре с вами? Так, прекрасно...
Генерал сердито бросил трубку на рычаг. Вызвав адъютанта, спросил:
— Как было получено сообщение об амнистии, объявленной большевиками?
— По телеграфу.
— Какому?
— Обыкновенному, ваше превосходительство.
— Стало быть, телеграфист разнес?
— Ваше превосходительство, об этом писали некоторые болгарские газеты.
— Какие именно?
— Левого направления.

— И мы читаем эти газеты?

— За неимением своих, русских, ваше превосходительство, читают. По-болгарски почти все можно понять. Письменность-то одна, славянская, господин генерал, Кирилл и Мефодий...

— Убирайтесь к черту со своими газетами и письменностью! — взвился Покровский. — Скоро дойдем до того, что большевики руками болгарских крамольников начнут обращать наших солдат и офицеров в свою красную веру.

— Ваше превосходительство, осмелюсь доложить, что таковые попытки уже имеются.

— Да ступайте же вы к черту, оракул несчастный! — окончательно вышел из себя Покровский.

Адъютант испуганно попятился к двери. Покровский устало опустился в кресло. Встреча с Грининой расстроила его. Как уверенно она держалась, как смело говорила! Стращать вздумала. Докатились! Дожили! Балерины стращают. А что касается вашего кузена, госпожа балерина, мы ему по всей строгости военного времени отобьем охоту читать болгарские газеты. Это я вам обещаю, госпожа Гринина. Когда-то я дарил вам цветы. Теперь преподнесу другой подарок...

Покровский был не на шутку обеспокоен и встревожен. Симптомы неповиновения со стороны не только солдат, но и офицеров после бегства врангелевской армии из Крыма уже были. Главным козырем начальства и карательных органов в борьбе с теми, кто начал поговаривать о бесцельности пребывания русских войск на Балканах, о возвращении на родину, была воинская присяга на верность России, на верность делу освобождения России от большевиков. Военные трибуналы, тайно созданные во врангелевской армии, ибо по статуту пребывания в Болгарии их деятельность не только не предусматривалась, но даже запрещалась, предъявляли подсудимым солдатам и офицерам обвинение в нарушении присяги, в измене родине. Вторым козырем была убежденность судей в том, что всех, кто возвратился в Россию, ждет неминуемая кара. Нужны были козыри для борьбы с участившимися случаями неповиновения и стремления любой ценой возвратиться на родину. Врангелевская контрразведка этим и занималась, делая все, чтобы самым решительным образом покончить с начавшимся движением за возвращение в Россию. И вот теперь все карты, все козыри белых были биты актом гу-

манности Советского правительства. Да, видимо, в армию просочилось известие о том, что большевики объявили амнистию всем, кто на фронтах гражданской войны сражался против Красной Армии. Пронесся слух о том, что явившиеся с повинной солдаты и офицеры добровольческой армии были помилованы. Особенно поразил всех поступок генерала Слащова-Крымского. Разочарованный вконец Врангелем и его сумасбродной идеей, возненавидевший наглых заморских интервентов, генерал воспользовался амнистией и живет-поживает на своей родине. «Красные щупальца» могут поразить всю армию, все наше движение. Эти щупальца надо самым безжалостным образом рубить, отсекать!» — думал Покровский.

* * *

Анна Орестовна попросила извозчика догнать другой экипаж. Мужчина, едущий в нем, делал ей знаки: мол, следуйте за мной. Когда он остановил экипаж и вошел в большой рыбный магазин, Гринина сделала то же самое. Но того мужчины, который показался ей знакомым, в магазине не было. К ней подошел улыбающийся продавец, любезно предложил:

— Не желает ли уважаемая госпожа форель? Балканскую форель? Как раз привезли свежий улов. Милости прошу, посмотрите, как красиво выглядит рыбка с золотыми пятнами в бассейне. Прошу, мадам, посмотреть...

Анна Орестовна очутилась в небольшом дворике с красивым бассейном. Вдруг она услышала знакомый голос:

— У меня был хороший друг, Тигран. Он говорил, что в горах Армении, в озере Севан, водится лучшая форель на свете.

Голос был знакомый, а вот по внешности человека, который катил в экипаже, узнать невозможно. К бороде и усам прибавились очки. Одет в дорогой костюм. И вообще у Балева был вид богатого, преуспевающего человека.

— Венцеслав Балканский, — представился он. — Коммерсант. Лучшая рыба. Икра. Деликатесы. Болгарская паламида русским, русская икра болгарам. Бойкая торговля. Часто приходится бывать в России. Одесса, Баку, Тифлис, маленькая Тверь и большой Петроград... Дела, дела. Рыбные дела, госпожа Гринина.

Купец, крупный торговец, коммерсант! Анна Орестовна была поражена не столько переменой в его внешнем облике, сколько тем, как Балев блестяще исполняет свою новую роль.

— Здесь можно говорить спокойно? — спросила она.

— Чувствуйте себя как дома.

— Наши дела плохи. Очень плохи.

— Знаю. Будут судить Агапова. И врача. Наш план таков: левые газеты поднимут кампанию протеста. И еще кое-что предпримем.

* * *

В Питере были свои новости. Павел уже работал в редакции газеты. Его стихи часто появлялись в печати. Не терял он и связи с Мариинкой. Слишком много времени и сил было отдано театру! Павлу пришлось вести большую агитационную работу среди актеров, музыкантов, приобщать новых зрителей к «бархату и золоту» театрального зала. Мариинка после небольшого «антракта» начала служить революции. Радостным был тот факт, что старые, заслуженные мастера сцены охотно взялись за обучение талантливой детворы. Их учениками стали в основном дети рабочих и крестьян. И вот настал день, когда сцена прославленного театра была предоставлена его воспитанникам.

В балетном спектакле принимали участие учащиеся хореографического училища. Павел, приехав в театр, сразу же направился за кулисы. Там его ждала чем-то взволнованная Наталья Каллистратовна.

— О боже! — всплеснула руками старая учительница, увидев Павла.

— Что случилось, Наталья Каллистратовна? — удивился он.

— Как? Разве вы не знаете? — сделала большие глаза учительница. — Первое Тимкино выступление. Ох, я не переживу...

Павел улыбнулся. Так вот в чем дело!

— Не волнуйтесь, дорогая Наталья Каллистратовна! Все будет прекрасно. Уверен, что вас ждет триумф.

Они стояли за кулисами, ожидая выхода молодых артистов. Тимку в костюме принца невозможно было узнать. Юноша с бледным лицом улыбнулся им и выбежал на сцену.

Наталья Каллистратовна беспокойно огляделась по сторонам, спросила:

— Вы не знаете, почему это Дина Орестовна задерживается?

— Ума не приложу, где она может быть. Обещала быть к началу, — ответил Павел.

— Ах, какая жалость, что она не увидит своего... фаворита.

— Видно, какие-то важные дела ее задерживают, — с сожалением сказал Павел.

* * *

Дина сидела в большом полутемном кабинете и внимательно наблюдала за тем, как моложавый профессор осторожно снимает повязку с глаз маленькой девочки. Наконец повязка была снята, и все с надеждой и тревогой смотрели на ребенка...

— Оленька, Оленька, не бойся... открывай, открывай глазки, — просил профессор. — Потихонечку открывай, Оленька. Помнишь сказку про принцессу? Она спала и видела сон. А когда открыла глаза, то увидела... кого она увидела, Оленька?

— Принца, — робко ответила девочка.

— Верно, принца. А ты кого хочешь увидеть, Оленька?

— Принца.

— Да, Оленька, ты увидишь принца. Он сейчас танцует в театре и ждет тебя. Вот тетя Дина. Ты ведь знаешь, Оленька, тетю Дину? Она покажет тебе принца. Только это будет потом. А сейчас ты увидишь тетю Дину и свою маму. Смотри, Оленька, смотри.

Девочка чуть приоткрыла глаза. Она молчала.

— Оленька, вот так, молодец. Мы видим твои красивые, как у Дюймовочки, глазки. А ты... что ты видишь, Оленька?

— Кругом темно... темно... Нужно открыть окно или зажечь свет...

Профессор опустил голову.

Девочка стояла с открытыми глазами, по-прежнему ничего не видя. И вдруг она вскрикнула:

— Ой, ой, открыли окно, открыли...

Профессор Фатьянов осторожно взял голову девочки в руки, внимательно посмотрел ей в глаза, прерывающимся от радости голосом спросил:

— Да, Оленька, открыли окно, открыли окно...

— А у вас очки, дядя Ваня.

— Ну, конечно же, очки, Оленька. Как у бабушки...

— Красной Шапочки? Ой, я... всех... всех вижу. А где же тетя Дина? Когда мы поедем к принцу?

Сидящая в углу женщина — мать девочки — плакала навзрыд. Дина тоже не могла удержаться от слез. Все присутствующие украдкой вытирали глаза. Только сам исцелитель продолжал вести беседу с девочкой:

— Ты видишь окно, Оленька?

— Белое... светлое такое...

— Будет еще светлее. Ты стой и смотри, куда я иду. Куда, Оленька, я иду?

— К окну. Ой, птичка прилетела!

— Поговорим с птичкой. Эта птичка, Оленька, прилетела к тебе от самого...

— Принца? Да, дядя Ваня?

Профессор быстро смахнул непрошеную слезу. Дина подошла к нему, крепко пожала руку, порывисто обняла и выбежала из кабинета.

Профессор крикнул ей вслед:

— Оленька ждет вашего принца!

* * *

Анна Орестовна прилагала много усилий для спасения и облегчения участи Агапова и его друга. Популярность балерины открывала ей двери кабинетов важных должностных лиц в армии. Самого барона в Болгарии не было. Он пребывал в соседней Югославии. Многими делами заправлял генерал Кутепов. В ненависти к большевикам, к новой России Кутепов не уступал главнокомандующему белой армии. Он был сторонником жесткой дисциплины, беспощадной кары всем, кто своими проступками или речами расшатывает устои врангелевского войска. Первый военный трибунал начал действовать в Велико-Тырнове, где находился штаб кутеповского корпуса. Генерал лично санкционировал аресты смутьянов, отступников, утверждал самые суровые приговоры, ввел расстрелы дезертиров, агитаторов за возвращение в Россию.

Кутепову сообщили, что известная балерина Гринина просит принять ее по делу арестованного подполковника Агапова. Отказать означало прослыть негуманным человеком в среде интеллигентов-эмигрантов и болгарской общественности. Кутепов решил принять Гринину. В знак уважения к посетительнице он приказал подать в кабинет фрукты, кофе...

Генерал был подчеркнуто официален и почтителен.

Выслушав внимательно Анну Орестовну, тоном светского человека ответил:

— Я понимаю вашу тревогу, госпожа Гринина. Но даже на сцене, как вам известно — прошу покорно извинить за такое сравнение, — должна быть дисциплина. Извините великодушно, но если бы, скажем, исполнители главных ролей начали выходить на сцену кому когда вздумается, то как бы это выглядело? Были бы нарушены законы развития действия, композиционная стройность... Не так ли? В общем, спектакль пошел бы насмарку. В армии, мадам Гринина, как вам известно, есть свои законы, железные законы, которые никому не дозволено иг-но-ри-ро-вать. Вот-с... Всех, кто попытается ввергнуть армию в пучину анархизма, мы вынуждены наказывать, причем наказывать весьма сурово. По уставу.

— Но трибуналами и жестокими приговорами здесь, на чужой земле, вы, ваше превосходительство...

— Боже упаси, о каких трибуналах, о каких приговорах вы изволите говорить, мадам Гринина? Согласно установленному статуту...

Анна Орестовна, достав газету, подала генералу:

— Вот что говорит народ, который приютил нас с вами, Александр Павлович.

Генерал взял газету, быстро пробежал глазами указанную собеседницей статью. На его лице появилось снисходительное выражение.

— Выдумки болгарских коммунистов, которые ничем не отличаются от наших российских. Это, Анна Орестовна, просто несерьезно, более того, это просто провокация.

— Да, но подполковника Агапова, военного врача и солдата, насколько мне известно, будут судить?

Ох, с какой радостью он бы бросил в лицо этой балерине, ходатайствующей за своего родственника-изменника: «Да, будут!» Эта дама, видите ли, озабочена тем, чтобы спасти своего кузена, ей и дела мало, что ему, Кутепову, сам бог поручил оберегать армию от ослабления боевого духа, от разложения...

Его размышления прервал телефонный звонок.

Звонил генерал Покровский. В его голосе Кутепов уловил нотки беспокойства:

— Особа, которую вы сейчас изволите принимать, ваше превосходительство, имеет давние связи с некоторыми из болгар, участвовавших в перевороте в Петро-

граде. Через них она узнала об обьявленной Советами амнистии. Есть данные, что процесс над двумя изменниками... Что? Именно двумя, с третьим, солдатом, все... кончено. Так вот, ваше превосходительство, дабы избежать шума, который вызовет нежелательную для нас реакцию со стороны здешней общественности и болгарского демократического правительства, было бы уместно ограничиться дисциплинарным взысканием, а впоследствии... Надеюсь, вы меня понимаете? Этим займутся мои люди... Со временем. Будьте спокойны. Мы их не выпустим из поля зрения. В глазах просительницы такая мера наказания вполне гуманный жест. Для нас это важно, тем более что она собирается в Россию.

Жизнь властно вторгалась в планы даже таких уверенных в себе, жестких людей, как генерал Кутепов. Выходит, надобно считаться с тем, что русская балерина имеет связи с пособниками большевистского переворота. Надобно учитывать и то, что они находятся на чужой территории, где действуют свои законы, где у власти демократическое правительство.

Кутепов сказал в трубку, в тоне его сквозила горечь:

— Все это поистине унизительно и позорно. Но в силу... некоторых обстоятельств ваши доводы, пожалуй, основательны.

Положив трубку, генерал обратился к Грининой:

— Весьма был рад встрече, Анна Орестовна, весьма. Повеяло Петербургом, добрыми старыми временами, Русью нашей. Я отнюдь не лирик, нет. Однако искусство ваше почитал, ходил в Мариинку как на праздник. Кто знает, может, еще и доведется увидеть вас на нашей сцене! Ну а по поводу вашего хо-да-тай-ства, Анна Орестовна, то лишь ради вас мы сделаем все, чтобы смягчить участь обвиняемых... Постараемся ограничиться рамками устава. Буду рад видеть вас в гостях и на... сцене.

* * *

Представитель ЦК Болгарской компартии прибыл в Варну, чтобы рассказать членам конспиративной группы о встрече Георгия Димитрова с Лениным в Москве. Совещание состоялось в комнате, примыкавшей к рыбному магазину, который находился в центре города. Так было безопаснее. Тайные агенты вели неусыпное наблюдение за многими домами рабочей окраины, в особенности строгий надзор был учрежден за домами, где жи-

ли коммунисты и деятели земледельческого народного союза, прогрессивные интеллигенты... Центр города, где жили состоятельные люди, был как бы вне подозрений.

Семен Кучеренко вошел в магазин и сделал вид, будто выбирает рыбу. Заметив, что веселый продавец подал условный знак, он быстро прошел в задний дворик, а оттуда в комнату, где уже сидели Балев, Чочо, Ванко, Иванка, незнакомый мужчина в очках, пожилой крестьянин... Балев встретил Кучеренко словами:

— Ждем тебя, Семен. Вот знакомься, — он подвел Кучеренко к мужчине в очках, — представитель ЦК... из Софии, товарищ Шаблинский.

Приезжий крепко пожал Кучеренко руку, сказал:

— Рад познакомиться, дорогой товарищ Кучеренко. Товарищи из руководства ЦК просили передать, что ваша работа очень помогает нам в выполнении задач, которые наша партия призвана решать после встречи товарища Димитрова с Владимиром Ильичем. Мы горды тем, что товарищ Ленин назвал Болгарскую компартию, болгарский народ друзьями Советской Республики. Нашу верность мы докажем делами, которые должны заинтересовать вас. В Москве проявляется интерес к тому, чем занимаются врангелевские войска в Болгарии. Вам, товарищ Кучеренко, теперь известно, что битые врангелевцы не отказались от продолжения борьбы с Советской властью, с Красной Армией. Мы считаем своим интернациональным долгом развернуть работу по разложению врангелевской армии, дискредитации тайных замыслов черного барона перед широкими кругами нашего общества.

— Мы делаем общее дело, — подтвердил Кучеренко.

— От нас требуется, — вставил Балев, — увеличить коэффициент полезного действия.

— Что касается полезности действия, то вот это известие, я думаю, будет иметь большое значение, — сказал Кучеренко, доставая из кармана сложенные листочки бумаги. — В Болгарии создаются организации, которые ведут работу по возвращению обманутых русских воинов на родину. Больше тысячи врангелевцев уже готовы с повинной возвратиться в Россию. Есть сведения, что такие организации созданы в Сливене, Шумене, Свиштове, Софии, Пернике, Казанлыке и других местах дислокации врангелевских войск. Факт, как видите, товарищи, тревожный для чернобароновцев и весьма радостный для нас.

Представитель ЦК ознакомил с текстом обращения одного из комитетов «Союза возвращения на родину», продолжал:

— Это внесет сумятицу, дезорганизует врангелевскую армию. И если это искры, то их надо раздуть, разжечь пламя массового ухода из армии, возвращения в Россию. Деморализованная армия не будет представлять угрозу ни молодому Советскому государству, ни нашим демократическим основам...

— А пока командование врангелевской армии совершает кровавые злодеяния, — сказал Балев и, кивнув в сторону пожилого крестьянина, добавил: — Плохую весть принес уважаемый бай Сандо. Расскажи, бай Сандо, русскому товарищу.

Старый крестьянин степенно откашлялся и рассказал, что он случайно оказался очевидцем расстрела русского солдата. Видел он и как быстро закопали в яму того солдата. Запомнил то место.

Семен Кучеренко подтвердил:

— Да, солдата-бунтаря из госпиталя расстреляли. Расправились, сволочи. Трибунал приговорил. А сами клянутся, трубят, что у них нет военных трибуналов, что в армии сохраняется полный порядок и сознательная дисциплина.

— Действие трибуналов, которые выносят смертные приговоры, — нарушение условий пребывания в Болгарии, — заметил представитель ЦК.

— Надо пойти и сфотографировать солдата, могилу, местность, — предложил Балев, и все с этим согласились.

— Депутаты Народного собрания — коммунисты Васил Коларов, Георгий Димитров и другие наши товарищи собираются выступить с разоблачением подлинных замыслов врангелевской армии, — сказал представитель ЦК. — Поскольку мы находимся в доме рыбного коммерсанта, можно сказать, что на сегодня улов у нас весьма неплохой. Но надо готовиться к большому выходу в море. Нужно выведать тайные планы Врангеля. То, что они есть, не вызывает сомнений. Но какие конкретно, задача со многими неизвестными. Добраться до этих планов — вот это будет большой улов. От врангелевцев останутся только печальные воспоминания.

Кучеренко отвел Балева в сторонку:

— Передай Грининым. Дина сообщает, что профессор Фатьянов готов взяться за излечение их сына.

* * *

Впервые после прибытия в Болгарию врангелевское командование вынуждено было пойти на уступки под воздействием общественного мнения в стране. Кто бы мог еще совсем недавно подумать, что командование, трибуналы, контрразведка не смогут расправиться с нарушителями присяги, изменниками отечества, красными смутьянами? Объявленная Советским правительством амнистия и реакция на это болгарского общественного мнения заставили врангелевскую верхушку умерить свой пыл. Следствие по делу Агапова и Рудского пришлось прекратить. Покровский приказал привести обоих офицеров к нему. Он хотел лично сообщить о милостивом решении командования. Холодно, с напускной важностью человека, оскорбленного до глубины души поступком Агапова и Рудского, генерал назидательным тоном, в котором звучали угрожающие нотки, сказал:

— Когда-то я поздравлял господина Агапова с чином подполковника, который он получил за определенные заслуги. Сегодня мне приходится объявить, что он понижен в прежний чин. Высшее командование проявило к вам, капитан Агапов, гуманность, дав возможность дальнейшей службой искупить свою вину перед Россией. Капитану Агапову, имея в виду ранение ноги в бою, предписывается продолжить службу в интендантстве. Военврач Рудский направляется в госпиталь в городе Пернике. Как вы сами понимаете, господа, после того, как вы осмелились совершить такой недостойный поступок, я обязан установить над вами надзор. Предупреждаю об этом, дабы предостеречь от новых необдуманных поступков.

Покровский умолк. Теперь очередь была за «помилованными». Генерал ждал, что они скажут. Агапов спокойно достал из кармана лист бумаги, положил перед Покровским и сказал:

— Не знаю, как будет истолкован этот наш поступок, но мы с господином Рудским хотим, чтобы служба надзора была осведомлена о нижеследующем нашем желании. Пора, господин генерал, возвращаться на родину. Это наше твердое решение, основанное на личном отношении к политической ситуации и объявленной Советским правительством амнистии истинным патриотам, возвращающимся на свою родину.

— Что ж, откровенность за откровенность. Я бы вас,

господа отступники, с превеликим удовольствием расстрелял в назидание всем, кто распространяет эту крамолу, — гневно произнес Покровский.

— Благоволите разрешить, господин генерал, покинуть кабинет? — по-прежнему спокойно сказал Агапов.

Генерал сердито махнул рукой.

* * *

Гринины готовились к возвращению на родину. После получения известия от Дины и выздоровления Кирилла Васильевича начались сборы. Теперь уже, казалось, ничто не могло помешать их отъезду.

Костик снял со стен незаконченную картину Серафима Павловича Рудского, которую автор подарил Агапову.

— Возьмем? — спросил мальчик.

— Конечно, Костик. И повесим на самом видном месте, — сказала Анна Орестовна.

— Это тоже надо сохранить, — сказал Кирилл Васильевич, показывая на газету, которую только что читал.

Анна Орестовна взяла газету, принялась читать.

— Боже мой, да за такое выступление в печати Александра...

— Да, представляешь, черным по белому. Смело сказано, очень смело. Мол, следуйте примеру генерала Слащова-Крымского, возвратившегося в Россию. За такое Александр вряд ли отделается только понижением в чине.

Пришел Христо Балев с большим свертком, торжественно объявил:

— Армянская форель. С родины Тиграна. Пальчики оближешь.

Анна Гринина всплеснула руками:

— Ой, ну и балуете вы нас, Хрис... Простите, господин...

— Здесь я Христо. Точно така.

— Христо, это же дорого стоит... заморская армянская форель, пища гурманов.

— А я, Анна Орестовна, как коммерсант ничего не делаю в ущерб. Только в ущерб не себе, а всем нам, нашему общему и святому делу.

— Что случилось? — спросила Гринина.

— Если о статье Александра Кузьмича, то нам уже известно, — предупредил Кирилл Васильевич.

— Дядя Александр — герой! — воскликнул Костик. — Он никого не боится.

— В маму твою пошел дядя Александр, — подхватил Кирилл Васильевич.

— Мы все гордимся твоей мамой. Точно така, — сказал Балев.

— Ой! — замахала руками Анна Орестовна. — Еще придется держать ответ за то, что так долго в пенаты не возвращалась.

— А мы... болгары, на то вам справку дадим. Поверят нам братушки, — пообещал Балев. — Особенно за...

Балев не договорил, показал глазами на Костика. Анна Орестовна сказала мальчику:

— Сынок, ты бы шел свежим воздухом подышать, а?

— Подышим вместе, — предложил Кирилл Васильевич, сообразив, что у Христо, видимо, важный разговор.

Когда отец и сын вышли, Балев быстро прикрыл окна, дверь.

— Анна Орестовна! — осторожно начал он. — Я уполномочен товарищами, которым поручено чрезвычайно важное дело, обратиться к вам с величайшей просьбой.

— Я вся внимание, Христо.

— Вы, конечно, понимаете, на какой риск пошел Александр Кузьмич, опубликовав антиврангелевскую статью в патриотической русской газете?

— Это опасный, но честный поступок, достойный Александра.

— Я других слов и не ожидал от вас. Если моя Иванка будет хоть немножечко похожа на вас, Анна Орестовна, то я окажусь счастливейшим среди счастливых.

— Дай бог, только боюсь, милый Христо, что вы переоцениваете сбившуюся с пути...

— Нисколько! Вы уже не раз помогали нам, Анна Орестовна. А теперь у нас новая, самая большая, очень важная просьба.

— Какая же?

Балев вытащил листок бумаги и спичечный коробок:

— Прочтите... про себя. Потом сожжем. Текст знают очень немногие верные люди. И вы узнаете. На карту ставится многое. Ответьте лучше... немедленно. Кивком головы. По-вашему.

Когда Анна Орестовна пробежала глазами короткий текст, то от охватившего ее волнения опустилась на при-

двинутый Балевым стул. Гость зажег спичку, уничтожил бумажку... Он смотрел на Гринину, хорошо понимая, какое впечатление произвело на нее столь неожиданное известие. С каких пор лелеяла она мечту вернуться на родину! И теперь, когда желание должно было стать реальностью, ей надо было решиться на крайне ответственный шаг, чреватый большими опасностями поступок. Люди, ждавшие ответа, были ее близкими и искренними друзьями. Они не раз доказывали свою преданность, свою готовность помочь ее семье, родственникам и знакомым в Петрограде и Москве.

Анна Орестовна посмотрела на Балева и отрицательно качнула головой. Не успел Христо отреагировать, как она засмеялась:

— Ой, извините, все-таки перепутала. Да, да. Согласна, я согласна, Христо.

* * *

На вокзале в Москве Иван Пчелинцев встречал петроградский поезд. Из вагона вышли Дина и Тимка.

— Ну-с, дипломированные родственнички, перед вами шапку долой! — шутливо приветствовал их Пчелинцев, снимая с головы фуражку.

Они шли по перрону радостные и счастливые.

Пчелинцев продолжал балагурить:

— Эх, жаль, фортепиано у нас нет.

— О, нам уже целый оркестр нужен, правда, Тимка? — с гордостью произнесла Дина.

— Печку не забывайте. Печку, от которой начинали плясать, — напомнил Пчелинцев.

— Вот приедет Анна Орестовна и Тимке такой экзамен устроит, что только держись, — смеялась Дина.

— Поеду встречать Анну Орестовну в Одессу, — сказал Тимка. — Они же туда прибудут, дядя Ваня?

Пчелинцев молчал. Дина спросила:

— Ты почему молчишь, Иван? Есть какие-нибудь вести?

— Пока... пока их выезд откладывается.

Хорошее настроение как рукой сняло. В полном молчании доехали до центра города. Выходя на Лубянке, Пчелинцев сказал Дине:

— Ждем из Варны Кучеренко. От него и узнаем подробности о Грининых. Ну а теперь, новоявленные москвичи, осваивайтесь в столице. Вечером устроим пир на весь мир.

Когда Пчелинцев входил в кабинет, секретарь, протягивая бумагу, сообщил:
— Плохая весть из Болгарии.

* * *

Иванка шла по улице, неся на плече тяжелую корзину. Прохожие засматривались на ее стройную фигуру и плавно покачивающиеся бедра. Двое «черных дьяволов» Покровского, сидя в закрытом автомобиле, не спускали с нее глаз. Они видели, как молодая болгарка, опасливо оглянувшись, вошла в небольшой дом с палисадником на окраине Варны, где издавна жили русские переселенцы. Ее радушно встретила маленькая сухонькая старушка, у которой остановился Семен Кучеренко. Соседям Василиса Матвеевна говорила, что родители ее внука, казаки, выселенные из России много десятков лет назад, умерли. У «руснака» были все нужные бумаги, из которых явствовало, что он сын русских переселенцев, прозванных местным населением липованами, поскольку они носили лапти из лыка. Переселенцы так привыкли к этому названию, что и сами называли себя так же. Старики носили длинные бороды, молодые отличались крепким здоровьем, веселым нравом и трудолюбием. Они были заправскими рыбаками, снабжали всю округу осетрами, карпами, раками... Липоване любили кочевать с места на место. Случалось, болгарские липоване поедут в гости к румынским, да и обоснуются в дельте Дуная. Бывало и наоборот: очарованные дикой красотой рек Камчии и Ропотамо, впадающих в Черное море, румынские липоване навсегда осядут в этих заповедных краях, богатых рыбой, дичью и зверьем.

Появление «внука» в доме одинокой, всеми уважаемой русской старушки ни у кого не вызвало подозрения. Только ей одной было известно, что высокий, плечистый, вежливый в обхождении Семен никакой не липованин. Надежные знакомые люди попросили приютить его, заботиться как о родном, сказали, что он, в свою очередь, тоже не оставит «бабушку» в беде, станет ей помощником и кормильцем.

Василиса Матвеевна, знавшая красивую молодую болгарку, которая захаживала и раньше, ввела Иванку в светлую опрятную горницу. Девушка поставила корзину на табуретку и, как только вошел Кучеренко, стала быстро доставать из нее рыбу.

— Ну и уху сварим, — пообещал Кучеренко.

— Семен, ты мне расскажешь, как вы с французом Бланше и певицей Машей в Севастополе самого Покровского обвели вокруг пальца? — спросила Иванка.

— Сейчас бы обвести его вокруг пальца. Сейчас! — Покончив с рыбой, Кучеренко вынул из корзины металлическую коробочку с запиской и быстро пробежал ее глазами.

— Привезу тебе, Иванка, из Москвы подарок. Семь расписных деревянных матрешек мал мала меньше. Одна в другую вставляются. Семь тайников. В каждой по тайне. Только не такой тайне, как в этой железной коробке. — И с улыбкой продолжил: — Любовные тайны.

Все трое вышли на улицу. Старушка еще раз поблагодарила Иванку:

— Спасибо, дочка, за рыбу. Уж такую уху наварю для своего внука! Приходи, раскрасавица моя, с твоим Христо приходи, я вас попотчую.

* * *

В своем кабинете генерал Покровский внимательно рассматривал пачку фотографий. Вот Иванка и старый крестьянин у могилы расстрелянного русского солдата. На другой — мертвый солдат в разрытой яме. Иванка и Кучеренко выходят из дома русской старухи. Кучеренко входит в здание почты... Да, неплохо потрудились его агенты...

Генерал нажал на кнопку, и перед ним тотчас выросли три фигуры «черных дьяволов», готовых выполнить любое задание шефа.

Показав на снимки Кучеренко и Иванки, коротко бросил:

— Обоих немедленно! Без шума.

Террористы исчезли так же мгновенно, как и появились.

К Василисе Матвеевне пожаловали незваные гости. Один из них поинтересовался:

— Внук-то дома, бабушка?

Старуха смотрела на незнакомцев с опаской, заподозрив неладное. Офицерская форма русской армии, правильная русская речь... Что-то она не припомнит, чтобы видела их раньше. Да и Семен не предупреждал, что ждет гостей.

— А вы кто же будете? — настороженно спросила старушка.

— Знакомые твоего внука. На уху приглашал. Рыбка свеженькая, а? Внук наловил или кто принес?

— Не говорил он, что гости пожалуют...

Один из террористов подал условный знак, и второй, наведя на старуху пистолет, втолкнул ее в горницу.

— Говори, откуда взялся этот внук? — спросил он.

— Откуда все люди берутся, оттуда и взялся, — невозмутимо ответствовала старуха, догадавшись, что это и есть те самые врангелевцы, о которых с ненавистью говорил Кучеренко. — А вот изверги откуда берутся?

Сильный удар свалил Василису Матвеевну с ног.

* * *

Иван Пчелинцев смотрел из окна на большую московскую площадь. Сновали люди, с шумным перезвоном шли трамваи, мчались автомобили... Он увидел, что к подъезду подъехала его служебная машина. Вспомнил, как на этой же машине они с Семеном Кучеренко ехали на вокзал, как на прощанье шутливо напутствовал своего друга:

— Если случайно сквозняком прохватит, пей настойки из болгарских трав. Чудодейственные, сказывают, там травы. Сто видов. От всех хворей. Смотри береги себя, Семен. Будем ждать. Обещали на учебу тебя определить. Привет Балеву, всем болгарским товарищам.

— На них вся надежда. Точно така.

— Болгарин, брат, если уж он друг, то друг до гробовой доски. Хорошие, надежные хлопцы!

Пчелинцеву до мельчайших подробностей вспомнилось лицо Семена Кучеренко в раме вагонного окна. Эх, Сема, Сема! Бесстрашный солдат «тихого фронта»...

Вот уже много раз Пчелинцев перечитывал лаконичное донесение о гибели Семена Кучеренко в Варне. Товарищи сообщали: Иванка услышала, как агенты Покровского допрашивали Василису Матвеевну. Когда она бежала, чтобы предупредить Семена Кучеренко, за нею была организована погоня. И все же девушка добежала до телеграфа, предупредила Семена об опасности. Здание телеграфа окружили террористы Покровского. В перестрелке Семен Кучеренко погиб.

* * *

Генерал Кутепов вызвал к себе Покровского и с ноткой недовольства в голосе принялся выговаривать:

— Слишком много проколов в резиновых колесах ва-

шей колесницы, генерал. Ваши люди действуют подчас грубо. Забывают, что они не у себя дома и что, хочешь не хочешь, нужно соблюдать правила игры, отдавать дань уважения местным властям... хотя бы формально. Устроили погоню за этой болгаркой...

— За шпионкой, господин генерал.

— Она болгарка и, следовательно, находится под защитой своего правительства. Чиновники из канцелярии премьера Стамболийского сделали барону официальное представление, причем в весьма строгой, предупредительной форме.

— Выходит, пусть Агаповы сеют смуту, а мы будем оглядываться на демократическое правительство?

— Вашим людям нужно быть поосмотрительней. Работать с умом, гибко. Нас предупреждают, что коммунисты и кое-кто из земледельческого народного союза задались целью раздобыть планы нашего штаба. Это уже не просто акция, которая должна осуществиться под диктовку ЧК. Наши неприятели из болгар видят в нас угрозу демократическому правительству Стамболийского, угрозу правительственного переворота. Ну а если это обстоятельство идет в унисон с задачами большевиков, то выполнение наших задач, — Кутепов особенно подчеркнул эти два слова, — весьма и весьма осложняется, увеличивается риск... Надеюсь, генерал, вы понимаете, о чем речь? Речь о том, что наши враги хотят заполучить секретный пакет.

— Насколько я понимаю, господин генерал, пакет, о котором известно узкому кругу посвященных, находится в надежных руках. Я далеко не новичок в контрразведке, господин генерал, тем не менее не устаю восхищаться вашей проницательностью, дальнозоркостью. Готов поклясться, господин генерал, что лично у вас проколы исключены.

— Плюньте трижды через плечо! — быстро произнес Кутепов. — Будь у меня возможность, я, не задумываясь, спрятал бы секретный пакет у себя в желудке. Не стал бы ни есть, ни пить. Голодал бы до тех пор, пока план не станет реальностью. В осуществлении этого плана, генерал, весь смысл моей жизни. Ради него я готов на какие угодно унижения и муки. Я твердо верю в успех нашего дела.

— Аминь! — воскликнул Покровский.

— Но призываю к осторожности и еще раз к осторожности! — сказал Кутепов, отпуская Покровского.

* * *

На берегу моря Серафим Павлович Рудский склонился над мольбертом. Рисовал или, как он сам говорил, увековечивал эпизод возвращения русского воинства на родину. Рядом с врачом-художником находился его баул. Серафим Павлович торопился. Шла погрузка на пароходы, отправляющиеся в Одессу. Те, кто окончательно решил вернуться в Россию, в конце концов, несмотря на чинимые командованием врангелевской армии препятствия, получили разрешение. Добился своего и Серафим Павлович. День отъезда на родину был для него самым счастливым днем, и он спешил запечатлеть для памяти, для потомков... Рудский не заметил, как к нему подошла Анна Орестовна.

— Наконец-то я вас разыскала. Вы не раздумали, Серафим Павлович? — спросила она.

— О, никак нет, уважаемая Анна Орестовна, так же, как и тысячи наших соотечественников, — сказал он, с улыбкой кивнув на большой поток людей, которые поднимались по трапу.

— Как я завидую вам, Серафим Павлович! — тихо произнесла балерина.

— Неделей раньше, неделей позже... Потерпите, Анна Орестовна. Будем ждать вас в Петрограде. Надеюсь еще увидеть вас на сцене Мариинки.

— Здешний царь Борис предсказывает нашим воинам скорый конец страданиям и возвращение домой, — сказала она.

— Монарх поддерживает наши комитеты содействия возвращению обманутых солдат на родину, в Россию? Разве это не звучит парадоксально, Анна Орестовна?

— Было бы парадоксально. Но царь, как и Врангель, Кутепов и прочие наши воротилы, не отказались от интервенции против Советской России. Так-то, Серафим Павлович. Вот и вы в Россию рветесь, однако же у вас совесть чиста. Надеюсь, вы не помышляете о присоединении к интервентам?

— Нет, увольте. Хватит с меня! Насмотрелся на всяких маньяков, авантюристов... Простым фельдшером пойду в далекую глухомань. России служить можно везде. Помните тургеневские слова о том, что никто из нас без России обойтись не может?

К ним стремительно подошел молодой офицер, энергично козырнул врачу, почтительно поклонился даме. Он

явно был смущен неожиданным присутствием знаменитой соотечественницы и не знал, как вести себя. Выручил Серафим Павлович:

— Анна Орестовна, прошу любить и жаловать: мой юный протеже Сергей Волконский. Не прямой потомок декабриста, но все же какая-то очень дальняя родня. — И тут же поспешил добавить: — Свято чтит, как он говорит, своего однофамильца и старается быть во всем достойным декабриста Волконского. Делами своими, поведением, службой России. Вы уж, будьте добры, Анна Орестовна, удостойте этого молодого человека своим вниманием и дружбой.

— Вы следуете благородному примеру большого русского человека. Весьма похвально. Ну а как вы смотрите на поступок Серафима Павловича? — спросила Гринина молодого офицера-подпоручика.

— О, всему свое время, — ответил за Волконского Серафим Павлович. — Моего подопечного и здесь ждут важные дела.

— В военных делах я полный профан, — улыбнулась Анна Орестовна.

Серафим Павлович ободряюще кивнул Волконскому, и тот, обратившись к балерине, начал:

— Мадам Гринина, я не вполне уверен, что своей просьбой не поставлю вас в неловкое положение. Однако важность дела, о котором упомянул уважаемый Серафим Павлович, вынуждает меня решиться. Могли бы вы выслушать меня, Анна Орестовна?

— Ради бога! Извольте, — последовал ответ.

— Так вот, в Велико-Тырново наезжает один болгарин по имени Христо Балев. Весьма симпатичный человек, не только отлично знает, но и боготворит Россию. Так вот, этот Балев рассказал мне о знакомстве, точнее, о дружбе с вами, которой он очень гордится. У меня возникла проблема... Мне нужна поддержка, помощь... Я надеялся на посредничество вашего кузена и моего давнего доброго знакомого Александра Кузьмича Агапова, но его отправили в Югославию. А дело не терпит отлагательства. К тому же, я в этом уверен, оно имеет прямое отношение к Балеву и его друзьям, среди которых, наверное, есть и наши соотечественники. Не согласились бы вы замолвить перед Балевым словечко за меня? В смысле моей готовности быть ему во всем полезным?

— Не могли бы вы объяснить мне более конкретно, о чем речь? — спросила Анна Орестовна.

— Он поймет, о чем речь, если вы скажете, что я служил под началом Александра Кузьмича Агапова, почитаю его как отца родного.

— За вас ходатайствовал бы мой родственник?

— Думаю, что да.

— Тогда, господин Волконский, можете рассчитывать на мое содействие.

— Премного вам благодарен, Анна Орестовна. Даю слово чести, что оправдаю ваше доверие.

Подпоручик откланялся, на прощание крепко обнял Серафима Павловича и поспешил к пристани.

— Вы знаете, на что я обратила внимание, — задумчиво произнесла Гринина. — Те, кто по-настоящему любит родину, могут заблуждаться, пребывать в плену традиций, бояться нарушить чувство долга и чести. Но в конце концов правда берет верх. Эти люди прозревают, поднимают бунт...

— Я не в курсе его дела. Полагаю, однако, что его работа в штабе корпуса не может не заинтересовать подлинных патриотов новой России и наших болгарских друзей, — сказал Серафим Павлович.

Прозвучали последние гудки. Пароходы были готовы к отплытию. Серафим Павлович, сняв с мольберта картину, протянул ее Грининой:

— Одна у вас уже есть, которую я подарил Александру Кузьмичу той памятной ночью. Примите, Анна Орестовна, и этот скромный дар. Мы с господином Агаповым всегда верили, что день возвращения на родину рано или поздно наступит. Сегодня мой день. Завтра будет для вас с Агаповым.

Серафим Павлович склонился к руке Грининой:

— Счастливо оставаться, Анна Орестовна. И до скорой встречи на родной земле.

Анна Орестовна стояла до тех пор, пока пароход, увозивший Рудского, не отчалил. Она и не заметила, как рядом оказался Балев.

— Христо! — сказала она, не оборачиваясь. — С чего начать концерт?

— С Авроры.

— Вы там будете?

— Мысленно.

— Почему же?

— Пока что секрет.

— А Волконский?

— Вы с ним знакомы?

— Он мне внушает доверие. Быть может, этот человек будет вам полезным.

— Ему очень доверяют в штабе.

— Доверяйте и вы. Он оценит.

— Вы так считаете, Анна Орестовна? Откуда такая уверенность?

— Если одной моей веры мало, то почему бы вам, Христо, самому не поговорить с ним по душам? Он высоко чтит Агапова, верен ему и его делу.

После короткого молчания Балев сказал:

— Может быть, предстоящая операция «Концерт» будет начата гораздо раньше. Точно така. Прошу прощения, но и я должен покинуть вас, Анна Орестовна. Срочные дела.

— Ну бог вам в помощь.

Балев ушел, а Анна Гринина еще долго смотрела на пароходы, державшие курс к берегам России.

* * *

План похищения секретного пакета Христо Балев уточнял при встрече с Иваном Пчелинцевым. В Москве встал вопрос об участии в этой чрезвычайно важной операции молодого офицера Волконского.

Христо Балев горячо доказывал:

— Подумай только, Ванюша, выходец из аристократической семьи, доверенное лицо Кутепова сам предлагает свои услуги. Кладет на стол такие козыри... Думаю, Ванюша, что, ознакомившись обстоятельнее с материалом, ты убедишься, что это не...

— Липа?

— Точно така.

Пчелинцев, явно заинтересованный, принялся внимательно просматривать привезенные Балевым бумаги. Христо не унимался:

— Что нам удалось выяснить о Волконском? Вот что говорит о нем Агапов. С детства мечтает быть таким же, как декабрист Волконский. Это легко понять. Мое поколение тоже мечтает быть похожим на великих бунтарей-революционеров Васила Левского и Христо Ботева. Точно така. Волконский рассказал мне интересную историю одной болгарской семьи, которая давным-давно покинула свою родину, проживала сначала во Франции, потом в России. Потомки главы рода, покинувшего Болгарию, жили по соседству с имением декабриста Волконского. Они были на хорошем счету в обще-

стве, молодежь делала успехи в науках и на государственной службе. Да, была такая довольно известная в России фамилия — Булгари. Один из молодых Булгари подружился с блестящим петербургским офицером, и тот посвятил его в тайны заговора горстки военных, готовившихся выступить против царя. Чем кончилось выступление декабристов, знают все. Мало кому, однако, известно имя болгарина, который тоже был наказан, хотя непосредственного участия в вооруженном выступлении не принимал. Оказавшись с врангелевской армией в Болгарии, наш Волконский принялся разыскивать следы этих Булгари. Пока что безуспешно. Надо сказать, что подпоручик Волконский с большой доброжелательностью относится к местным жителям, простым людям, установил связи с нашей прогрессивной интеллигенцией. И, что тоже немаловажно, он в дружбе с Агаповым, который много делает для возвращения русского воинства на родину. Скажу тебе, Ванюша, что Волконский двадцатого века, как у нас говорят, — настоящий юнак, такой же, как и Волконский девятнадцатого века. Точно така.

— То, что ты рассказал, Христо, очень интересно. Среди врангелевских офицеров немало представителей потомственной русской интеллигенции, верных патриотов своей родины, — сказал Иван Пчелинцев. — В нашей операции, однако, все должно быть предельно ясно и четко. Никаких экспромтов, ничего непредвиденного. Я склонен думать, что Волконский именно такой, каким ты его описываешь. И то, что его потянуло к Агапову, и это можно понять. В кутеповском штабе он пользуется доверием исключительно благодаря своему аристократическому происхождению.

— Вполне с тобой согласен, Ванюша. Точно така.

— Одним словом, необходима самая тщательная проверка.

— Успеем?

— Надо успеть. Однако и то, что Волконский уже сообщил, очень ценно для нас. Особенно план похищения секретных документов из штаба. Не знаю местных условий, не бывал и в Софии, но товарищи, которые знают вашу столицу, особенно ее центр, говорят, что, учитывая все меры предосторожности, принятые врангелевской контрразведкой и самим командованием армии, план извлечения секретных бумаг разработан весьма оригинально, практически осуществим... Но ты, Христо,

как ни говори, все же предлагаешь идти на риск, большой риск.

Да, Балев предлагал идти на риск. Зная его, Пчелинцев не сомневался, что план разработан совместно с другими болгарскими товарищами, которые посвящены в тайный замысел врангелевцев. Участие в операции русского штабного офицера могло значительно повысить шансы на ее успех.

Пчелинцев должен был поддержать перед высоким начальством предложение болгарских товарищей. Он склонился к тому, что необходима тщательная проверка, осуществить которую поручалось лично Христо Балеву.

* * *

В связи с наступлением нового, 1922 года в Военном клубе в Софии был устроен банкет в честь генерала Кутепова. После первых тостов небольшая группа самых доверенных буржуазных деятелей из «Военной лиги» и других крайне реакционных партий уединилась с гостем и его приближенными в салон, к которому была приставлена сильная охрана.

Воодушевленный таким приемом, генерал Кутепов, манерно растягивая слова, посвящал в общих чертах в ближайшие планы врангелевской армии:

— Уважаемые господа! Встреча нового года ознаменована созданием весьма важного комитета, призванного способствовать сближению русского воинства с лучшими представителями вашей нации. Я уполномочен, господа, уведомить вас о готовящемся наступлении против Совдепии. Центр восстания, разумеется, находится в России. Нашей армии, дислоцированной на Балканах, в связи с этим предстоит выполнить ряд операций чрезвычайной важности. Повторяю: важности чрезвычайной. Уважаемые господа! Нам предстоит нанести сокрушительный удар по большевистской России.

Кутепов повернулся к карте, чтобы показать пункты новой дислокации врангелевских войск в северной части Болгарии, как вдруг его внимание привлекло то, что подпоручик Волконский что-то чертит в своем планшете. После мгновенного раздумья генерал обратился к нему:

— Господин подпоручик, подойдите, пожалуйста. Прошу извинить, господа. Вспомнил о важном поручении. Господин подпоручик, немедленно отправляйтесь в штаб. Через полчаса мне должны позвонить. Передайте,

что я жду повторного звонка завтра утром. Выполнив поручение, немедленно возвращайтесь сюда. Планшет оставьте здесь... на столе.

Волконский положил планшет перед Кутеповым и быстро удалился. Кутепов перевел взгляд на офицера с мрачным лицом, и тот вышел вслед за Волконским. Перед тем как продолжить свой секретный доклад, Кутепов мельком посмотрел на планшет и увидел незаконченный рисунок, который явно представлял собой шарж на генерала Покровского, сидевшего недалеко от стола. «Шутник этот подпоручик, — недоуменно пожал плечами генерал. — И что за легкомыслие в то время, когда обсуждаются столь серьезные вещи? Надо будет пробрать его как мальчишку», — решил он и вновь обратился к хозяевам банкета:

— К вашему сведению, господа, в Свиштове расквартирован Дроздовский полк, в Варне — авиационный отряд и военное училище, в Никополе — Алексеевский полк и военное училище, в Казанлыке — Корниловский полк, в Орехове — Марковский полк, в Габрове и Севлиеве — конные дивизионы...

* * *

Волконский вышел из военного клуба, который находился в самом центре города. В нескольких шагах от клуба в большой витрине отеля «Болгария» его внимание привлекла афиша о предстоящем концерте звезды русского балета Анны Грининой.

Волконский медленно брел по улице, выложенной брусчаткой. Его не покидало чувство, что кто-то за ним следит. Остановившись у витрины, увидел в стекле знакомый силуэт. Присмотревшись, он узнал офицера с мрачным лицом.

Волконский вошел в гостиницу, где размещался штаб врангелевских войск в Болгарии, стал подниматься по лестнице.

Балева, Ванко, Чочо и Иванку, которые следили за входом в штаб из окна здания, находящегося напротив, преждевременный приход Волконского сильно озадачил.

— Рановато, — в недоумении промолвил Балев, взглянув на часы. — Почему он так рано вернулся?

— И один, — заметил Чочо.

— Может, получил срочное задание? — высказал предположение Ванко.

— А этот почему тащится за ним? — насторожился

Балев, заметив офицера, вошедшего в штаб вслед за Волконским.

События развивались явно не по плану, намеченному участниками операции «Концерт». Во-первых, Волконский вернулся в штаб очень рано. Во-вторых, за ним увязался офицер, известный своей жестокостью и собачьей преданностью Кутепову. А где же сам генерал? Что заставило Волконского раньше времени покинуть военный клуб, где происходит важная встреча? Ванко и Чочо молча смотрели на Балева. Их взгляды выражали недоумение и растерянность.

Подпоручик Волконский вошел в приемную, сказал дежурному офицеру:

— Его превосходительство генерал Кутепов уполномочил меня провести телефонный разговор.

Офицер, по пятам преследовавший его, вошел в комнату и с непроницаемым видом уселся напротив подпоручика.

— И у вас задание, господин капитан? — спросил Волконский.

— Мое задание проще простого, господин подпоручик, — прохрипел тот в ответ. — В любой момент с превеликим удовольствием нажму на курок.

* * *

Динино письмо было обнадеживающим. Анна Орестовна с волнением читала мужу и сыну послание сестры:

«Дорогие наши, долгожданные, спешу сообщить вам, что профессор Фатьянов ознакомился с историей Костика и принял решение оперировать его. Надеемся на благополучный исход и с нетерпением ждем вашего приезда. Все будет хорошо! Любители балета помнят Анну Гринину. А что за партнер ее ожидает! Тимку помните? Настоящий принц. Любимый ученик твоей учительницы, Аннушка. Очень жаль, что ваш отъезд откладывается. Но, видно, так надо... Иван и Тимка кланяются всем вам...»

* * *

В один из вечеров в театре собрался цвет болгарской столицы. Концерт русской балерины удостоил своим присутствием сам царь. В ложах восседали высшие военачальники и офицеры врангелевской армии. Зал

затаив дыхание следил за каждым движением Анны Грининой. Кутепов наклонился к Покровскому:

— Поговаривают, будто это вы уговорили мадам Гринину тряхнуть стариной. Как вам удалось, генерал?

— Люблю сюрпризы.

— Нелегко завоевать благорасположение такой особы с бунтарским нравом. Красная балерина. Без пяти минут в Совдепии. И вдруг такой прощальный бенефис. Просто диву даюсь, генерал... Балерины танцуют по вашему заказу, художники рисуют ваши портреты...

Это был намек на шарж, сделанный Волконским. Самодовольная улыбка мигом исчезла с лица Покровского:

— На Руси Волконские, как известно, всегда любили пошалить. Их шалости попахивали виселицей. Этот а-ля декабрист тоже может плохо кончить.

— Как он ведет себя? — поинтересовался Кутепов.

— Замкнут. Ушел в себя. Неразговорчив.

— Он многое знает. Слишком много. За ним нужен глаз да глаз. Оставьте его пока в покое. Пусть рисует, — сказал Кутепов. — Из штаба подпоручика нужно удалить. Да-с, к сожалению, таких проказников завелось напоследок в русской армии немало...

— Если не сказать, что великое множество.

— Прискорбно все это.

— Не держали бы нас за руки, мигом расправились...

Покровский кивнул в сторону ложи, где сидели члены правительства, продолжил:

— При другом правительстве все эти Агаповы, Гринины, Волконские и прочие ходили бы по струнке, не якшались бы с коммунистами, земледельцами и всякими здешними де-мо-кра-та-ми...

Взрыв аплодисментов потряс театр. Грининой долго бисировали. Она опять вышла на сцену.

Зрители как зачарованные не сводили глаз с танцовщицы. Восторженная публика не хотела отпускать русскую звезду. Сцена была усыпана цветами.

Генерала Кутепова пригласили в царскую ложу. Монарх поблагодарил русского генерала за блестящий успех его соотечественницы. От их взгляда не ускользнуло, как из ложи напротив на сцену бросили пышный букет алых роз.

— Кто такие? — поморщился монарх.

— Коммунисты, ваше величество, — ответил адъютант.

— Так они и сюда проникли? — удивился царь.

— Депутаты Народного собрания, ваше величество, Коларов, Димитров, Кабакчиев...

— Того и гляди господин Стамболийский со своими земледельцами пастухов пустят в ложи, — брезгливо произнес монарх.

— Тем более что уже есть с кого брать пример, — иронично заметила одна из придворных дам и, обращаясь к генералу Кутепову, полюбопытствовала: — И долго вы намерены, господин генерал, терпеть у себя в Мариинке разную шваль, которая, говорят, теперь свила там себе гнездо?

— Надеюсь, уважаемая госпожа не желает провоцировать меня на непозволительную откровенность, — многозначительно ответил Кутепов.

— Нехорошо иметь тайны от истинных друзей... — не унималась придворная дама.

— Боже упаси! Вы наша опора в священной борьбе. С вашей и божьей помощью мы выдворим из царских палат голь перекатную. Пусть пашут землю да пасут свои стада. Древние не зря придумали: кесарю кесарево. Никому не дано менять установленный миропорядок...

— Браво, господин генерал, браво! — похвалил царь. — Вполне разделяю ваши взгляды и молю бога о том, чтобы ваши планы... генеральные планы... Вы, конечно, меня понимаете, дорогой генерал?

К Кутепову подошел адъютант Скабичевский и, пошептав что-то на ухо, передал лист бумаги. Кутепов, извинившись перед монархом и его свитой, отошел в сторону и посмотрел на бумагу. Это была начертанная кем-то карта Болгарии, вся испещренная условными знаками.

— Что это? — не понял Кутепов.

— Вот что представляет собой... шарж, нарисованный подпоручиком Волконским. Только что удалось расшифровать эту тайнопись, господин генерал.

— А точки? Что это за условные знаки?

— Места дислокации наших войск...

— Взяли под арест? — нетерпеливо спросил Кутепов.

— С вашего разрешения...

— Немедленно! Ни минуты промедления! Я, к сожалению, должен остаться здесь. Покровскому ни слова. Не то он может все испортить. После ареста срочно доложить мне. Не теряйте время! Всё!

Адъютант быстро удалился.

Кутепов процедил сквозь зубы подошедшему Покровскому:

— Шалости и в наше время, господин генерал, кончаются виселицей или пулей в лоб.

* * *

В то время когда многие врангелевцы присутствовали на концерте Грининой, Сергей Волконский с решительным видом вошел в штаб. Двое офицеров сидели у железной двери, охраняя вход в комнату с несгораемым шкафом, где хранились сверхсекретные бумаги.

— Добрый вечер, господа! — поздоровался Волконский. — Сидите себе и знать не знаете, что происходит рядом, в театре. Вы себе не представляете, что за чудо эта Гринина! Волшебница, свела всех с ума...

— Служба, — коротко произнес один из офицеров.

— Вот то-то и оно, брат, — согласился Волконский и, выхватив из карманов пистолеты, навел их на офицеров. Коротко приказал: — Руки вверх! Не шевелиться!

И тут же появились вооруженные Балев и Ванко. Один из офицеров уперся затылком в стену. Раздался пронзительный вой сирены. Балев и Ванко быстро обезоружили охрану, вместе с Волконским открыли железную дверь, включили свет... Вдруг в комнату ворвался офицер с мрачным лицом и выстрелил в Волконского. Сделать второй выстрел ему не удалось: он упал, сраженный пулей Ванко.

На тревожный вой сирены поспешили трое врангелевских офицеров, дежуривших в соседнем помещении. Вбежать в комнату, где стоял сейф, им не пришлось. Чочо, спрятавшись за колонной, меткими выстрелами убил двоих. Третий ранил Чочо в руку. Чочо бросился на врангелевца, началась рукопашная схватка...

Христо Балев вытащил из кармана раненого Волконского ключ и передал Ванко, который стал открывать большой несгораемый шкаф.

— Мы у цели. — Балев старался вдохнуть силы в истекающего кровью Волконского. — Задание будет выполнено, дорогой друг. Твою рану...

Волконский горячо перебил его:

— Быстрей, быстрей пакет. Он там, я точно знаю, он там... Торопитесь... Эта проклятая сирена... Торопитесь!

* * *

У входа в штаб резко затормозила машина, из которой выскочили несколько офицеров во главе с адъютантом Скабичевским. Их прибытие было замечено помощниками Христо Балева из здания напротив штаба. Услышав выстрелы, они выбежали на улицу. Группа Скабичевского бросилась в здание. Комната с сейфом была закрыта. С большим трудом удалось выломать дверь. Комната была пуста. Все перевернуто вверх дном, повсюду виднелись следы смертельного столкновения... Дверца несгораемого шкафа оказалась открытой.

— Измена! — упавшим голосом произнес побледневший адъютант и приказал: — Негодяя Волконского взять живым или мертвым!

В штабе поднялся большой переполох. Воспользовавшись неразберихой, Чочо незаметно выбрался из здания. Первым его встретил переодетый в офицерскую форму Григоровский, боевой подпольщик из Севастополя. Он помог Чочо сесть в автомобиль, в котором уже сидели Иванка и другие участники операции.

Балев и Ванко выбрались на улицу через потайную дверь. Они держали под руки Волконского. Христо сказал Ванко:

— Беги, Ванко! Любой ценой передай пакет! А я...

Балев взвалил на себя Волконского и скрылся в темном переулке. Стоявшие неподалеку в обнимку парень с девушкой поспешили ему на помощь. Раненого подпоручика молча внесли в дом.

Когда преследователи выбежали из штаба, то увидели автомобиль перед поворотом на другую улицу. По команде Скабичевского все бросились в свою машину для погони. Отъехать далеко преследователям не удалось. Григоровский, который находился перед зданием штаба, пока его друзья выполняли задание по извлечению секретных бумаг из несгораемого шкафа, воспользовался своей формой офицера врангелевской армии и проколол шины автомобиля, в котором приехали Скабичевский и его подручные. Пока преследователи пересаживались на другую машину, Ванко и его друзья были уже далеко.

Анна Гринина уже который раз выходила на «бис». Вдруг на сцене произошло нечто непредвиденное. Завершив блестящее фуэте, Анна Гринина развернула алую

кружевную шаль, подняла высоко над головой и стала размахивать ею. На какое-то мгновение в зале воцарилась гробовая тишина. Потом галерка разразилась громом аплодисментов. Многие в зале радостно и бурно приветствовали этот поступок русской балерины. Депутаты левых партий вскочили со своих мест, начали кричать:

— Браво! Браво!

Вынуждены были аплодировать, но уже далеко не так восторженно и в первых рядах партера.

Кутепов посмотрел на Покровского и, избегая встречаться взглядом с монархом, поспешно покинул ложу.

Зрители с задних рядов и галерки, преимущественно молодежь, хлынули вперед, взобрались на сцену, подняли на руки танцовщицу с алым знаменем...

В костюме Авроры она как бы олицетворяла ставший легендарным русский крейсер «Аврора» с развевающимся на флагштоке победным красным знаменем... Лучшего финала придумать было нельзя! Это был подвиг на сцене, подвиг в театре, где были не только друзья русской революции, но и враги, причем враги злейшие...

Раздались свистки блюстителей порядка. Запев «Смело, товарищи, в ногу!», толпа стала спускаться со сцены...

Стоя за кулисами, Кирилл Васильевич Гринин часто подносил платок к глазам и радостно шептал:

— Триумф, настоящий триумф для тебя, Аннушка. Для тебя и твоей революции триумф. За такое торжество я готов отдать жизнь. Ты отомстила за все и за всех, Аннушка.

* * *

В ту ночь должен был выйти экстренный номер болгарской коммунистической газеты «Работнически вестник». На первой странице крупным шрифтом были набраны заголовки: «Предательская игра раскрыта», «Секретный пакет разоблачает планы врангелевского командования». Раньше всех о случившемся узнали типографские рабочие. Старый наборщик — «словослагатель», как его уважительно называли по-здешнему, — поделился с соседом:

— Слышал я, что, когда по заданию нашей партии добывали этот самый пакет, был тяжело ранен один русский...

— Настоящий патриот Советской России, — отозвался молодой печатник.

— И еще говорят, будто он из знаменитой русской фамилии, — продолжал наборщик.

По настоянию Анны Орестовны раненого Волконского тайком перевезли к ним в дом, который охранялся дружиной помощников Христо Балева. Подпоручик был в беспамятстве. В бреду все куда-то рвался, бессвязно повторял:

— Санкт-Петербург... Санкт-Петербург! Жить, домой... Во глубине сибирских руд... Огонь! Огонь! Санкт-Петербург... Матушка! Еду, еду, матушка...

— Мы выходим его, — обещала Гринина

И действительно, несмотря на тяжелую рану, молодой офицер вскоре стал медленно поправляться. Домашняя обстановка как нельзя лучше благоприятствовала быстрому восстановлению сил. Балев нашел врача, которого можно было не опасаться, и Волконский, разыскиваемый агентами Покровского, чувствовал себя в безопасности.

Как-то в разговоре с Гриниными Волконский заметил, что завидует тем, кто теперь уже окончательно собирался на родину.

— А почему бы и вам не последовать нашему примеру? — спросила Анна Орестовна.

— Так я и сделаю скоро, — ответил Волконский. — Ветром, бурей закружило нас, унесло далеко от родины. Стихнет буря, многие вернутся точно так же, как и вы.

* * *

Весь наличный командный состав врангелевской армии был срочно собран в штабе. Когда Кутепов в сопровождении вооруженной охраны появился перед вытянувшимися в струнку, не на шутку струхнувшими высшими офицерами, глаза его метали молнии, весь его вид не предвещал ничего хорошего. Здесь был и генерал Покровский, считавшийся главным виновником разразившегося в театре скандала. Его тягчайшая провинность стократ усугублялась тем, что, будучи шефом контрразведки, он нес прямую ответственность за похищение секретных документов. Покровский понимал всю тяжесть своей вины. Понимал, что обречен и что пощады ждать нельзя. Он приготовился выслушать самый суровый приговор...

В ушах явственно слышался скрипучий голос Кутепова.

Нервы видавшего виды Покровского не выдержали. Он сделал то, что от него требовал молчаливый взгляд Кутепова: пистолет к виску...

Вскоре самому Кутепову пришлось держать ответ перед бароном Врангелем. Разговор происходил без свидетелей, с глазу на глаз.

— Это неслыханный провал! Его не искупить кровью невесть кем одураченных болванов! — резко, с трудно сдерживаемым гневом распекал его барон. — Да-с, Александр Павлович, мировой скандал с далеко идущими последствиями! Вы заварили кашу, вам и расхлебывать. Я умываю руки. Россия, наши потомки никогда не простят этого. Вам придется держать ответ перед историей... Да и весь цивилизованный мир! Что скажут наши союзники? Нас бросят, да-с, именно бросят на голодный паек! Как жалких шавок!

Выйдя от разгневанного главнокомандующего, Кутепов чуть не столкнулся с капитаном Агаповым. Опальный офицер, которого Кутепов давно собирался отдать под суд за крамольные статьи, уже служил не в его корпусе. Агапов отдал честь генералу и первым, очень довольный чем-то, энергичной походкой вышел из приемной.

— Кому этот субъект подчиняется? — небрежно бросил Кутепов дежурному офицеру.

— Надо полагать, господин генерал, что с сего дня... никому, — ответил офицер.

Кутепов вскинул брови.

— Капитан Агапов получил разрешение на возвращение...

Кутепов не дослушал. То, о чем нетрудно было догадаться, в другое время заставило бы его принять надлежащие меры, чтобы помешать отступнику добиться своего. Сегодня ему было не до офицера, который в числе многих других возвращался в Россию. Сегодня его призывали совершить то, что сделал Покровский. Но у Кутепова нервы были крепче. Он еще верил в свой «звездный час».

Благодаря похищенному секретному пакету тайные планы врангелевцев получили огласку, стали достоянием широкой общественности в Болгарии и за ее пределами.

Заговор на рассвете — еще один большой антисоветский заговор против страны, совершившей социалистическую революцию, — с позором провалился. Заговор, разоблаченный болгарскими патриотами и членами «Союза возвращения на родину», имел громкий резонанс. Были получены неопровержимые данные о том, что врангелевское командование сколачивает в Софии антисоветское объединение «Русский общевойсковой союз», в задачу которого входили повышение боеспособности русской военной эмиграции. Врангелевцы при активной поддержке монархистов и деятелей правых буржуазных партий организовали широкую кампанию помощи «русским беженцам». Сборы шли на создание ударных боевых групп, которые должны были стать авангардом готовящегося нападения на Советскую Россию. Как грибы, стали множиться белогвардейские газеты черносотенного направления: «Русское дело», «Свободная речь», «Казачьи думы» в Софии; в Тырнове выходил «Информационный листок штаба первого армейского корпуса». Из Австрии по Дунаю, а также через Румынию и Чехословакию потянулись караваны судов и железнодорожные составы с оружием и военным снаряжением для Врангеля, для остатков войска Петлюры. В Белграде, главной штаб-квартире белого войска, делались заявления о том, что все подразделения приведены в полную боевую готовность и по первому сигналу могут выступить в поход против большевистской России. По приказу генерала Кутепова проводилось усиленное военное обучение и подготовка кадров. В Софии активную деятельность развили разного рода контрреволюционные и террористические белоэмигрантские организации.

Летом 1922 года по решению съезда болгарских коммунистов среди трудового населения страны развернулась усиленная работа по оказанию сопротивления заговорщическим действиям врангелевского командования, в защиту Советской России. Одним из проявлений выражения солидарности с молодой Советской Республикой был организованный в Софии многолюдный митинг. Народ слушал гневные и пламенные речи активных деятелей коммунистических и социал-демократических партий России, Германии, Румынии, Греции, Турции... Ораторы в один голос требовали решительного изгнания врангелевской армии за пределы Болгарии.

Требование демократических кругов Болгарии о безоговорочном выводе белого войска со всей силой прозвучало и в Народном собрании — парламенте страны.

С трибуны прозвучал голос представителя коммунистической фракции Народного собрания Васила Коларова. Он говорил, что теперь уже ни для кого не секрет — командование разбитой и бежавшей из Советской России добровольческой армии барона Врангеля готовилось совершить два военных похода. Первый — в союзе с крупными империалистическими державами, а также при содействии — материальном и моральном — правительств Югославии и Румынии против Советского государства, мирового отечества рабочих и крестьян. Второй — в союзе с фашистско-монархическим и «Народным сговором» и «Военной лигой» против демократического правительства Стамболийского.

Не обращая внимания на разноречивые возгласы «Позор!», «Изгнать врангелевцев из Болгарии!», «Это клевета на мирную армию!», оратор продолжал говорить о том, что от фактов, от документов никуда не уйти. Они изобличают, они требуют немедленных ответных мер правительства и Народного собрания. Врангелевская армия чуть ли не у самой границы Советской России насчитывает десятки тысяч штыков. И все это в полной мобилизационной готовности. Вот, например, какой приказ был получен командиром первого армейского корпуса генералом от инфантерии Кутеповым из штаба барона Врангеля в Югославии: «В связи с предстоящим возможным открытием в близкое время военных действий совместно с известной вам коалицией против Советской власти в России главнокомандующий приказывает срочно, но не позже 31 марта 1922 года, представить на рассмотрение мобилизационный план вверенного вам корпуса». Интервенция против Советской России была делом решенным. Английская «Дейли мейл» писала в те дни: «Подготовка нового нападения на Советскую Россию приняла уже конкретные формы в виде десанта в Одессу и на кавказское побережье Черного моря, для чего вся врангелевская армия сконцентрирована в Северной Болгарии». «Таковы факты, документы, поступающие из стана противников Республики Советов, — продолжал оратор. — Что же касается участия белой армии во внутреннем военном перевороте, то об этом, надо полагать, лучше осведомлены некоторые господа депутаты, находящиеся в этом зале,

те, кто участвовал в преступном сговоре с высшими чинами штаба Врангеля, кто на новогоднем банкете в честь генерала Кутепова официально оформил создание комитета совместных действий против коммунистов, против демократического правительства, против симпатизирующего Советской России трудового болгарского народа».

В зале поднялся шум, то и дело раздавались возгласы негодования...

Оратор поднял над головой бумагу — тайный врангелевский план — и повысил голос:

— Да, господа, вот здесь черным по белому написано, что в день переворота белогвардейские части должны были оккупировать город Перник, врангелевским частям надлежало сосредоточиться возле села Арбанаси в районе Тырнова для дальнейшего продвижения на север. По условному сигналу врангелевцы должны были занять в Софии следующие важные учреждения, здания, коммуникации: Народный дом, площадь у Львиного моста, электростанцию, площадь Святого Краля. И если этого не случилось, если предотвращено новое бедствие для нашего исстрадавшегося народа, то лишь благодаря смелым, решительным действиям патриотических сил страны, благодаря жертвам, принесенным на алтарь нашей национальной независимости, демократии и свободы.

Васил Коларов повернулся к председательствующему:

— От имени коммунистической фракции в Народном собрании на основании вышеизложенного требую включения в повестку дня настоящей сессии вопроса о немедленном выдворении врангелевских войск из Болгарии.

* * *

Настал день отъезда Грининых. Решили ехать поездом. В тот же день болгарские друзья провожали Волконского во Францию, где в эмиграции находилась его мать. Старушка писала, что живет в нужде, тоскует по сыну. Покровский сошел со сцены, но сеть врангелевской контрразведки продолжала существовать, ее тайные агенты неусыпно следили за «изменниками святого дела», к числу которых был причислен и подпоручик Сергей Волконский. Поэтому болгарские друзья Волконского приняли все меры предосторожности, чтобы он

мог живым и невредимым добраться до Франции. В Париже его должны были встретить Сюзан Легранж и ее друзья. Волконского снабдили документами на имя русского коммерсанта Кулигина — компаньона известного болгарского «рыботоргового дельца» Венцеслава Балканского. Одной только Сюзан было известно, кто скрывается за этими именами.

Сергей Волконский прощался с Гриниными. Эти люди приняли в нем такое большое участие — выходили тяжело раненного, помогли встать на ноги... Он считал себя не просто другом, а членом этой прекрасной семьи. Говорил, что непременно приедет в Питер, в Россию, что разлучается с Гриниными ненадолго, что не представляет свою жизнь без общения с ними — людьми, которым он обязан жизнью.

Ему давно хотелось задать Анне Орестовне один вопрос. И он это сделал в последний день. Когда они остались одни, подпоручик спросил:

— Анна Орестовна, ради бога, скажите, как это вы тогда, когда мы провожали Серафима Павловича, сразу поверили мне и приняли близко к сердцу мои слова, просьбу замолвить за меня слово перед Балевым? Вы верили в меня?

— Я люблю верить в людей, — коротко ответила Анна Орестовна.

— Спасибо! — прошептал Волконский с чувством благодарности. — Тогда у меня будто выросли крылья. Я уверовал в нужность задуманного мной предприятия. Признаюсь: я горжусь тем, что нам удалось совершить. То, что не могли совершить наши предки, сделают их потомки. После такого не страшно было и умереть.

— О, вам еще надо жить и жить, мой друг! — воскликнула Анна Орестовна. — Работать и работать. Для России.

Они расстались, дав друг другу слово, что непременно встретятся в России. Они понимали, что новая Россия нуждается в просвещенных, интеллигентных людях, подлинных патриотах...

— И с вами, Христо, встретимся в России, — сказала Анна Орестовна Балеву.

— Точно така! — подтвердил болгарин, который за эти месяцы и годы успел крепко подружиться с Гриниными.

На перроне старого софийского вокзала была такая масса провожающих, что можно было подумать, что лю-

ди собрались на митинг. Цветов такое множество, что Ванко, большой мастер на выдумки, украсил ими старый-престарый паровоз и щедро одарил удивленных машинистов.

До румынской границы Грининых провожали Христо и Иванка.

— Ждем вас в России! — сказала на прощание Анна Орестовна друзьям, сделавшим для нее и ее семьи так много добра.

Гринины с нетерпением ждали, когда поезд пересечет границу Советской России. На пограничную станцию прибыли ночью. Вот она, своя земля, родина! Анна Орестовна и Кирилл Васильевич не спали. Они стояли у окна обнявшись и плакали навзрыд, как дети. Хотели разбудить Костика, но потом передумали. Пусть поспит.

Рано утром Костик первым делом выглянул в окно.

— Это еще заграница? — спросил он.

— Нет, сынок, это наша земля, — ответила Анна Орестовна.

— Хорошая? — спросил мальчик.

Анна Орестовна крепко прижала его к себе.

— Самая хорошая! — сказал Кирилл Васильевич.

Паровоз громко загудел, казалось, что он тоже торопится в Москву.

* * *

Перед лицом неопровержимых фактов, свидетельствующих о многочисленных нарушениях статута пребывания на территории Болгарии, положение врангелевской армии становилось весьма шатким. На международной конференции в Генуе представители правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики потребовали разоружения и роспуска добровольческой белой армии барона Врангеля в связи с имеющимися неопровержимыми документами, которые разоблачают преступные действия этой армии, направленные не только против Советского государства и нынешнего правительства суверенной Болгарии, но и против дела мира, ликвидации последствий мировой войны.

В Париже на заседании Союзнической конференции председательствующий вынужден был сделать следующее официальное заявление, прозвучавшее как приговор:

«Союзническая конференция считает нужным в сложившейся ситуации объявить о разоружении и роспуске на территории Болгарского государства добровольческой русской армии под командованием генерала Врангеля».

Приняло необходимое решение и болгарское правительство. Врангелевской армии было предложено покинуть территорию страны. Правительство обязалось способствовать возвращению желающих в Россию, а белоэмигранты, оставшиеся в Болгарии, расселялись по разным населенным пунктам группами по пятьдесят-сто человек. Устанавливался строгий контроль за расходами на содержание врангелевских войск.

Христо Балев и его единомышленники не только занимались сбором сведений о том, что большая часть белоэмигрантов заявляет о желании возвратиться на родину. Каждый день в газетах, издаваемых «Союзом возвращения на родину», публиковались письма-заявления покидающих армию Врангеля. Балеву опять понадобилась пишущая машинка. Он выстукивал сообщения в Москву о том, что генералы Зеленин, Гравицкий, Клочков и Секретов, много полковников и старших офицеров выступили на страницах газеты «Новая Россия» с призывом ехать на родину, в Советскую Россию. На этот призыв сразу же откликнулись, опубликовав свое заявление в газете, еще два генерала и шесть десятков офицеров. Между казачеством и врангелевским командованием наступил полный разрыв. На общеказачьем съезде в Софии было решено порвать всяческие связи с Врангелем и признать Советскую власть. Зерно, брошенное в почву Агаповым и его друзьями, дало хорошие всходы. И сам Агапов тоже вернулся на родину. «Поток людей, решительно порвавших со своим прошлым, покидающих армию Врангеля, желающих на любых условиях возвратиться в новую Россию и искупить свою вину честным трудом на благо своей отчизны, с каждым днем увеличивается», — сообщал Христо в Москву для опубликования в советских газетах.

Болгарские коммунисты оказывали «Союзу возвращения на родину» всемерную поддержку. При ЦК Болгарской компартии была образована специальная комиссия по координации деятельности с этим союзом, созданы русские группы из наиболее активных пропагандистов и просоветски ориентированных военнослужащих врангелевской армии.

Чочо, Ванко и их боевые товарищи, проводив Грининых, прямо с вокзала поехали в условленное место. Представитель ЦК Шаблинский сообщил, что болгарское правительство арестовало и интернировало несколько видных генералов армии Врангеля.

* * *

Все дороги наших героев вели в Москву. В конце 1922 года в новой квартире Пчелинцевых собрались дорогие гости. Иван Пчелинцев опять вернулся в журналистику, работал в редакции родной газеты.

Один из первых советских журналистов-международников, он писал обстоятельные статьи, очерки о внешней политике своей страны, об интернациональных подвигах зарубежных друзей-коммунистов. Давно была задумана книга об этой большой силе в XX веке — интернациональном братстве. Материалов накопилось много, особенно о том, как дружба и братство двух компартий — советской и болгарской — одержали верх в борьбе с врангелевской армией, способствовали победоносному завершению гражданской войны, краху интервенции... В Москву приехали Христо Балев с Иванкой, Ванко и Чочо из Болгарии, друзья-интернационалисты из Польши, Венгрии, Германии, Румынии, Чехословакии, Югославии, Австрии... Прежде чем пригласить всех за праздничный стол, Иван Пчелинцев взял со стола газету «Известия».

— Посмотрим, какие новости, — загадочно произнес он, бережно раскрывая газету. — Да, друг мой Христо, мои дорогие болгарские друзья, подвиг ваш, наша с вами совместная работа отмечены. Вот послушайте, что здесь сказано. Он громко прочел:

«Именно эта поддержка, именно сочувствие к нам трудящихся масс во всем мире было последним, наиболее решительным источником, решающей причиной того, что все совершенные против нас нашествия завершились крахом».

— Точно така! — воскликнул Христо Балев. — Так мог сказать товарищ Ленин.

— Именно! — подтвердил Иван Пчелинцев. — Это слова Владимира Ильича.

Пчелинцев, обняв Балева, проникновенно сказал:

— Я уверен, дорогие товарищи, что при встрече с вами Владимир Ильич поблагодарил бы вас за то, что вы сделали для нашей революции... Помнишь, Христо,

как в те дни, когда Октябрьская революция переходила свой Рубикон, товарищ Ленин обратился к вам, болгарским коммунистам, со словами, что сегодня вы помогите нам, а завтра мы поможем вам.

— Точно така! — согласился Балев. — Было такое. Дорогие друзья! Мы готовимся к болгарской революции. И мы знаем, мы уверены, что братья по классу во всем мире помогут нам. Да, друзья мои, Великой Октябрьской социалистической революции, нашей общей революции, уже пять лет.

Все крикнули «ура!». Балев сел за пианино и заиграл «Марсельезу», как в тот незабываемый день — семьдесят третий день Октябрьской революции. И, как тогда, все запели на разных языках.

Павел, который появился с множеством свертков и огромным букетом цветов, бросился всех обнимать. Кульки, пакеты посыпались на пол... Павел, держа в руке букет, кого-то искал глазами.

Дина сказала:

— Скоро придет... придут все.

Павел от растерянности и смущения не знал, куда положить цветы. И в это время пришли Гринины вместе с Агаповым. В комнате началось подлинное столпотворение. Тимка из дальнего угла «прицелился» фотоаппаратом запечатлеть на память собравшихся друзей.

— Готово! Фотографии будут вручены лично! — озорно кричал он. — Исторический факт: друзья-интернационалисты отмечают пятую годовщину нашей революции.

Дина села за пианино. Знакомые звуки вальса звали Тимку повторить «коронный номер», который он некогда исполнил в кабинете комиссара Мариинки. Но юноша не двигался с места. Он стоял, не сводя глаз с Анны Орестовны, которую давно по-мальчишески боготворил...

— Интернационал почти в полном сборе! — не мог удержаться от радостного восклицания Иван Пчелинцев.

— Все повторяется, — взволнованно произнесла Сюзан. — Мне Жорж рассказывал...

— Да, — задумчиво сказал Пчелинцев, — ради этого, дорогие друзья, стоило бороться.

— На грани жизни и смерти! — продолжил его болгарский друг.

ЭПИЛОГ

В дни юбилея Великого Октября в Москву приехало много зарубежных гостей. В Большом Кремлевском дворце активным участникам революции и гражданской войны были вручены советские награды. Сотни убеленных сединой мужчин и женщин, полвека назад помогавших русскому пролетариату, партии большевиков с оружием в руках защищать первое в мире государство рабочих и крестьян, пронесли через всю жизнь верность своим идеалам.

Моложавая женщина в строгом темном костюме называла имена награжденных зарубежных интернационалистов. Подошла очередь и гостя из Болгарии — назвали его имя.

Плечистый, с шапкой густо посеребренных волос и строгим взглядом больших черных глаз, болгарин встал и твердым шагом направился к столу, накрытому красным сукном.

После церемонии награждения многие поспешили к Христо Балеву, который сказал, что вечером все члены журналистской коммуны в красном Питере собираются у Ивана Пчелинцева. Хозяин дома — высокий, такой веселый, как все гости, радушно встречал людей, с которыми дружил вот уже несколько десятков лет. Легко узнавал их, гордый тем, что его страна так высоко отметила незабываемый подвиг интернационалистов...

— Товарищи, панове, геноссе, камарады, другари! — молодо воскликнул Иван Пчелинцев. — Честное слово, вы все такие же... Как в день семьдесят третий.

— Точно така! — отрапортовал Христо Балев.

София — Москва
1972—1980 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ИБ № 2725
Николай Александрович Паниев

НА ГРАНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Редактор **Т. Костина**
Художник **К. Фадин**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Т. Кулагина**
Корректоры **Г. Трибунская, Г. Василёва**

Сдано в набор 20.03.81. Подписано в печать 17.07.81. А09801. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,1. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 100 000 экз.). Цена 85 коп. Заказ 349.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

•

801.
'ура
Уч.-
из.).

ства
апо-

85 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ